

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 4 (40)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Жукоцкая А. В.</i> главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Черненко С. В.</i> зам. главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
<i>Кожевников С. Б.</i> ответственный секретарь	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Ананишин В. М.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
<i>Бессонов Б. Н.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Бирич И. А.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
<i>Мамедова Н. М.</i>	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
<i>Хилханов Д. Л.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
<i>Оганисян А. О.</i>	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
<i>Чжан Байчунь</i>	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2021

EDITORIAL COUNCIL:

Remorenko I. M.

Chairman

Rector of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of Moscow City University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation

Ryabov V. V.

Vice-chairman

President of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of Moscow City University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Gevorkyan E. N.

Vice-chairman

Vice-Rector for Academic Affairs, Moscow City University, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor

Agranat D. L.

Vice-chairman

First Vice-Rector of the Moscow City University, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Education

EDITORIAL TEAM:

Zhukotskaya A. V.

Chief Editor

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Philosophy, Professor

Chernenkaya S. V.

Deputy Editor-in-Chief

Associate Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Candidate of Philosophy, Associate Professor

Kozhevnikov S. B.

Executive Secretary

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Philosophy, Professor

Ananishnev V. M.

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Bessonov B. N.

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Philosophy, Professor

Birich I. A.

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Philosophy, Associate Professor

Mamedova N. M.

Professor of the Department of History and Philosophy of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanova, Doctor of Philosophy, Professor

Khilkhanov D. L.

Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Oganisyan A. O.

Professor of the Department of Philosophy and Logic named after Academician Georg Brutyanyan of the Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan, Doctor of Philosophy

Zhang Baichun

Professor at the Institute of Philosophy, Beijing Normal University, PhD in Philosophy

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Социальная философия

Васильев В. В. Феномен социальной неопределенности в неклассической (постнеклассической) исследовательской парадигме: специфические черты и особенности.....	9
Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Феномен этнического самоопределения в современном обществе: социально-философский аспект (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу).....	20
Пенкина Н. В., Чернявская О. В. Туризм как система социальной практики: социально-философский анализ	37

История идей и современность

Равочкин Н. Н. Генезис идей в процессах коммуникации между интеллектуалами (кейс полемики М. Оукшотта и Кембриджской школы).....	48
Горина И. В., Коваленко С. Ю. Философия имени как тайна творчества, по А. Ф. Лосеву: от «умного числа» к символу.....	59

Теория познания

Шульга Е. Н. Игровое кодирование структуры миропонимания	67
Черненькая С. В. Семиотика рекламы Р. Барта.....	77
Маслова А. В. Онтологический поворот в исследовании интуиции.....	86

Философия образования

Ананишнев В. М., Вакарев Е. С., Осмоловская С. М.,
Ткаченко А. В. Цели и ценности современного высшего
образования: философско-социологический подход 96

Исследования молодых ученых

Кучин А. В. Общая иерархия права в исторической
ретроспективе (социально-философский анализ)..... 108

Памяти Эдуарда Александровича Баграмова..... 115

Требования к оформлению статей..... 116

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	8
-----------------------------------	---

Social Philosophy

Vasiliev V. V. The Phenomenon of Social Uncertainty in a Non-Classical (Post-Non-Classical) Research Paradigm: Specific Features and Characteristics.....	9
Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. The Phenomenon of Ethnic Selfdetermination in the Socio-philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe).....	20
Penkina N. V., Chernyavskaya O. V. Tourism as a Social Experience System: Social and Philosophical Analysis	37

History of Ideas and Modern Age

Ravochkin N. N. Ideas Genesis in Communication Processes Between Intellectuals (Case of M. Oakshott and Cambridge School Polemic).....	48
Gorina I. V., Kovalenko S. Yu. The Philosophy of the Name as the Secret of Creativity, by A. F. Losev: From a “Smart Number” to a Symbol	59

Theory of Knowledge

Shulga E. N. Encoding the Worldview Structure with Gaming.....	67
Chernenkaya S. V. The Semiotics of Advertising by R. Barthes.....	77
Maslova A. V. The Ontological Turn in the Study of Intuition.....	86

Philosophy of Education

Ananishnev V. M., Vakarev E. S., Osmolovskaya S. M., Tkachenko A. V. Goals and Values of Modern Higher Education: a Philosophical and Sociological Approach.....	96
--	----

Research of Young Scientists' Research

Kuchin A. V. The General Hierarchy of Law in Historical Retrospect (Socio-Philosophical Analysis).....	108
In memory of Eduard Alexandrovich Bagramov.....	115
Requirements for Style Articles.....	116

Задачи номера

Основное содержание этого номера можно символически выразить такими понятиями, как «социальная неопределенность», «ценности» и «методология», если выстроить их в следующую логическую структуру. Ключевой характеристикой современного общества является состояние, которое принято называть социальной неопределенностью. Глобальные макропроцессы отошли на второй план и уступили место осмыслению индивидуальной истории и практикам повседневности, социокультурному и социopsихологическому многообразию. Современный этап развития общества включает в себя множество жизненно важных процессов и проблем, которые развиваются в контексте мультикультурности и быстро меняющегося набора ценностных ориентаций. Все это требует адекватного реагирования на них не только самих социальных субъектов, но и исследователей социальных процессов. Расширяющийся плюрализм, преобладание принципов относительности и нестабильности современного социума детерминируют разрушение целостной картины мира, порождают этический и ценностный релятивизм.

Как следует реагировать и как исследовать столь сложный объект,

как современное общество? Конечно, многое зависит от методологии, выбранной исследователем. Наши авторы стараются рассматривать проблемы возникновения социальной неопределенности, критерии и шкалы социальных оценок, цели и ценности современной молодежи, специфику социального института высшего образования, генезис идей в процессах коммуникации интеллектуалов, сущность и смысл слова, в том числе и рекламного, в парадигме постнеклассической методологии. В плюралистическом, постоянно меняющемся обществе, где возникает множество этических, ценностных и социальных проблем, стремление человека представить долгосрочные и достоверные прогнозы вряд ли оправданно. Методологически более продуктивно увидеть и оценить вероятностный характер социальных тенденций, относительность свойств социальных систем, обратить внимание на эволюционное развитие социума, его способность к самоорганизации, использовать рефлексивность и конструктивизм, не пренебрегая и синергетической парадигмой, так как именно точки бифуркации обуславливают непредсказуемость поведения социальных систем.

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.01

Феномен социальной неопределенности в неклассической (постнеклассической) исследовательской парадигме: специфические черты и особенности

В. В. Васильев

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета.

ул. Стара Загора, д. 76, Самара, Россия, 443081.

E-mail: vasilev-429@mgpu.ru, ORCID: 0000-0003-0643-8911

Аннотация. В статье анализируются специфические черты и особенности анализа феномена социальной неопределенности в неклассической исследовательской парадигме: отказ от универсальных позитивных оснований и акцентирование внимания на методологическом плюрализме, экзистенциализме и релятивизме. В статье отмечается, что неклассический подход при анализе социальных феноменов характеризуется повышенным вниманием к социокультурному и социопсихологическому многообразию, что позволяет сделать вывод о роли этических и ценностных ориентаций, а также актуальности интеллектуальных и психологических особенностей познающего субъекта. Автор подчеркивает ключевое значение, уделяемое в постнеклассической научной парадигме, теории самоорганизации, межпредметный характер которой позволяет понимать социальную неопределенность в качестве ключевой характеристики сложных, открытых и неравномерных систем и необходимого элемента, определяющего перспективы социального развития.

Ключевые слова: социальная неопределенность, неклассическая методология, постнеклассическая методология, плюрализм, релятивизм, этика, ценностные ориентации, социальная дезорганизация, синергетика, открытые и неравновесные системы, точка бифуркации

Для цитирования: Васильев В. В. Феномен социальной неопределенности в неклассической (постнеклассической) исследовательской парадигме: специфические черты и особенности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 9–19. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.01

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.01

The Phenomenon of Social Uncertainty in a Non-Classical (Post-Non-Classical) Research Paradigm: Specific Features and Characteristics

Vladimir V. Vasiliev

PhD (History), Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology.

Samara Branch of Moscow City University.

76 Stara Zagora str., Samara, Russia, 443081

E-mail: vasiliev-429@mgpu.ru, ORCID: 0000-0003-0643-8911

Abstract. The article analyzes the specific features and characteristics of the analysis of the phenomenon of social uncertainty in the non-classical research paradigm: rejection of universal positive foundations and focusing on methodological pluralism, existentialism and relativism. The article notes that the non-classical approach to the analysis of social phenomena is characterized by increased attention to sociocultural and sociopsychological diversity, which allows us to conclude about the role of ethical and value orientations, as well as the relevance of the intellectual and psychological characteristics of the cognizing subject to the emergence of social uncertainty. The author emphasizes the key importance given in the post-nonclassical scientific paradigm to the theory of self-organization, the interdisciplinary nature of which makes it possible to understand social uncertainty as a key characteristic of complex, open and uneven systems and a necessary element that determines the prospects for social development.

Keywords: social uncertainty, non-classical methodology, post-non-classical methodology, pluralism, relativism, ethics, value orientations, social disorganization, synergetics, open and non-equilibrium systems, bifurcation point

For citation: Vasiliev V. V. (2021). The phenomenon of social uncertainty in a non-classical (post-non-classical) research paradigm: specific features and characteristics. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 9–19. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.01>

Конец XIX – первой половины XX века — период перехода от классической к неклассической парадигме методологии науки, основное отличие которых выражалось прежде всего в анализе динамических микроструктур и явлений материального мира, характеризующихся постоянным усложнением и наличием частичной неопределенности как их фундаментальной черты.

К основным характеристикам неклассической методологии необходимо отнести отказ от универсальных позитивных оснований, при наличии неотъемлемых атрибутов неклассического мышления: во-первых, плюрализма, определяющего существование нескольких независимых и нетождественных друг к другу начал или видов бытия, оснований и форм знания, стилей поведения

и т. д.; во-вторых, экзистенциализма, обращающего внимание на уникальность бытия человека и глубину эмоциональной природы; в-третьих, релятивизма, выделяющего постоянную изменчивость действительности и отрицающего устойчивость вещей и явлений, относительность и условность содержания познания.

Исходя из перечисленных особенностей неклассической методологии, влияющих на понимание возникновения социальной неопределенности, необходимо выделить и проанализировать факторы, изначально присущие социальной системе. При этом неопределенность возможно трактовать в качестве ключевого признака социума, возникающего в процессе его динамического развития и влияющего на особенности внутреннего взаимодействия отдельных структурных элементов.

Внутренняя среда социума, содержащая предпосылки неопределенности, в силу того что субъект, рассматривающий аспекты социальной реальности, находится внутри самого общества, характеризуется известной степенью субъективизма и многомерностью истины. О. В. Колесова, характеризуя данный этап развития науки, отмечает: «Мир раскрывает свои структуры и закономерности благодаря активной деятельности человека в этом мире. Только тогда, когда объекты включены в человеческую деятельность, мы можем познать их сущностные связи» (Колесова, 2003, с. 184). Следовательно, осмысление социальных явлений происходит через их гуманизацию. Глобальные объективные макропроцессы отходят на второй план, уступая место индивидуальной истории и микромиру, повседневности и обыденности, социокультурному и социопсихологическому многообразию.

Анализ внутренних, субъективно-психологических причин социальной неопределенности соответствует основным принципам неклассической парадигмы: расширяющемуся плюрализму, принципу относительности и нестабильности, т. е. отсутствию целостного представления об окружающей действительности.

Современный этап развития общества характеризуется расширением спектра жизненно важных процессов и проблем, возникающих на фоне динамичной мультикультурности и меняющегося набора ценностных ориентаций, требующих адекватного реагирования на них со стороны социальных субъектов. Социальная неопределенность может возникнуть на фоне несоответствия сложившихся способов социально-психологического реагирования меняющимся аксиологическим ориентирам — идеалам и нормам. Именно исходя из общей теории ценностей становится очевидным противоречие, заложенное в развитии современного общества. А. М. Дорожкин и Т. А. Пакина констатируют утрату универсальности ценностей и проблемы с критериями их оценки. Модернизация и глобализация как мировые процессы не обеспечивают ментальный синтез на уровне социума и приводят к выбору рискованных стратегий поведения индивидуумами (Дорожкин и Пакина, 2010, с. 151). Этический хаос и неопределенность как специфические черты современного

общества отмечает и А. В. Жукоцкая: «В современном плюралистическом государстве человек живет одновременно во множестве социальных обязательств и этических отношений: в семье, в религиозной общине, в различных союзах, в политической партии, в клубе, в культурных объединениях или группах по интересам и т. д. По отношению ко всем социальным группам у человека есть этические обязательства. В таком этическом плюрализме и при отсутствии государственной этики слабо выражена этическая иерархия, либо ее не существует вообще» (Жукоцкая, 2014, с. 80–81).

Далее автор говорит о том, что «в случае конфликта этических обязательств» человек не находит «какого-либо внешнего этического критерия и этического основания, позволяющего разобраться в иерархии многих социальных и этических связей и тогда ему остается лишь полагаться на «моральный закон в себе». Согласимся с автором, что вряд ли возможно разрешать этические конфликты социальной жизни, основываясь исключительно на своей индивидуальности, ведь всякий человек есть «животное политическое» (Аристотель) (2014, с. 80–81). Поэтому логично, что когда «исчезает этическое единство государства, как это случилось в 90-х гг. XX века в постсоветской России, как происходит сейчас на Украине, различные социальные группы начинают принимать решения на основе своих групповых интересов, групповой этики» (2014, с. 80). В таком случае каждая заинтересованная социальная группа сама оценивает степень этической «нормальности» ситуации и «тот конкретный этический порядок, при котором живет индивид». В свою очередь, это — свидетельство того факта, что «исчезает государственная этика, а значит требование лояльности, как со стороны государства, так и по отношению к государству уже не действует... В таком обществе начинает господствовать этический плюрализм, плюрализм лояльностей, и это общество, несмотря на кажущийся консенсус, находится в двух шагах от этической анархии» (2014, с. 81). В таком плюралистическом, постоянно меняющемся обществе, где господствует неопределенность, возникает много этических и социальных проблем.

Влияние формирования ценностных ориентаций личности на процесс возникновения социальной неопределенности находит конкретное воплощение в проблемах социализации молодежи. Трудности при наследовании норм, обычаев и коллективного статуса выражаются в утрате шкалы социальной оценки, органически присущей человеку, а также критериев, регулирующих поведение, определяющих векторы социального развития и границы безопасного существования.

Подобное специфическое восприятие человеком отраженной социальной реальности может осуществляться намеренно или бессознательно, но всегда будет иметь неоднозначные, неопределенные, но вполне реальные последствия в объективной действительности. Формирующееся и неустойчивое молодежное сознание необязательно является деструктивной доминантой, но тем не менее внимание подобным социопсихологическим факторам при анализе неопределенных состояний общества уделяться должно (Пакина, 2012, с. 45–46).

Многообразие и сложность взаимоотношений между субъектами социальных отношений, обусловленные внутренней психологической потребностью людей образовывать социальные связи в процессе реализации взятых на себя ролей в профессиональной и повседневной жизни, не всегда возможно просчитать. Подобная многовекторность социального взаимодействия на практике сложно поддается институциональной регламентации, что позволяет констатировать неопределенность социальных сетей, как реальных физически, так и существующих в виртуальном пространстве.

Выше уже отмечалось об известной степени субъективизма и многомерности трактовок истины в познании действительности. В настоящее время концепция невозможности объективного суждения, в силу особенности восприятия познающего субъекта, вновь приобретает актуальность в аспектах рассмотрения социальной неопределенности. Интеллектуальные и психологические возможности человека-наблюдателя, находящегося внутри исследуемого объекта, с одной стороны, испытывающего на себе социальную динамику, а с другой, — являясь одной из причин этих изменений, становятся преградой, не позволяющей представить достоверную картину мира и формулировать направления его развития (Хиценко, URL).

Человек, опираясь на собственную интерпретацию обстоятельств, не определяет различие между самим объектом и спецификой информации о нем, выражающейся в неполноте, сознательном искажении или частичной ее потере. Субъективность человека, сталкиваясь с объективным развитием социальной системы, также приводит к появлению неопределенности.

Объективность суждения становится практически недостижимой еще и потому, что постоянные изменения в динамических системах не позволяют экспериментально повторить уникальный опыт в объекте исследования, на это также влияет интеллектуально-психологическое состояние познающего субъекта, являющегося частью системы и отражающего в себе как части все, что происходит в изучаемом целом. Именно подобная рефлексивная петля детерминирует особую социальную неопределенность, так как представленные особенности научного анализа характерны только для социальных структур.

Дальнейшее развитие этой концепции выражается в противоречии, вызванном стремлением человека представить долгосрочный и достоверный прогноз динамики социально-экономических и политических систем. Будучи абсолютно уверенным, субъект тем самым вносит дисбаланс в текущее состояние элементов системы, на котором прогноз основывался.

Опираясь на идеальные духовно-нравственные и общественно-политические ориентиры, их носители, в силу психологической склонности, стремятся выйти за пределы стабильного, равновесного «гомеостазного» существования и воплотить их в реальности любыми способами, не соотнося с возможными потерями, в числе которых вероятность возникновения социальной неопределенности.

Представленные тезисы находят подтверждение в многочисленных проектах и планах, направленных на достижение каких-либо показателей развития

социальной системы, методологическим основанием которых стал программно-целевой подход. Совершенствование структурных элементов нарушает то состояние общества, на котором базировался прогноз. Использование холистического принципа позволяет вывести основания социальной неопределенности через ограниченность возможностей человека в прогнозе развития системы в силу того, что чаще всего анализу и воздействию подвергаются отдельные ее элементы.

Таким образом, рассмотрение факторов социальной неопределенности в неклассической методологической традиции на основе эмпирического опыта, мышления, интуиции и продуктивного воображения позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, неопределенность вообще и феномен социальной неопределенности в частности представляется объектом, наиболее актуальным для анализа с позиций неклассической методологии, предполагающей множество значений, формулировок и контекстных трактовок.

Во-вторых, в основании феномена социальной неопределенности лежат:

- постоянная динамичность социума и его внутренней структуры;
- соответствие способов социально-психологического реагирования на изменение ценностей, намеренное или бессознательное искажение действительности познающим субъектом, находящимся внутри познаваемого объекта;
- нерегулируемая многовекторность социального взаимодействия;
- стремление выйти за пределы стабильного состояния через практическую реализацию социальных проектов, удовлетворяющих потребность человека в долгосрочном перспективном прогнозировании.

В-третьих, исследование данного феномена отвечает социальному заказу, соответствует научному уровню и культурному потенциалу современного общества, выражающим вероятностный характер социальных законов и относительный характер свойств социальных систем и их элементов.

Необходимо отметить, что сочетание методологических концепций дает дополнительные преимущества при исследовании причин социальной неопределенности. Тем актуальнее становится анализ данного феномена в постнеклассической парадигме, обращающей внимание на такие аспекты, как эволюционное развитие социума, его сложность и самоорганизация, рефлексивность и радикальный конструктивизм. Каждый из перечисленных методологических приемов укладывается в синергетическую парадигму научного объяснения физических систем, а также при исследовании социальных процессов, явления и феноменов.

Исходя из теории самоорганизации, социальная среда представляет собой сложную систему совокупных взаимосвязей элементов, располагающихся на различных уровнях и в нечетких границах, зависящих от внешних условий и внутренних процессов.

Общество, относящееся к открытым неравновесным системам по своему типу, подвержено изменениям, которые могут происходить несколько раз

в течение относительно короткого периода времени. При этом элементы, находящиеся на более высоком иерархическом уровне, обладают большей инертностью и, как следствие, более низкой частотой изменений. Оказывая влияние на нижестоящие структуры, они способны вызвать в них дискретные структурные изменения, которые необходимо трактовать в качестве неопределенности, динамического хаоса. При этом случайность накопления новых особенностей является неперенным условием для эволюционного развития социума.

С другой стороны, целеполагающая устойчивость может накладывать ограничения, обуславливать лимитирование в развитии или даже гибель системы под воздействием причин внутреннего порядка, выражающихся в неэффективности и иррегулярности существующих социальных институтов. Стремление к изоляции и консервации социальной системы негативно отражается на ее адаптивной способности, выражающейся в уступках в конкурентных отношениях и стагнации. Выработка адекватных и постоянно действующих механизмов реагирования системы на внешние вызовы может существенно нивелировать последствия неопределенных состояний, что позволяет констатировать необходимость экзогенных факторов и угроз в качестве условий формирования адаптивных механизмов социальной системы (Арбачаускас, 2014).

Социальная неопределенность в процессах общественной самоорганизации проявляется в точках бифуркации и характеризуется возрастанием непредсказуемости поведения общественной системы, к конкретным выражениям которой можно отнести:

- проблемы социальной идентификации человека в его социокультурном окружении;
- трудности в реализации социальных действий, вызванных диссонансом актуализируемых ретроспективных культурных кодов;
- инерционность в динамике социокультурных перемен, существующих социально-экономических, политических и культурных норм, а также перспективных целей социального развития;
- отсутствие корреляции ценностных ориентиров, принятых в различных социальных группах, и т. д.

Напрямую зависящая от закономерной рассогласованности векторов поведения различных социальных групп в достижении целей, социальная неопределенность, с одной стороны, отражает усложнение социальной структуры современного общества, а с другой — представляет собой конкретное содержание точки бифуркации, определяющей вариативность выбора при переходе социальной структуры к новому порядку и выражающим наиболее эффективный вектор общественного развития.

При этом фактор рефлексивной петли, характерный для неклассической методологической парадигмы, используется в синергетическом подходе и применим к пониманию причины возрастания социальной неопределенности от вмешательства наблюдающего субъекта. Выполнение субъектом управленческих функций, анализирующим систему и стремящимся минимизировать

негативные последствия выбора одного из нескольких вариантов развития общества, зачастую не достигает цели из-за субъективности восприятия и интерпретации социального контекста. Социальное управление как способ преодоления социальной неопределенности с точки зрения синергетического подхода связано с пониманием и ожиданием возможных результатов, определяющих последующие действия индивида, понимание смысла действий, определение предпочтительного коридора движения. При этом необходимо учитывать произвольность и случайность общественных процессов, коренящихся в самой системе и вызванных субъективным сопоставлением внешнего мира с собственным пониманием смысла наблюдаемых явлений.

Постоянная практическая деятельность субъекта, направленная на преодоление социальной неопределенности через уточнение социальных моделей на основе собственного опыта, обуславливает социальное развитие и способность системы к конкуренции. Стабильное равновесное состояние общества снижает его способность к эффективному соперничеству.

Следует отметить, что согласно синергетической концепции, задачи, направленные на регулирование сложных социальных процессов, могут быть решены лишь в структурах, где отсутствует авторитарная жесткость и где имеет место полицентрическое распределение полномочий и горизонтальные информационные связи. Целенаправленные действия, в том числе и в рамках широко практикуемого программно-целевого подхода, в сложных авторитарно-иерархических структурах не всегда эффективны, так как помимо заявляемых целей и способов их достижения в процесс вступают многочисленные субъективные факторы: идеи, мифы, соглашения, моральные ценности.

Из этого можно заключить, что основной принцип понимания роли социальной неопределенности в синергетической парадигме связан с нарушением параметров порядка в точках бифуркации, при переходе с одного на другой уровень организации общества, при этом неопределенность необходимо является неотъемлемым свойством социальной системы, обуславливающим ее саморазвитие и самоорганизацию.

Подводя итог анализа роли неклассической и постнеклассической методологических научных парадигм в исследованиях социальной неопределенности, необходимо отметить ряд концептуальных моментов.

Неклассическая методология выделяет неопределенность в качестве ключевого признака общества, возникающего в результате расхождения сложившихся способов социально-психологического реагирования на меняющиеся аксиологические ориентиры и выражающегося в особенностях взаимодействия элементов этих структур. Особенности восприятия познающего субъекта, стремящегося к преодолению неопределенного состояния через долгосрочное прогнозирование, но при этом находящегося внутри исследуемого объекта, также должны учитываться в числе факторов, препятствующих объективному пониманию тенденций развития социальных систем.

Методологический синтез синергетической парадигмы позволил выработать универсальную матрицу восприятия социальной неопределенности и отношения к ее последствиям, в основе которой лежат универсальные процессы самоорганизации. Используя накопленный опыт в анализе примеров нарушения параметров порядка и социальной дезорганизации, сторонники синергетической теории приходят к выводу о неопределенном состоянии как необходимым элементе будущего социального развития.

При этом важно отметить, что не все современные исследователи готовы однозначно рассматривать общество как синергетическую систему и тем самым поставить под сомнение эффективность традиционных линейных методологических подходов. Ведущиеся в научном сообществе споры касаются также ключевой позиции о применимости синергетики в социогуманитарных исследованиях вообще и в тактическом и стратегическом управлении в частности. «Критика синергетического подхода связана с тем, что зачастую при исследовании сложного объекта вместо реального его анализа происходят игнорирование его специфики и редуцирование его свойств к данным системно-синергетическим концептам (Арефьева, 2009).

Таким образом, принимая во внимание особенности неклассического научного плюрализма и релятивистского подхода при анализе социальных процессов и феноменов, отличного от постнеклассической рефлексии трансформации содержания социальных процессов, в основе которой лежит нелинейность и неравновесность, можно утверждать о сущностной близости неклассической и постнеклассической методологий при рассмотрении факторов нестабильности общественных систем, что выражается в принятии за основу тезиса об их постоянной динамичности и сложности внутренней структуры, а также общих субъект-объектных целевых установок в понимании современного мира.

Литература

1. Арбачаускас В. О. Самоорганизация и устойчивость экономических систем в контексте их эволюционной динамики [Электронный ресурс] // Вестник Чел. ГУ. 2014. № 9 (338). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoorganizatsiya-i-ustoychivost-ekonomicheskikh-sistem-v-kontekste-ih-evolyutsionnoy-dinamiki> (дата обращения: 20.03.2021).
2. Арефьева Н. Т. Синергетика как методология социокультурного прогнозирования [Электронный ресурс] // Вестник МГУКИ. 2009. № 6. С. 27–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergetika-kak-metodologiya-sotsiokulturnogo-prognozirovaniya> (дата обращения: 18.08.2021).
3. Воробьев Г. А. Социальная энтропия в предметном пространстве социально-философского изучения. 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Пятигорского государственного университета. URL: <https://pgu.ru/upload/iblock/e60/20.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).
4. Воробьев Г. А. Социальная энтропия и социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности в российском обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 11–20. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-63-4-11-20

5. Гуральник И. А. Перспективы формирования синергетического подхода к анализу социальных явлений и процессов // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2004. № 138. С. 61–64.
6. Дорожкин А. М., Пакина Т. А. Феномен научной неопределенности: анализ проблемы // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». 2010. № 4 (20). С. 150–156.
7. Жукоцкая А. В. Синдром постсоветского общества: от «этического анархизма» к социальной девиации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2014. № 4 (12). С. 79–86.
8. Князева Е. Н. Неопределенность как вызов для исторического творчества // Мир человека: неопределенность как вызов / отв. ред.: Г. Л. Белкина; ред.-сост.: М. И. Фролова; предисл. С. Н. Корсакова и М. И. Фроловой. М.: ЛЕНАНД, 2019. 520 с. С. 111–125.
9. Колесова О. В. Постнеклассическая парадигма в ценностном ракурсе // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «История». Вып. 1 (2). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 184–188.
10. Пакина Т. А. Трудовая социализация молодежи в современных условиях занятости // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2012. № 2 (26). С. 39–46.
11. Хиценко В. Е. Феномен социальной самоорганизации [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads//2013/08/Hits.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).

References

1. Arbachauskas, V. O. (2014). Samoorganizatsiia i ustoichivost` ekonomicheskikh sistem v kontekste ikh evoliutsionnoi dinamiki [Self-organization and stability of economic systems in the context of their evolutionary dynamics] // *Bulletin of Chel*, 9 (338). <https://cyberleninka.ru/article/n/samoorganizatsiya-i-ustoychivost-ekonomicheskikh-sistem-v-kontekste-ih-evolyutsionnoy-dinamiki> (2021, March, 20). [in Russian].
2. Arefieva, N. T. (2009). Sinergetika kak metodologiya sotsiokul`turnogo prognozirovaniia [Synergetics as a methodology of socio-cultural forecasting]. *Vestnik MGUKI*, 6, 27–32. <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergetika-kak-metodologiya-sotsiokulturnogo-prognozirovaniya> (2021, August, 18). [in Russian].
3. Vorobyov, G. A. (2016). *Sotsial`naia entropiia v predmetnom prostranstve sotsial`no-filosofskogo izucheniia* [Social entropy in the subject space of social and philosophical study]. In Ofitsial`nyi sait Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [The official website of Pyatigorsk State University.] <https://pgu.ru/upload/iblock/e60/20.pdf> (2021, August, 21). [in Russian].
4. Vorobyov, G. A. (2017). Sotsial`naia entropiia i sotsial`no-politicheskaia neopredelennost` v prostranstve vosпроизводства sotsial`noi real`nosti v rossiiskom obshchestve [Social entropy and socio-political uncertainty in the space of reproduction of social reality in Russian society]. *Humanitarian and Social Sciences*, 4, 11–20. [in Russian]. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2017-63-4-11-20>

5. Guralnik, I. A. (2004). Perspektivy formirovaniia sinergeticheskogo podkhoda k analizu sotsial'nykh iavlenii i protsessov [Prospects for the formation of a synergetic approach to the analysis of social phenomena and processes]. *Proceedings of the Far Eastern State Technical University*, 138, 61–64. [in Russian].
6. Dorozhkin, A. M., & Pakina, T. A. (2010). Fenomen nauchnoi neopredelennosti: analiz problemy [The phenomenon of scientific uncertainty: analysis of the problem]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series «Social Sciences»*, 4 (20), 150–156. [in Russian].
7. Zhukotskaya, A. V. (2014). Sindrom postsovetskogo obshchestva: ot «eticheskogo anarkhizma» k sotsial'noi devitsii [The syndrome of post-Soviet society: from “ethical anarchism” to social deviation]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (12), 79–86. [in Russian].
8. Knyazeva, E. N. (2019). Neopredelennost' kak vyzov dlia istoricheskogo tvorchestva [Uncertainty as a challenge for historical creativity]. In G. L. Belkina (Ed.), M. I. Frolova (Ed.-Comp.), S. N. Korsakova, & M. I. Frolova (Preface). *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [The world of man: uncertainty as a challenge] (pp. 111–125). M.: LENAND. [in Russian].
9. Kolesova, O. V. (2003). Postneklassicheskaja paradigma v tsennostnom rakurse [Post-nonclassical paradigm from a value perspective]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod St. Un-ty. N. I. Lobachevsky. Series «History»*, 1 (2), 184–188. Nizhny Novgorod: Publishing house of NNSU. [in Russian].
10. Pakina, T. A. (2012). Trudovaia sotsializatsiia molodezhi v sovremennykh usloviakh zaniatosti [Labor socialization of youth in modern employment conditions]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod St. Un-ty. N. I. Lobachevsky. Series «Social Sciences»*, 2 (26), 39–46. [in Russian].
11. Khitsenko, V. E. (n.d.). *Fenomen sotsial'noi samoorganizatsii* [The phenomenon of social self-organization]. In Sait S. P. Kurdiyumova [Website of S. P. Kurdyumov]. <https://spkurdyumov.ru/uploads//2013/08/Hits.pdf> (2021, March, 20). [in Russian].

УДК 572 (571.54)+39(5)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

Феномен этнического самоопределения в современном обществе: социально-философский аспект (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу)

Э. В. Хилханова

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, ORCID: 0000-0001-9369-343X

Д. Л. Хилханов

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-9382-7757

Аннотация. Статья обращена к двум актуальным темам современности — миграции и этнической идентичности — на примере бурятской интеллектуальной миграции в страны Западной Европы. Целью работы, построенной на материалах полевого исследования 2016 г. (двадцати двух интервью с бурятами-мигрантами), является анализ этнического самоопределения, способов манифестации и поддержания бурятской этничности в миграционном контексте. В результате исследования была выявлена актуализация этничности в инокультурной среде и определены стратегии и практики проявления и поддержания этнической идентичности, находящиеся на шкале некоего континуума, от индифферентности до активного и осознанного отношения к ней (этнического активизма). Наиболее распространенной стратегией является, однако, символическая этничность, актуальность которой обусловлена ее опорой на невербальные культурные маркеры. Доказано, что на символическом уровне этничность рассматривается большинством мигрантов как примордиальная, но на реальном уровне она имеет инструментальный и ситуативный характер. Исследование также показало ослабление групповых и усиление индивидуальных и космополитичных идентификационных стратегий среди бурят-мигрантов, особенно молодых. В целом авторами отмечается широкая вариативность стратегий и практик проявления и поддержания этнической идентичности в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническое самоопределение, бурятская интеллектуальная миграция, буддизм, символическая этничность, культурная идентичность

Благодарность: авторы благодарят многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, мы признательны Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку полевого исследования

по данному проекту. Во-вторых, мы хотим поблагодарить всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на наши вопросы. И, наконец, хотелось бы выразить свою благодарность профессору, д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле). Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования: Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Феномен этнического самоопределения в социально-философском аспекте (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 20–36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

UDC 572 (571.54)+39(5)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

The Phenomenon of Ethnic Self-Determination: Socio-Philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe)

Erzhen V. Khilkhanova

Dr. Sc. (Linguistics), Leading Research Associate, Associate Professor.

Institute of Linguistics of the RAS

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, ORCID: 0000-0001-9369-343X

Dorzhi L. Khilkhanov

Dr. Sc. (Sociology), Professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: khiklhanovdl@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-9382-7757

Abstract. The article addresses two topical issues of our time — migration and ethnic identity. The aim of the work is to analyze ethnic self-identification, ways of manifestation and maintenance of Buryat ethnicity in the migration context. The work is based on twenty-two interviews with well-educated and highly qualified Buryat migrants in Western Europe. As a result of the study, the actualization of ethnicity in a foreign cultural environment was revealed, although strategies and practices for the manifestation and maintenance of ethnic identity are on the scale of a continuum from indifference to an active and conscious attitude to it (“ethnic activism”). The study has found that the extreme poles of these positions are less common than the most widespread strategies of “symbolic ethnicity” and “cultural identity”. Although at the symbolic level ethnicity is considered by most migrants primordial, at the real level it has an instrumental and situational character, without affecting the daily practices of their life and becoming the subject of reflection. The study also showed the weakening of group identification strategies and strengthening of individual and cosmopolitan strategies among Buryat migrants, especially young ones. In general, the authors note

a wide variety of strategies and practices for the manifestation and maintenance of ethnic identity, depending on a number of factors such as family upbringing, peculiarities of migrants' socialization and inculturation, age, life plans, family status.

Keywords: ethnic identity, ethnic self-determination, Buryat intellectual migration, Buddhism, symbolic ethnicity, cultural identity

For citation: Khilkhanova E. V., & Khilkhanov D. L. (2021). The Phenomenon of Ethnic Self-determination in the Socio-philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 20–36. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.02>

Введение

С момента начала этнического возрождения наше понимание такого фундаментального понятия, как «этническая идентичность», терпело значительное изменение. Литература по этой теме бесчисленна и постоянно пополняется. То же самое можно сказать и о миграционных исследованиях, количество которых в последнее время резко увеличилось из-за интенсификации перемещения людей через границы со второй половины XX века. Исследования миграции из стран бывшего Советского Союза занимают здесь особое место из-за беспрецедентного размера русскоговорящей эмиграции (в рамках статьи невозможно перечислить все исследования на эту тему, поэтому назовем только некоторые из них: Попков, 2016; Бакаева, 2019; Гучинова, 2004; *Русский мир...*, 2018; Isurin, 2011).

Постановка проблемы

В большинстве исследований по миграции из бывшего СССР, особенно из России, полиэтническая и мультикультурная масса мигрантов традиционно воспринимается под лейблом «русские». В данной статье предлагается посмотреть на российскую миграцию более диверсифицированно, сквозь призму этничности, и сделать это на примере представителей одной этнической группы — бурят — и их миграции в страны Западной Европы. Нашей целью является анализ этнического самоопределения, способов манифестации и поддержания этничности представителей данной группы в миграционном контексте.

Здесь необходимо кратко оговорить ключевые термины: «этничность», «этническая идентичность», «этническое самоопределение», — которые в научной литературе часто используются синонимично. Этничность и этническая идентичность — по сути один и тот же феномен, но нюансы в их интерпретации все же есть. Независимо от того, рассматривать ли этничность как социальный конструкт или примордиальное явление, она не является просто гипотетической. Как утверждает В. Зелински, этническая категоризация

является неотъемлемой частью социальной реальности как нечто «глубоко укорененное в сознании индивидов и групп», с одной стороны, и «прочно закрепленное в институциональной жизни нашего общества» — с другой (Zelinsky, 2001, p. 3). В понятии же этнической идентичности акцент делается на первом — на «глубокой укорененности в сознании индивидов и групп», т. е. здесь речь идет о личностном «присвоении» этничности, о процессе вхождения ее в структуру идентичности и (само)приписывании этничности определенного места в этой структуре (см. об этом также в (Жаде, 2006, с. 69)). Другой важный акцент в понятии этнической идентичности — это то, что она является одной из многих ипостасей (гражданской, гендерной и т. д.) более широкой идентичности индивида. В понятии этнического самоопределения этого значения множественности идентичностей нет — само это словосочетание предполагает процесс становления представлений индивида о себе в мире только по «этнической линии», но когнитивно-деятельностный аспект в понятии этнического самоопределения выражен сильнее, чем в понятии этнической идентичности, хотя почти все исследователи, говоря о последней, считают нужным подчеркнуть ее динамический характер. В нашей статье используются все три термина в вышеприведенных значениях.

Отметим, что тема бурятской миграции изучена неравномерно: в отличие от миграции на Запад, движение бурят на Восток, в первую очередь в Монголию и Китай, где ныне живут значительные по размеру бурятские диаспоры, многократно становилось объектом внимания ученых (см., например: (Балдано и Дятлов, 2017; Namsaraeva, 2012; Нацагдорж, 2013)). Мы полагаем, что бурятские мигранты являются интересным объектом исследований в предлагаемом ракурсе из-за их изначальной этнической и культурной принадлежности к центральноазиатской цивилизации, и конкретно к монгольскому миру — удобной научной метафоре, используемой для описания исторически сложившегося общего историко-культурного пространства, включающего в себя как огромные территории исконного расселения монгольских народов, так и более широкое географическое пространство, вовлеченное в орбиту современных миграций, ранее локализованных в границах Центральной и Восточной Азии (*Трансграничные миграции...*, 2015, с. 4). «Бурятский кейс», однако, более сложен, чем миграция из центра современного монгольского мира — Монголии — ввиду того, что буряты на протяжении более 350 лет существуют в двойственном историческом контексте, являясь, с одной стороны, частью монгольского мира, с другой — частью России, ощущая себя, соответственно, частью и общемонгольской, и российской истории.

Методология исследования

Основным инструментом сбора данных был метод интервью, основанного на стандартизированной анкете. Всего во время полевого исследования в 2016 г. было записано 22 интервью с бурятами-мигрантами, проживающими

в странах Западной Европы (преимущественно в Германии и Франции) не менее трех лет. Информанты представляли четыре возрастные группы (рис. 1).

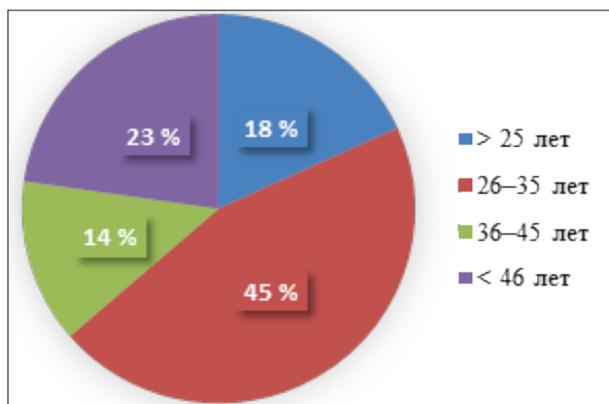

Рис. 1. Возрастная характеристика информантов

Наиболее важной характеристикой объекта исследования является высокий уровень образования бурятских мигрантов. К моменту эмиграции почти все участники полевого исследования имели высшее образование (20 человек), один имел среднее профессиональное образование и одна участница была школьного возраста (на момент интервью этой участнице было 24 года).

Это значит, что исследуемая группа представляет собой определенный сегмент в общем эмиграционном потоке, а именно интеллектуальную миграцию (подробнее об этом см. в: *Интеллектуальная миграция...*, 2014)), в широкой трактовке включающую в себя всех лиц, получивших профессиональную квалификацию и находящихся за рубежом более одного года (2014, с. 21).

Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии, используемые бурятскими мигрантами, обусловлены принадлежностью именно к такой категории мигрантов и, скорее всего, являются репрезентативными только для нее и не могут быть экстраполированы на другие группы, например на неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию. Образовательный уровень находит отражение в сферах деятельности и статусах информантов (см. рис. 2). Отметим, что почти все информанты работали или учились, кроме трех (14 %), которые были домохозяйками на тот момент. Из рисунка 2 видно, что большинство опрошенных работает в сфере образования и науки (32 %) или учится (23 %), преимущественно в магистратуре.

Отметим, что полуструктурированное интервью предполагает определенную гибкость при его проведении. Вопросы могут варьироваться в зависимости от хода протекания разговора при сохранении общей канвы интервью, определяемой целью исследования. Такая техника позволяет сделать процесс интервью ближе к свободно протекающему разговору, а не к устному опросу и способствует созданию непринужденной обстановки, что важно для получения искренних и продуманных ответов. Ведь, будучи в поле, исследователь

Рис. 2. Профессиональная характеристика / статус информантов

не может предугадать реакций информантов или знать заранее, какой именно вопрос послужит триггером для получения наиболее интересных и информативных ответов.

В целом, как уже упоминалось, миграция бурят в Европу редко привлекала внимание исследователей. Среди них можно назвать проект по бурятским иммигрантам в европейских странах под руководством австрийского антрополога и этнолога С. Криста (Венский университет), результаты которого должны быть опубликованы в 2021 г. Также можно назвать следующие публикации о бурятских мигрантах в Европе: (Башкуев и Нанзатов, 2017; Нанзатов, 2017; Хилханова и Хилханов, 2020 и др.).

Результаты исследования

Несмотря на общепринятое определение «русские», результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что буряты, как и другие нерусские этнические группы, воспринимают себя как единое целое с другими русскоязычными благодаря общему советскому языковому, культурному и историческому прошлому и в то же время как самостоятельные группы, в силу своего этнического происхождения, в рамках постсоветского сообщества в Западной Европе и других странах. Этническая идентичность актуализируется и становится более выраженной в инокультурной среде, о чем свидетельствует следующая выдержка из интервью:

В 2000 г., когда я в первый раз была в Германии, я начала задумываться. До того я сильно не задумывалась об этом. Это все произошло под влиянием извне, под влиянием этих вопросов постоянных: а что это такое, где это находится, а что это за народ? Очень сильный интерес. Я до сих пор... у меня такое ощущение, что а-а, если я здесь что-либо значу в научном плане, то именно я... каким-то образом... все мое пребывание здесь подтолкнуло меня к тому, чтобы найти ответы на эти вопросы: кто я, что это значит — быть выходцем из Бурятии здесь, в Европе. (Марта, 36 лет, Германия). (В соответствии с правилами этики научного исследования в целях сохранения персональных данных участников интервью имена информантов изменены, названия городов не приводятся.)

Сильным стимулом для актуализации этничности в сознании информантов и рефлексии на тему своей этнической самоидентификации является несоответствие бурят антропологическому стереотипу жителя России:

Чаще спрашивают: откуда ты, я говорю: из России, потом говорят: как так, ты же не похожа на россиянку, не выглядишь как русская. Начинаешь объяснять, что есть Республика Бурятия в Восточной Сибири, там живут люди, похожие на монголов. <...> Они понимают, кто такие монголы. (Аяна, 28 лет, Германия).

Такое восприятие извне говорит, в частности, о том, что любая внешняя атрибуция — результат стереотипизации, ограниченности и инертности массового обыденного сознания. В обыденном сознании слабо отражаются изменения на политической карте мира, миграционные и глобализационные процессы. Оно оперирует застывшими, почти что архетипичными образами, в которых этническая картина мира, особенно в менее известных для средне-статистического обывателя регионах, зафиксирована в упрощенном виде (условно говоря, в Китае живут китайцы, в Казахстане — казахи, в России — русские, и т. д.). При этом сегодня, как известно, абсолютно моноэтнических стран в мире практически нет.

Согласно сообщениям информантов, жизнь за рубежом, независимо от количества лет, ничего не меняет в этнической самоидентификации, хотя степень интеграции в общество принимающей страны увеличивается. Несмотря на доминирование конструктивистского подхода к этничности в научном дискурсе, обычные люди интерпретируют ее в примордиалистском русле, т. е. все опрошенные определяли свою национальность так, как она была дана им с рождения, например: «Я чувствую себя бурятом, потому что родился в бурятской семье». «Я всегда чувствовала себя буряткой, потому что мои родители буряты, я выросла в бурятской деревне, и я говорю по-бурятски». Это согласуется с данными исследований, согласно которым в целом обыденным сознанием россиян отторгается мысль о том, что этничность является приписываемым качеством (Стефаненко, 1999, с. 375–376).

Однако нам следует заглянуть за фасад самопровозглашенной этнической принадлежности. Сделав это, мы находим широкий спектр более тонких

стратегий обращения людей со своей этнической идентичностью. В целом эти стратегии находятся на шкале некоего континуума, на одном конце которого расположены позиции если не индифферентности, то, по крайней мере, нерелевантности этнической идентичности, на другом — активное и осознанное отношение к ней. Во втором случае мы обозначили таких мигрантов как этнических активистов — людей, для которых этническая идентичность и культура не только высоко релевантны, но и являются предметом гордости, уникальным и ценным объектом, который по возможности нужно передавать детям и молодежи и знакомить с ней других людей.

Крайние полюса этих позиций встречаются, однако, реже, чем наиболее распространенные стратегии символической этничности и культурной идентичности. Мы нашли множество доказательств символической этничности — понятия, введенного Г. Гансом (Gans, 1979) и примененного ко многим группам иммигрантов. Символическая этничность предполагает, что этничность может выжить без значительного социального или культурного участия. Более того, символическая этничность предполагает отказ или отход от активной этничности: от участия в этнических группах и в этнической культуре. Она предполагает пассивную этническую принадлежность, включающую временное и периодическое выражение чувств по отношению к этнической группе или культуре через материальные и нематериальные символы. Символическая этничность может быть даже досуговой деятельностью, не мешающей экономическим, социальным и другим императивам повседневной жизни. Фактически она, вероятно, должна осуществляться во время досуга людей, если они не работают в своей этнической общине (Gans, 2009, с. 123).

Действительно, несмотря на определенность в своей этнической идентификации, лишь немногие из участников сообщили об актуальности или проявлениях своей этнической принадлежности. Как отвечала одна из информантов на вопрос, считает ли она себя буряткой: «Да, а как еще? Просто я часто забываю об этом» (Дугарма, 48 лет, Германия).

Символическая этничность довольствуется одним-двумя диакритиками, маркирующими этническую принадлежность индивида. Как правило, этнический язык редко является таким диакритиком, особенно в случае невладения бурятским языком. Для многих российских меньшинств, как в эмиграции, так и в родной стране, более актуальным стало понятие культурной идентичности без ее языкового компонента. Поддерживать культурную идентичность легче, поскольку культура может существовать как в вербальном, так и в невербальном измерении. Последнее очень облегчает возможность культурных практик для тех, кто не знает языка своего этноса. Тогда диакритиками становятся артефакты материальной культуры (одежда, украшения, еда и т. д.), религия, народные и религиозные праздники, духовные ценности (уважение к старшим и т. д.), соблюдение ритуалов и традиций, например:

Конечно, что-то сохраняется. Обычаи, традиции, например. Ну праздники наши — Сагаалган. Э-э в дацан я не хожу, но когда домой приезжаю —

обязательно в дацан ездим. <...> буузы мы делаем частенько. (Нора, 30 лет, Германия).

В культурной антропологии принято считать, что пища — наиболее устойчивый элемент материальной культуры, особенно праздничная пища — символ этнической культуры. Именно пища сохраняется лучше всего в мигрантской группе, тогда как многие другие культурные черты редуцируются (Гучинова, 2004). Действительно, буузы — традиционное бурятское праздничное блюдо безусловно лидирует среди всех прочих маркеров причастности к бурятской культуре.

Из нематериальной культуры самым частотным и распространенным маркером этнической идентичности у бурятских мигрантов является буддийская религия. При этом для многих высокообразованных бурятских мигрантов эта приверженность буддийской вере может быть описана как интерес к буддизму «сверху», т. е. интерес к его теоретической, философской, мировоззренческой стороне, что более свойственно для западных последователей буддизма.

Наверное, какая-то религиозная вещь все-таки определяет в какой-то степени мою бурятскость. Ну потому что когда все-таки востоковед, когда что-то читаешь про буддизм... я помню что в университете это изучали, да... и одно время меня это о-очень интересовало, когда мне было лет 20 наверное, я там перечитала кучу всяких книжек по буддизму: «Ламаизм в Бурятии»... некоторые запрещенные вещи тогда доставали в Питере, да, и я поняла, как это функционирует. И тогда мне казалось, что я однако тоже религиозная-религиозная, да. Я прямо такая будданутая и все такое, да. <...> Она была такая... интеллектуальная. (Дугарма, 48, Германия).

То же самое, однако, можно сказать и про бурят в России, в Бурятии: ученые говорили о значении буддизма (иногда и шаманизма тоже) в качестве «не только элемента, но и главного механизма» процесса «бурятского национального возрождения» (Амоголонова, 2008, с. 143); буддизм выступает «как этноинтегрирующая характеристика и даже как символ этнической принадлежности вне зависимости от глубины веры и знакомства с религиозной мифологией и догматикой» (2008, с. 148). В Бурятии тоже отмечается высокий процент лиц молодого и среднего возраста с высшим образованием (36,2 % и 41 % соответственно) среди тех, кто считает себя последователями буддизма (Бильтрикова, 2001, с. 74). Соответственно, можно сказать, что приверженность буддизму как маркер бурятскости общий для бурят как внутри родной страны, так и за ее пределами.

Не всегда этот духовный интерес к буддизму и ассоциация себя с ним в миграционной среде представляет собой глубокий внутренний религиозный опыт и составляет существенную и практикуемую часть их идентичности, хотя такие примеры тоже есть:

Интервьюер: Почему бурятка, если задуматься об этом? Почему ты себя таковой считаешь?

Раджана: *Потому что я буряткой родилась и еще бурятским до сих пор владею. Я буддистка. Я не просто буддистка, да, чисто как... многие же чисто потому что в буддийской среде родились, это автоматически стали буддистами. В этом плане моя мама была очень верующая, у нас бурханы (Буддийские божества) есть, и поэтому в этом плане у нас через маму, да у нас с буддизмом... более такие... осознанные отношения. <...> И там среди бурханов есть такие бурханы, которые <...> я всегда знала, что они старинные. <...> Получается, что чисто... именно буддийская сторона... осталась. Я даже уже мужу сказала давно, он уже знает... мы же никогда не знаем... если вдруг, допустим, меня не будет, то он должен поехать... здесь в Германии есть, есть в Женеве этот... бурятский... <...> Он знает, куда отвезти моих бурханов. Поскольку бурханы просто так нельзя держать, если ты не <...> ухаживаешь за ними. (Раджана, 48 лет, Германия).*

Однако в большинстве своем (на что косвенно ссылается и Раджана в вышеприведенном фрагменте) буддизм слабо интегрирован в повседневную жизнь мигрантов, поскольку большинство мигрантов не соблюдает буддийские ритуалы и не посещает буддийские храмы (дацаны) в силу ряда как объективных, так и субъективных причин: ввиду их отсутствия или дальности расположения, нехватки времени или большого желания делать это. Таким образом, буддийская религия является диакритиком хоть и для значительной части, но не для всех бурятских мигрантов:

Интервьюер: *Иногда в другой стране к религии у человека пробуждается там большой интерес. Такого нету, да?*

Милена: *Наверное, нет. Я бы, наверное, может быть, я проявила бы к буддизму, да, вот ходила бы в дацаны больше, но тут нет такой возможности или, по крайней мере, я ленюсь поискать, но вообще особо нет, особо нет. (Милена, 26 лет, Германия).*

Тоска по родине, желание прикоснуться к чему-то родному и знакомому с детства ведет бурятских мигрантов к поиску своих земляков. Это типичная стратегия для мигрантов; как пишет Т. Г. Стефаненко, «в условиях острой социальной нестабильности этнос часто выступает в качестве аварийной группы поддержки» (Стефаненко, 1999, с. 35).

Когда тебя вытаскивают из твоей зоны комфорта, ты все равно должен за что-то зацепиться, понимаешь? Когда ты пришел в новую среду... э-э... получается, ты должен интегрироваться в новое общество, с новым менталитетом, всего-всего, должен полностью меняться. У тебя автоматически происходит захват за твою идентичность вот именно этническую. Понимаешь, я только здесь научилась делать позы. Вот именно на наших бурятских сборищах, в общении с бурятами. Мы буряты-буряты... это как бы ты нашел семью, потому что здесь семьи у тебя нету. Получается, твои этнические соотечественники становятся твоей семьей в какой-то степени. (Олеся, 41 год, Франция).

Таким образом, общение с земляками, включая участие в бурятских праздниках, таких как главный для бурятской культуры праздник Сагаалган (Новый год по лунному календарю), становится распространенной практикой поддержания своей этнической идентичности. Здесь, однако, также существует широкий спектр вариаций, на одном полюсе которого опять же находятся этнические активисты — лидеры, организаторы этнических мероприятий, на другом — люди, индифферентные ко всему этому. Это хорошо видно в религиозных практиках, связанных с Сагаалганом. Некоторые отмечают этот праздник сами по себе, не ощущая какой-либо потребности разделить это событие с земляками, некоторые ежегодно участвуют в совместном праздновании Сагаалгана, некоторые делают это очень редко. У большей части опрошенных отсутствует потребность участвовать в этнических мероприятиях и в целом поддерживать контакты с земляками.

Интервьюер: *потребность общаться с земляками у тебя как?*

Кира: *Как бы вот... да, я знаю, некоторые очень любят. Некоторые буряты переезжают в Москву и очень любят бурятские землячества, встречаться с бурятами и так далее. У меня никогда не было такого. Я не против бурят, у меня очень много друзей бурят и здесь, и в Москве, но это никогда не было так, что мы держимся только бурятами и так далее, что я наблюдаю у многих моих сверстников, которые вместе поступили тоже в московские вузы. (Кира, 28 лет, Великобритания).*

В целом заметно, что возраст является значимой переменной в отношении к этнической идентичности и в этнических практиках: молодые мигранты более космополитичны и мало заботятся о своей и чужой этнической идентичности. Влияние глобализации проявляется в выравнивании образа жизни и интересов молодежи во всем мире. Для многих из них, по крайней мере для молодых людей, которые составляли большую часть нашей выборки (18 % информантов были в возрасте 25 лет и моложе, а 45 % — от 26 до 35 лет), общими являются открытость и интерес к другим культурам, толерантность и желание увидеть мир. Западные ценности и нормы общественной жизни, включая главенство закона, демократию, свободу слова, отсутствие дискриминации и патриархальных взаимоотношений, становятся все более привлекательными, в первую очередь для молодого поколения. Для молодых бурят-мигрантов характерно причисление себя к широким наднациональным общностям — европейцам, гражданам мира, т. е. дрейф в сторону космополитической идентичности. Например, на вопрос «Кто я?» 25-летней мигранткой дается ответ: «В голове одна мысль: я человек мира. Человек-космополит» (Сара, 25 лет, Нидерланды).

Отдельно следует остановиться на этнических активистах, о которых упоминалось выше. Это люди, которые собирают земляков, организуют этнокультурные мероприятия и презентуют культуру своего этноса на самых разных уровнях — от школьных мероприятий до этнокультурных праздников со всеевропейским охватом участников:

Вот я всегда гордилась, что я бурятка. Начиная еще с <...> университета <...> я, бурятка, всегда была в первых рядах. <...>. Поэтому, когда говорят о своей культуре, я всегда горжусь. <...> И вот... дети со скольких лет... с 5–6 лет я заказывала одежду, буряад дэгэл, гутал детям маленьким. Потом каждый год, они же росли... ну нас там на телевидении, помню, снимали, что вот мы э-э дети одевают бурятскую одежду, а в Бурятии не одевают. И мама говорит: энэ ямар юумэн болоо гээшэб, жэл болоо ерээдлэ буряад дэгэл хэрэгтэй. (Перевод: это что же такое, каждый год по приезду нужна бурятская одежда!) И там ходить нужно было заказывать, чтобы... а-а в этом объединении мы прямо как показатели были, потому что показывали монгольскую культуру. <...> Я и говорю: поэтому я чувствую себя буряткой среди всех этих больших народов здесь. В кавычках. Потому что всегда спрашивали, поэтому какая-то задача была — быть буряткой и показать, что мы можем, что у нас есть. (Дэнсэма, 56 лет, Германия).

В действиях этой категории бурятских мигрантов особенно заметно то, что этнопсихологами называется позитивной этнической идентичностью, когда позитивные этнические чувства и установки включают в себя удовлетворенность человека своим членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа (Платонов, 2003, с. 210).

Это не значит, что позитивная этническая идентичность несвойственна другим мигрантам. Отличие этнических активистов заключается именно в их ангажированной, деятельностной позиции, обусловленной тем, что это люди, которые родились и выросли в таких семьях, где этническая культура пронизывала все бытие семьи и ее окружения и существовала в максимально возможном количестве элементов: в виде активно практикуемой религии, знания этнического языка, приобщенности к художественной литературе, песенной традиции и т. п. Самое главное при этом не количество элементов (некоторых может и не быть), а глубокое осознание своей этнической идентичности, восприятие себя как носителя бурятской культуры, гордость за нее и вытекающее из всего этого ощущение некоей культуртрегерской миссии.

Заключение

Нами было выявлено, что стратегии и практики проявления и поддержания этнической идентичности среди такой многочисленной и географически разбросанной группы, как бурятские мигранты, находятся на шкале некоего континуума, от индифферентности до активного и осознанного отношения к ней. Однако независимо от наличия или отсутствия манифестации и поддержания своей этнической идентичности общим для бурят-мигрантов является примордиальное восприятие своей этничности как данной с рождения и потому неизменной. При этом наиболее распространенной стратегией является символическая этничность, проявляемая через ограниченный набор

культурных маркеров, включая традиционную пищу, религию, обычаи и традиции. Определенное противоречие между заявляемой всеми информантами приверженностью к своей этничности и ее декларативным, символическим характером для большинства опрошенных может быть разрешено тем, что мы должны различать между символическим и реальным уровнями этнической идентичности. На символическом уровне этничность рассматривается большинством мигрантов как примордиальная, но на реальном уровне она имеет инструментальный и ситуативный характер, не затрагивая повседневной практики жизни человека, не проблематизируясь и не становясь предметом рефлексии.

Превалирование символической этничности среди бурятских мигрантов можно трактовать по-разному. Это можно рассматривать как свидетельство того, что в целом этничность становится все менее релевантной в современном мире, по крайней мере в миграционной ситуации. Такая точка зрения отражена в названии одной из книг о постсоветской миграции: «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии». Как пишет ее автор, «в ситуации транснациональных сообществ, этничность вообще потеряла роль маркера для обозначения культурных практик групп» (Попков, 2016, с. 429). Этническая идентичность воспринимается как неизменная, но если она нерелевантна в структуре личностных идентичностей, то даже стимулированная извне актуализация этничности не может пойти дальше ощущения номинальной причастности к бурятскому этносу. Символически способствует немногочисленность и разрозненность бурятской миграции, что ведет к ослаблению групповых идентификационных стратегий и к усилению индивидуальных. У некоторых мигрантов, особенно молодых, этническая идентичность замещается космополитичной, что проявляется «в предпочтении личностной идентичности перед этнической и социальной в целом, в осознании себя как уникального индивида, а не как члена группы» (Стефаненко, 1999, с. 387).

Обнаруженные в ходе исследования реальные практики манифестации и поддержания этничности европейскими бурятами-мигрантами принадлежат наиболее активным (не только в этом плане) людям, которые являются не просто участниками, а лидерами и организаторами бурятских землячеств и этнокультурных мероприятий. Такая активная позиция — следствие многих факторов, при этом время пребывания в другой стране или возраст не играют определяющей роли. Основными факторами являются индивидуальные особенности личности человека, сформированные семейным воспитанием, особенностями социализации и инкультурации личности. Широкий разброс стратегий и практик проявления и поддержания этнической идентичности позволяет говорить о том, что, действительно, «в строгом смысле слова идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения» (*Новая философская энциклопедия...*, 2010).

Литература

1. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. 292 с.
2. Бакаева Э. П. Расширяющееся культурное пространство: пример калмыцкой диаспоры (буддизм и идентичность, миграции и современные технологии) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/869> (дата обращения: 21.11.2020). DOI: 10.25178/nit.2019.3.10
3. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: различные роли и меняющиеся функции // Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия: кол. монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 234–266.
4. Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З. Монгольские диаспоры в Европе и Северной Америке: адаптация, институционализация, репрезентация // Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия: кол. монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 52–127.
5. Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 89 с.
6. Гучинова Э. Улица Kalmuck road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетей, 2004. 328 с.
7. Жаде З. А. «Этничность» и «этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 66–72.
8. Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М. М. Лебедевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. М.: МГИМО-Университет, 2014. 235 с.
9. Нанзатов Б. З. Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 88–100.
10. Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию: на примере ацинских цонгол-бурят // Вестник Бурятского гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. № 1. С. 61–76.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; председатель науч.-ред. совета: В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2000–2001.
12. Платонов Ю. А. Основы этнической психологии: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. 452 с.
13. Попков В. Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2016. 484 с.
14. Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. и сост.: Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. 402 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН; Академический Проект, 1999. 320 с.
16. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 161 с.

17. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
18. Gans H. J. Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou // *Ethnicities*. 2009. Issue 9 (1). P. 123–130.
19. Gans H. J. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. № 2. P. 1–21.
20. Isurin L. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2011. 249 p.
21. Namsaraeva S. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / eds. Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2012. P. 137–163. DOI: 10.11647/OBP.0026
22. Zelinsky W. *The Enigma of Ethnicity: Another American Dilemma*. Iowa City: University of Iowa Press, 2001. 336 p.

References

1. Amogolonova, D. D. (2008). *Sovremennaiia buriatskaia etnosfera. Diskursy, paradigm, sotsiokul`turnye praktiki* [The modern Buryat ethnosphere. Diskourses, paradigms, sociocultural practices]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. [in Russian].
2. Bakaeva, E. P. (2019). *Rasshiriaiuushcheesia kul`turnoe prostranstvo: primer kalmytskoi diaspori (buddizm i identichnost`, migratsii i sovremennye tekhnologii)* [Expanding cultural space: an example of the Kalmyk diaspora (Buddhism and identity, migration and modern technologies)]. *New studies of Tuva*, 3. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/869> (2020, November, 21). [in Russian]. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.10>
3. Baldano, M. N., & Dyatlov, V. I. (2017). Buriaty Kitaia i Mongolii v diskurse «natsional`nogo vozrozhdeniia»: razlichnye roli i meniaiushchiesia funktsii [Buryats of China and Mongolia in the discourse of «national revival»: different roles and changing functions]. In *Migratsii i diaspori v mongol`skom mire: strategii i praktiki transkul`turnogo vzaimodeistviia* [Migrations and Diasporas in the Mongolian world: strategies and practices of transcultural interaction]: Collective monograph (pp. 234–266). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
4. Bashkuev, V. Yu., & Nanzatov, B. Z. (2017). Mongol`skie diaspori v Evrope i Severnoi Amerike: adaptatsiia, institutsializatsiia, reprezentatsiia [Mongolian Diasporas in Europe and North America: adaptation, institutionalization, representation]. In *Migratsii i diaspori v mongol`skom mire: strategii i praktiki transkul`turnogo vzaimodeystviya* [Migrations and Diasporas in the Mongolian world: strategies and practices of transcultural interaction]: Collective monograph (pp. 52–127). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
5. Bil`trikova, A. V. (2001). *Buriatskaia natsional`naia intelligentsiia na sovremennom etape* [The Buryat national intelligentsia at the modern stage]. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].

6. Gans, H. J. (2009). Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou. *Ethnicities*, 9 (1), 123–130.
7. Gans, H. J. (1979). Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*, (2), 1–20. <https://doi.org/10.1080/01419870.1979.9993248>
8. Guchinova, E. (2004). *Ulitsa Kalmuck road. Istoriia, kul'tura i identichnosti kalmytskoi obshchiny SShA* [Street Kalmyk road. History, culture and identities of the Kalmyk community of the USA]. SPb.: Aletheia. [in Russian].
9. Lebedeva M. M. (Ed.) (2014). *Intellektual'naia migratsiia v sovremennom mire* [Intellectual migration in the modern world]: Study guide (Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Department of World Political Processes). Moscow: MGIMO-University. [in Russian].
10. Isurin, L. (2011). *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
11. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov, D. L. (2020). *Etnokul'turnaia identichnost' migrantov iz vostochnykh regionov byvshego SSSR v svete teorii «stolknoveniia kul'tur»* [Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of «Clash of Cultures» Theory]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 31–38. [in Russian]. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38>
12. Namsaraeva, S. (2012). Ritual, Memory and the Buriat Diaspora Notion of Home. In Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (Eds.). *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. <https://doi.org/10.11647/OBP.0026>
13. Nanzatov, B. Z. (2017). Buriatskie i kalmytskie diaspori v stranakh Evrosoiuza: osobennosti formirovaniia i zhiznedeiatel'nosti diaspor [Buryat and Kalmyk diasporas in the countries of the European Union: features of formation and diasporic life]. In *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriia i sovremennost'* [Cross-border migrations in the space of the Mongolian world: history and modernity]: Collection of scientific articles (Issue 4, pp. 88–100). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
14. Natsagdorz, B. (2013). Prichiny migratsii buriat v Mongoliiu: na primere atsin'skikh tsongol-buriat [The reasons for the migration of Buryats to Mongolia: on the example of the Atsin Tsongol-Buryats]. *Bulletin of the Buryat State University, Humanitarian Studies of Inner Asia*, 1, 61–76. [in Russian].
15. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [The new philosophical encyclopedia] (2000–2001). (in 4 volumes; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Socio-Scientific Foundation; Chairman of the Scientific-Ed. Council: V. S. Stepin; 2nd ed., ispr. and add.). Moscow: Mysl. [in Russian].
16. Platonov, Yu. A. (2003). *Osnovy etnicheskoj psikhologii* [Fundamentals of ethnic psychology]. St. Petersburg: Rech'. [in Russian].
17. Popkov, V. D. (2016). *Pokidaia predely etnichnosti. Postsovetskaia emigratsiia v Germanii* [Leaving the boundaries of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany]. Frankfurt-am-Main: Posev. [in Russian].

18. Komarova G. A. (Responsible ed. and compiler) (2018). *Russkii mir v meniaiushchemsia mire* [*Russian world in the changing world*]. Moscow: IEA RAS. [in Russian].
19. Stefanenko, T. G. (1999). *Etnopsikhologiya* [*Ethnopsychology*]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Academic Project. [in Russian].
20. *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriia i sovremennost'* [*Cross-border migrations in the space of the Mongolian world: history and modernity*]: collection of scientific articles (Issue 3) (2015). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
21. Zelinsky, W. (2001). *The Enigma of Ethnicity: Another American Dilemma*. Iowa City: University of Iowa Press.
22. Zhade, Z. A. (2006). «Etnichnost'» i «etnicheskaia identichnost'»: kontseptual'nyi analiz poniatii [«Ethnicity» and «ethnic identity»: a conceptual analysis of notions]. *Society and Law*, 3 (13), 66–72. [in Russian].

УДК 304.44

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.03

Туризм как система социальной практики: социально-философский анализ

Н. В. Пенкина

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой массовых коммуникаций и туризма. Нижневартковский государственный университет.

Ул. Ленина, д. 56, Нижневартовск, Россия, 628605.

E-mail: natasha_penkina@mail.ru

О. В. Чернявская

Ассистент кафедры массовых коммуникаций и туризма.

Нижневартковский государственный университет.

Ул. Ленина, д. 56, Нижневартовск, Россия, 628605.

E-mail: scherri-nv@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в научном пространстве отсутствует единый теоретико-методологический подход к обоснованию сущности феномена туризма в целом и феномена туризма как системы социальной практики в частности, тогда как масштабность и темп социальных изменений современного мира ставит перед научным сообществом необходимость обоснования данных понятий.

В статье предпринят анализ социально-философских аспектов туризма как системы социальной практики (социально-пространственной организации социокультурной среды) в рамках антропологического, семиотического, коммуникативного, пространственного и экономического подходов. Авторы раскрывают понятие «туризм» через его онтологическую природу, показывают специфику феномена туризма как социальной практики, социокультурного феномена, включающего в себя и способ деятельности, и ценностное содержание одновременно. Социальные практики помогают человеку приобрести социальный опыт, опыт взаимодействия, необходимый для социальной интеграции, для понимания основных принципов социального существования в определенном культурном пространстве. Социокультурная практика туриста позволяет структурировать его социальный опыт в выстраивании новых взаимодействий между различными акторами: местными жителями, персоналом сферы туризма и гостеприимства, другими туристами. Именно теоретико-методологические социально-философские подходы помогают эффективно исследовать туризм как целостный социокультурный феномен, как особый способ освоения и структурирования пространства на уровне личности и индивида в различных моделях общества. На современном этапе возникла необходимость выработки общей теории туризма сквозь призму социально-философского анализа, позволяющего выявить наиболее общие закономерности и тенденции его развития.

Ключевые слова: туризм, социальная практика, путешествие, культура, общество, социокультурное пространство, социокультурный феномен, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Пенкина Н. В., Чернявская О. В. Туризм как система социальной практики: социально-философский анализ // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 37–47. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.03

UDC 304.44

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.03

Tourism as a Social Experience System: Social and Philosophical Analysis

Natalia V. Penkina

PhD, Associate Professor, Public Communication and Tourism Department Head.
Nizhnevartovsk State University.
Lenina str. 56, Nizhnevartovsk, Russia, 628605.
E-mail: natasha_penkina@mail.ru

Olesya V. Chernyavskaya

Teaching Assistant, Public Communication and Tourism Department.
Nizhnevartovsk State University.
Lenina str. 56, Nizhnevartovsk, Russia, 628605.
E-mail: scherri-nv@mail.ru

Abstract. The research area presently does not have a unified theoretical and methodological approach to feasibility demonstration of tourism phenomenon in general and tourism phenomenon as a social practice system in particular, while the range and the rate of social changes of the modern world highlights the need to validate these definitions. The article attempts to analyze social and philosophical aspects of tourism being a social practice system (social and space arrangement of social and cultural environment) within the limits of anthropological, semiotic, communicative, spatial and economic approach. The authors define ‘tourism’ via its ontological nature and demonstrate tourism phenomenon nature as a social experience, social and cultural phenomenon that involves both activity and value substance at the same time. Social experience support a person to be engaged in self-realization in a specific social state, facilitate social integration and self-identification processes, disclose the main ways of social existence, possible in a specific culture at a specific period of time. Social and cultural experience of a tourist allows structuring his social experience in building of new types of relationships between himself and the locals, employees of tourism and hospitality industry, as well as other tourists. Application of social and philosophical approach allows defining and analyzing tourism as an integral social and cultural phenomenon as a method to construct space at the level of society individual; detailing and outlining tourism phenomenon aspects’ impact as a typical phenomenon of globalization era in the modern social continuum.

Keywords: tourism, cultural practice, travelling, culture, society, social and cultural space, social and cultural phenomenon, cross-cultural communication

For citation: Penkina N. V., & Chernyavskaya O. V. (2021). Tourism as a social experience system: social and philosophical analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 37–47. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.03>

Введение

Туризм, его роль, уровень воздействия на современное общество и человека требует глубокого социально-философского изучения данного феномена. Туризм как социальный феномен проник во все сферы общественной жизни, его многоаспектность и универсальность определили повышенный интерес к теории и практике туризма со стороны представителей различных наук. Туризм как социальная практика вовлекает в процесс своего производства и потребления глобальные ресурсы, затрагивает все многообразие общественной жизни. Организация туризма на современном этапе требует знаний о демографии, экономике, этнологии, культурологии, психологии, т. е. в теорию и практику туризма введены самые разнообразные области научных знаний. Для изучения феномена туризма уже недостаточно экономических и географических знаний, так как угадать предпочтения человека, побуждающие его путешествовать, возможно при пристальном внимании к мировоззренческой позиции и выявлении тех факторов, которые ее определяют, что в конечном итоге помогает организовать поездку с учетом индивидуальных потребностей человека. Изначально туризм как социальная практика был доступен ограниченному социальному кругу, однако с середины XX века ситуация начала изменяться и в круг потребителей туристского продукта начали вовлекаться все более широкие слои населения, что сделало туризм массовым явлением, доступным практически всем. Сложившаяся ситуация привела к необходимости всестороннего изучения феномена туризма как системы социальной практики.

Постановка проблемы

В настоящее время отсутствует единый теоретико-методологический подход к обоснованию сущности феномена туризма в целом и феномена туризма как системы социальной практики в частности, тогда как масштабность и темп социальных изменений современного мира ставит перед научным сообществом необходимость обоснования данных понятий. Современный, быстро меняющийся мир обостряет проблему трансформации общественной практики и отношений, а сфера туризма как система социальной деятельности, отражает «тенденции развития современного типа цивилизации» (Ачмиз, 2010, с. 4).

Особо следует обратить внимание на тот факт, что феномен туризма практически не изучен как важнейший вид социальной практики, т. е. как социально-пространственной организации социокультурной среды. Однако есть необходимость выработки общей теории туризма на основе анализа туризма как социально-философского феномена, так и методологии комплексного исследования туризма, позволяющего выявить наиболее общие закономерности и тенденции его развития. Туризм отражает актуальные изменения,

происходящие в современном обществе и культуре; более того, он имеет схожие критерии с понятием информационного общества, а именно: мобильность, индивидуализация потребностей и приоритетов, виртуализация, визуализация, информатизация, глобализация. Стоит отметить, что современное информационное общество имеет тенденцию к ускорению и упрощению передачи информации, сегодняшние информационные потоки меняют повседневную жизнь человека и способствует возникновению как реального, так и виртуального взаимодействия людей в интеллектуальной среде (*Информационная культура молодежи...*, 2020, с. 144). Поэтому исследование в рамках социально-философского анализа позволило бы, с одной стороны, поставить диагноз современного состояния туризма, а с другой — сформировать научно обоснованный прогноз перспектив эволюции туризма.

Феномен туризма как социальной практики заключается в том, что он меняет социальные позиции человека, т. е. формирование и удовлетворение туристских потребностей инициирует необходимость адаптации к различным условиям (Гализдра, 2006, с. 7). Комплексное социально-философское исследование туризма должно проводиться в трех измерениях: во-первых, в единстве и взаимодействии элементов туризма (природно-географического, инфраструктурного, социального); во-вторых, в симбиозе экономической, политической, социальной, культурной и других сфер общества; в-третьих, в анализе развития туризма, динамике его становления и тенденций изменения.

Методология исследования

В настоящее время туризм активно развивается, привлекая все больше исследователей из разных областей научных знаний, исследование туризма носит явный междисциплинарный характер. Социально-философское исследование туризма и обоснование его теоретико-методологической базы предполагает обращение к сложившимся в науке подходам к анализу этого явления. Анализ опыта исследования данной проблематики показал, что работ западных исследователей больше, чем отечественных. Среди основных причин сложившейся ситуации можно выделить следующие: во-первых, распространение туризма как массового и экономического явления произошло позже, чем в мировой практике; во-вторых, в основе исследований проблем туризма лежит географический подход, тогда как в научных областях за рубежом основными подходами, наряду с географическим, были социологический, психологический и антропологический.

В нашем исследовании концепт туризма проанализирован в рамках антропологического, семиотического, коммуникативного, пространственного и экономического подходов. Выбор данных подходов обусловлен тем, что в их основе в той или иной степени понятие туризма анализируется исходя из понимания туризма как социальной практики и как основы познания мира. Исследование осуществлено на основе всестороннего анализа научных источников из разных

областей научного знания. Основными методологическими подходами, использованными в данном исследовании, являются: структурный анализ, позволяющий изучить сферу туризма как системное явление; функциональный анализ, который позволил выявить особенности сферы туризма через реализацию функций, а также антропологический, культурологический, аксиологический и деятельностный подходы.

Результаты исследования

Термин «туризм» находится в центре внимания многих исследований, однако единообразного подхода к концептуализации данного термина нет, в междисциплинарном пространстве, изучающих туризм, нет единого понимания его сущности. С начала XIX века термин «туризм» прочно вошел в употребление и по мере социокультурного развития общества понятие «туризм» наполнялось различным содержанием. Так, в частности, в справочном издании «Энциклопедия туризма» можно обнаружить около 13 определений туризма, наиболее общепринятых в зарубежной и отечественной науке (*Энциклопедия туризма...*, 2001, с. 265–268).

Содержание термина «туризм» определяется областью знания: социологии, философии, географии экономики и т. д. Экономисты изучают туризм с точки зрения его вклада в мировую или региональную экономику. Географы анализируют туристские ресурсы и туристский потенциал территории. Социологи, философы, культурологи рассматривают туризм с позиции духовных и социальных практик, моделей поведения, обычаев, культурных кодов. Такой подход свидетельствует о том, что туризм может быть раскрыт при комплексном анализе всех основных категорий как системе, имеющей свою структуру и функции.

В широком смысле, с точки зрения наиболее сущностных характеристик, туризм — это явление культуры, а точнее, социокультурный феномен, так как включает в себя и способ деятельности, и ценностное содержание одновременно. Роли, выполняемые в процессе туристской деятельности, ценностные мотивации, потребительские предпочтения, личностные смыслы и ценности, мотивация как отдельного человека, так и определенных социальных групп включены в процесс социально-культурной жизни, являются, по сути, разными сторонами института туризма. Раскрывая понятие туризма, следует еще раз обратить внимание, что оно может быть дано с точки зрения разных наук и подходов, однако его содержание определяется как вид активного отдыха, путешествия, совершаемого самостоятельно или организованного с определенными целями. Туризм — это, прежде всего, определенная сфера деятельности.

В рамках антропологического подхода исследователи отводят туризму особую роль в формировании новой реальности современной западной цивилизации. Так, американский антрополог и социолог Джеймс Клиффорд Гирц вводит новое понятие *travelling culture*, которое обозначает и «путешествующую

культуру», и «культуру путешествий», основанную на гибридном, космополитическом опыте саморепрезентации (Clifford, 1997, p. 24).

С позиций философской антропологии туризм — это попытка человека выступить из своей замкнутости в открытость, найти путь к новому и неизвестному посредством бесконечного поиска идеала, Другого, представленного в том числе и в образах незнакомой культуры (Гурин, 2014). Туризм, по мнению С. П. Гурина, — это не путешествие-вторжение с целью уничтожения Чуждости, а, напротив, путешествие-освоение с целью «одомашнивания» Чужого, принятия Чуждости (Гурин, 2004).

Американский социолог Дин Маккенел одним из первых применил *семиотический подход* к изучению феномена туризма, рассматривая его как новую теорию досугового класса в хронологической перспективе: «то, что начиналось как деятельность, которая пристала герою (Александр Македонский), постепенно становится целью социально организованной группы (крестоносцы), признаком статуса целого общественного класса (гранд-туры английских джентльменов) и, наконец, перерастает в универсальный опыт (туристы)», — писал он (MacCannell, 1979, p. 591).

Согласно Д. Маккенелу, турист — это модель современного человека «вообще» (modern-man-in-general), «прочесывающего мир в поисках опыта и впечатлений» (MacCannell, 1988, p. 14).

Туристский опыт, по мнению ученого, это «сценическая подлинность» (staged authenticity), которая подразумевает стремление туриста к «прошлому, природе, всему незападному», позволяющему ему самоидентифицироваться при встрече с нетипичным, Другим (1988, p. 74–76).

В рамках семиотического подхода туризм исследуют в совокупности со знаково-символическими средствами выражения, сформированными и вошедшими в практику глобальной культурой современности. Визуальные аспекты туристского пространства и культурные коды различных цивилизаций объединяются в общую картину мира, постигаемую туристами в процессе путешествия. Кроме того, путешествие помогает выявить круг проблем и смыслов социального пространства, одновременно отражая и актуализируя мир образов культуры, соотнося их границы между собой.

Исследование феномена туризма с позиций семиотического подхода позволило Джонатану Куллеру утверждать, что когнитивная деятельность туристов конструируется с помощью знаков, а сама природа туризма представляет собой коллекцию знаков и символов. «Турист интересуется всем как знаком самим по себе... Во всем мире незаметные армии туристов-семиотиков разрастаются в поиске знаков французского, типичного итальянского поведения, образцов типичных сцен, типично американской траты денег, традиционных английских пабов», — писал он (Culler, 1981, p. 127). Разделение повседневного и экстраординарного позволяет туризму формировать собственные знаки и символы. Туристский объект аттрактивен не сам по себе, но как символ особенности, дешифруя который турист «встает на путь семиотики» (1981, p. 128).

Понимание туризма как социальной практики, современного способа познания мира и противопоставления практики повседневной жизни находят отражение в трудах британского социолога. Дж. Урри ввел в научный оборот термин-метафору «туристский пристальный взгляд» (*tourist gaze*), который можно трактовать как некую совокупность познавательной деятельности туристов, сформированную в первую очередь с помощью знаков и символов. Восприятие знаков и туристских объектов, отличных от повседневной жизни, включается в процесс социальной стереотипизации. Потоки путешественников изменяют текстуру социального пространства, провоцируют развитие туристской инфраструктуры, создание новых туристских достопримечательностей и туристских территорий, порождая у туриста ощущение сжатия пространства, постепенно стирая границы территории и социального пространства.

Дж. Урри считает, что современному туризму присущи такие отличительные характеристики, как «глобальность, мобильность, потребление, производство “экономики знаков”, институционализация и перформативность, более того, в процессе самоидентификации человека они становятся важным фактором и приобретают аксиологическое значение» (Урри, 2003).

Английский социолог досуга Крис Роджек полагал, что в формировании восприятия туристских объектов и территорий важную, а порой и ключевую роль, играют визуальное, текстовое и символическое содержание рекламной печатной, медиа-, видео- и иной продукции, которые создают представление о реальности (Рожек, 1997, р. 70–71).

Ученые К. Роджек и Дж. Урри, обращают внимание на тенденцию в изучении туризма акцентировать внимание на экономической деятельности, игнорируя истоки социокультурных практик туризма, что должно стать одной из основ теории в сфере туризма (Рожек, & Урри, 1997, р. 8).

Особое внимание со стороны исследователей заслуживает **коммуникативный аспект** феномена туризма, который приобрел важное значение в эпоху глобализации и информатизации культуры. Сфера туризма создает базу, условия для социальной и межкультурной коммуникации, становясь источником передачи и получения информации о другом социокультурном пространстве, что, в свою очередь, инициирует интерес к постижению своей культуры.

Согласно К. С. Пигрову, коммуникация в туристской деятельности — это условие взаимопроникновения культур, а сам «путешественник — это человек, который осуществляет связность социального мира. Он в некотором смысле есть воплощение глобальной социальности как таковой» (Пигров, 2001, с. 86).

Понятие человеческого измерения в туризме приобретает особое значение. Реализуясь на уровне частной жизни людей, их личностных переживаний и событий, туризм выступает как фактор социальной интеграции. В процессе социальной и межкультурной коммуникации, общения с местными жителями, ограниченной временными рамками и программой путешествия, турист транслирует, передает и распространяет свои ценности и смыслы.

С позиций экономического и деятельностного подходов феномен туризма исследуется как область прикладной деятельности участников и организаторов туризма, практической реализации путешествий. В рамках деятельностного подхода туризм рассматривается как сфера человеческой деятельности, форма существования человека, в которой осуществляется практическая реализация стремлений человека к путешествию посредством формирования туристских целей и ценностей.

Однако удовлетворение туристских потребностей связано не только с внутренними процессами мотивации и целеполагания, но и с внешними социальными, политическими и экономическими процессами. Сфера туризма как многоотраслевой экономический комплекс объединяет предприятия различных отраслей деятельности: средства размещения, транспортные услуги, организации общественного питания, досугово-развлекательные услуги и другие.

Экономический подход к изучению феномена туризма предполагает комплексный анализ туристской индустрии как совокупности производственных ресурсов и сил, вовлеченных в формирование, реализацию и продвижение туристского продукта. В зарубежной и отечественной экономической литературе туризм рассматривается с двух точек зрения: потребителя и производителя (организатора) туристских услуг.

С позиции социально-экономического подхода туризм рассматривается как сфера формирования туристских мотивов и удовлетворения туристских потребностей, сопровождающаяся процессом производства специфических товаров и услуг. В современном мире индустрия представляет собой важную часть сферы услуг, выступая в качестве совокупности производственных и непроизводственных видов деятельности, направленных на создание товаров и услуг для туристов. В Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» дается следующее определение: «Туристская индустрия — совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных систем, а также организаций, предоставляющих услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» (*ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ»*). В законе подчеркивается межотраслевой характер туристской индустрии, так как ее предприятия оказывают услуги не только туристам, но и другим потребителям, жителям территории, где реализуются туристские продукты и услуги (*Туристско-рекреационная система...*, 2020, с. 11).

Сфера туризма как отрасль экономики представляет собой объединение самых различных предприятий и видов деятельности, обеспечивающих создание и развитие туристской инфраструктуры: строительство дорог, средств размещения, обустройство новых территорий и пр. Развитие индустрии туризма оказывает

влияние на развитие других отраслей экономики: создание новых рабочих мест, увеличение торгового оборота, приток инвестиций, налоговый доход для государства и пр. Все это позволяет рассматривать сферу туризма как крупный автономный многоотраслевой хозяйственный компонент национальной и мировой экономики.

В контексте динамики ценностных и институциональных оснований туризма, которые тесно связаны с семиотическим, коммуникативным аспектом формирования социокультурной идентичности современного туриста, невозможно не отметить роль пространственных структур в исследовании феномена туризма.

В рамках *пространственного подхода* возможно выявление некоторых существенных характеристик и закономерностей развития пространственного континуума туризма как сферы общественной жизни. На основе этого подхода можно выделить различные уровни туристской сферы жизни (географический, культурный, уровень социального пространства, уровень жизненного пространства личности), анализ которых позволяет определить ряд существенных характеристик и фундаментальных закономерностей развития феномена туризма как формы пространственного развития личности и социума.

В. Л. Каганский рассматривает путешествия как способ пространственного постижения мира, с помощью которого осуществляется самоидентификация человека. Без путешествий, утверждает В. Л. Каганский, невозможно уяснить и установить пространственное положение своего собственного места и определить его границы. Именно в силу мощной и разнообразной жизни с границами и в границах путешествие «обостряет» идентичность туриста. Особое значение здесь приобретает когнитивно-деятельностный аспект путешествия, в частности антиномичность этой деятельности. С одной стороны, путешествие — это процесс преодоления границ как источника разнообразия пространства и дифференцирующих его линий, так и в качестве символических дискретизаций многообразия пространства. С другой же стороны, путешествие — это перманентное преодоление ситуации границы (Каганский, 1997).

Заключение

Таким образом, многовариантность современных социокультурных туристских практик, высокая динамика развития туризма как сферы общественной жизни, его культурные аспекты обуславливают необходимость поиска теоретико-методологической базы исследования туризма в рамках социально-философского подхода, который позволяет выявить наиболее общие закономерности и тенденции его развития. Именно социально-философский анализ дает возможность наиболее полно исследовать туризм как целостный социокультурный феномен, как вид социальной практики, как особый способ освоения и структурирования пространства на уровне личности и индивида в различных моделях общества, так как позволяет выявить наиболее общие закономерности и тенденции его развития.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 02.07.2021).
2. Ачмиз А. К. Туризм как сфера общественной жизни: опыт социально-философского исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2010. 26 с.
3. Гализдра А. С. Феномен туризма: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2006. 22 с.
4. Гурин С. П. Туризм как антропологический феномен [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 2004. 23 марта. URL: <https://www.topos.ru/article/2169> (дата обращения: 31.08.2021).
5. Гурин С. П. Философия идентичности [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 2014. 1 сентября. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 31.08.2021).
6. Информационная культура молодежи // Социально-культурные, информационные и правовые ресурсы развития современного общества. Нижневартовск: Нижневартовский гос. ун-т, 2020. С. 141–160.
7. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 160–169.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.
9. Пигров К. С. Социальная философия. СПб.: СПбГУ, 2005. 296 с.
10. Туристско-рекреационная система: теория и практика организации / Н. В. Пенкина [и др.]. Нижневартовск: Нижневартовский гос. ун-т, 2020. 122 с.
11. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Критическая масса. 2003. № 2. С. 124–132.
12. Энциклопедия туризма: справочник. М.: Финансы и статистика, 2001. 364 с.
13. Clifford J. Routes: travel and translation in the late twentieth century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 408 p.
14. Culler J. Semiotics of Tourism // American Journal of Semiotic. 1981. № 1. P. 127–140.
15. MacCannell D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Setting // American Journal of Sociology. 1979. № 3. P. 589–603.
16. MacCannell D. The tourist: a new theory of the leisure class. New York: Schocken, 1988. 280 p.
17. Rojek C. Indexing, Dragging and the Social Construction of Tourist Sights // Touring Cultures: Transformations of Travel and Theory. London: Routledge, 1997. P. 52–74.
18. Rojek C., Urry J. Touring Cultures: Transformations of Travel and Theory. London; New York: Routledge, 1997. P. 1–19.

References

1. Federal'nyi zakon «Ob osnovakh turistskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii» ot 24 noiabria 1996 g. № 132-FZ (red. ot 02.07.2021) [Federal Law «Concerning

- the Fundamental Principles of Tourist Activities in the Russian Federation» № 132-FZ dated November 24, 1996] (1996, November, 24). *Computer systems ConsultantPlus*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (2021, July, 02). [in Russian].
2. Achmiz, A. K. (2010). Turizm kak sfera obshchestvennoi zhizni: opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniia [Tourism as a social life area: social and philosophical research practices]. *PhD thesis*. Krasnodar. [in Russian].
  3. Galizrda, A. S. (2006). Fenomen turizma: sotsial'no-filosofskii analiz [Tourism phenomenon: social and philosophical analysis]. *PhD thesis*. Saratov. [in Russian].
  4. Gurin, S. P. (2004, March 23). Turizm kak antropologicheskii fenomen [Tourism as an anthropological phenomenon]. *Topos: literary and philosophical journal*. <https://www.topos.ru/article/2169> (2021, August, 31). [in Russian].
  5. Gurin, S. P. (2014, September 1st). Filosofii identichnosti [Philosophy of identity]. *Topos: literary and philosophical journal*. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (2021, August, 31). [in Russian].
  6. Informatsionnaia kul'tura molodezhi [Information literature of the youth] (2020). In *Sotsial'no-kul'turnye, informatsionnye i pravovye resursy razvitiia sovremennogo obshchestva* [Social and cultural, information and legal resources of modern society development] (pp. 141–160). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk St. Un-ty. [in Russian].
  7. Kaganskiy, V. L. (1997). Landshaft i kul'tura [Landscape and culture]. *Social sciences and modern times*, 2, 160–169. [in Russian].
  8. Ozhegov, S. I. (2008). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: Onix. [in Russian].
  9. Pigrov, K. S. (2005). *Sotsial'naiia filosofia* [Social philosophy]. St. Petersburg: Saint Petersburg St. University. [in Russian].
  10. Penkina, N. V., Shakhova, O. Y., Nikiforova, A. A., & Chernyavskaya O. V. (2020). *Turistsko-rekreatsionnaia sistema: teoriia i praktika organizatsii* [Touristic and recreation system: arrangement theory and practice]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk St. Un-ty, 2020. [in Russian].
  11. Urry, J. (2003). Vzgliad turista i globalizatsiia [Tourist's view and globalization]. *Critical mass*, 2, 124–132. [in Russian].
  12. *Entsiklopediia turizma* [Encyclopedia of tourism]: Guide (2001). Moscow: Finances and statistics. [in Russian].
  13. Clifford, J. (1997). *Routes: travel and translation in the late twentieth century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
  14. Culler, J. (1981). Semiotics of Tourism. *American Journal of Semiotic*, 1, 127–140.
  15. MacCannell, D. (1979). Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Setting. *American Journal of Sociology*, 3, 589–603.
  16. MacCannell, D. (1988). *The tourist: a new theory of the leisure class*. New York: Schocken.
  17. Rojek, C. (1997). Indexing, Dragging and the Social Construction of Tourist Sights. In *Touring Cultures: Transformations of Travel and Theory* (pp. 52–74). London: Routledge.
  18. Rojek, C., Urry, J. (1997). *Touring Cultures: Transformations of Travel and Theory* (pp. 1–19). London; New York: Routledge.

УДК 1(091):316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.04

Генезис идей в процессах коммуникации между интеллектуалами (кейс полемики М. Оукшотта и Кембриджской школы)

Н. Н. Равочкин

Доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской ГСХА.

Кузбасский государственный технический университет (КузГТУ) им. Т. Ф. Горбачева.

Ул. Весенняя, д. 28, Кемерово, Россия, 650000.

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Кузбасская ГСХА).

Ул. Марковцева, д. 5, Кемерово, Россия, 650056.

E-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация. Разработка проблематики постижения генезиса, а также последующего развития продуцируемых интеллектуалами идей является относительно новой для современной философии. Актуальность понимания функционирования идей во времени и пространстве также сопрягается с логикой изучения всей философской мысли. Более того, сегодня идеи постепенно возвращают статус материальной силы для осуществления тех или иных социальных преобразований. Операционализация идей связана с осмыслением векторов интеллектуального поиска и построением четкой картины, на которой запечатлены преобладающие в определенные временные периоды дискурсы. Одним из важнейших противоречий настоящего является недостаточная проработанность разделов идейно-ориентированного поиска на фоне повышения общих ожиданий от результатов деятельности интеллектуалов для эволюционистских практик современного общества. В целях раскрытия заявленной темы авторская позиция базируется на компаративистском анализе и теоретико-методологическом подходе Р. Коллинза, рассматривающего коммуникации между интеллектуалами через сети. Помимо этого, автор обращается к методам аналитической реконструкции, обзоров и критических оценок. Данная статья посвящена анализу кейса, призванного вскрыть особенности коммуникации между интеллектуалами и показать разворачивание конкретных исследований посредством взаимодействия и полемики одних фракций с другими. Представлены сущностные характеристики сетей. Освещены вопросы преемственности между поколениями участников интеллектуальных объединений. Приводится характеристика исследований представителей Кембриджской школы, пытавшихся построить практико-ориентированную социальную философию и сосредоточившихся на изучении либерализма и демократических обществ.

В статье детально показана проводимая с кембриджцами полемика М. Оукшотта, рассматривавшего политическое с ярко выраженной консервативной позиции. В заключение представлены тезисы о востребованности идей Оукшотта и необходимости их последующего развития в различных дискурсах.

Ключевые слова: идея, сеть интеллектуалов, история, политическая мысль, аналитическая философия, Оукшотт, контекст, Кембриджская школа

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Генезис идей в процессах коммуникации между интеллектуалами (кейс полемики М. Оукшотта и Кембриджской школы) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 48–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.04

UDC 1(091):316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.04

Ideas Genesis in Communication Processes Between Intellectuals (Case of M. Oakshott and Cambridge School Polemic)

Nikita N. Ravochkin

Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor of history, philosophy and social sciences department of KuzSTU named after T. F. Gorbachev; Associate professor of pedagogical technologies department of Kuzbass SAA.

Kuzbass state technical university (KuzSTU) named after T. F. Gorbachev.

28, Vesennyaya str., Kemerovo, Russia, 650000.

Kuzbass state agricultural academy (Kuzbass SAA).

5, Markovtseva str., Kemerovo, Russia, 650056.

E-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract. The development of the problematic of comprehending the genesis, as well as the subsequent development of ideas produced by intellectuals, is relatively new for modern philosophy. The relevance of understanding the functioning of ideas in time and space is also coupled with the logic of the study of all philosophical thought. Moreover, today ideas are gradually returning the status of a material force for the implementation of certain social transformations. Operationalization of ideas is associated with comprehending the vectors of intellectual search and building a clear picture that captures the discourses prevailing at certain time periods. One of the most important contradictions of the present is the insufficient elaboration of the sections of the ideological-oriented search against the background of increasing general expectations from the results of the activities of intellectuals for the evolutionary practices of modern society. In order to reveal the stated topic, the author's position is based on the comparative analysis and theoretical and methodological approach of R. Collins, which considers communication between intellectuals through networks. In addition, the author turns to methods of analytical reconstruction, reviews and critical assessments. This article is devoted to the analysis of a case designed to reveal the peculiarities of communication between intellectuals and to show the development of specific research through the interaction and polemics of some factions with others. The essential characteristics of networks are presented. The issues of continuity between generations of participants in intellectual associations are highlighted. The article provides a description of the research of representatives of the Cambridge School, who tried to build a practice-oriented social philosophy

and focused on the study of liberalism and democratic societies. The article shows in detail the polemic of M. Oakeshott, conducted with the Cambridge citizens, who considered the political from a pronounced conservative position. In conclusion, theses on the relevance of Oakeshott's ideas are presented and an opinion is expressed about their subsequent development in various discourses.

Keywords: idea, network of intellectuals, history, political thought, analytical philosophy, Oakeshott, context, Cambridge School

For citation: Ravochkin N. N. (2021). Ideas genesis in communication processes between intellectuals (case of M. Oakeshott and Cambridge school polemic). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 48–58. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.04>

Введение

В философии идеи представляют собой уникальные продукты творчества интеллектуалов, анализ которых позволяет субъекту взглянуть на развертывание истории мысли во всей ее богатой динамике. Вопреки представлениям о некоторой константной природе содержания этих ментальных конструкторов, они, как и подобает любой развивающейся системе (зачастую во временном и территориальном отрыве от своих создателей), получают новые и новые интерпретации в зависимости от того или иного контекста. Вдумчивый и тщательный анализ речей и текстов помогает уловить смыслы, которыми наделяли идеи их создатели и критики. Таким образом, операционализации над высказываниями не только открывают возможности по обнаружению существенных для историков идей аспектов, но и фиксируют две наиболее значимые сущностные характеристики этих продуктов интеллектуальной деятельности — трансграничность и трансисторичность (Moore, 2019; Mouzakitis, 2017; Ravochkin, 2019b; Vossen, 2019).

Разумеется, спустя некоторое время после своего бытийствования нейтральные по своей изначальной сущности идеи получают оценки современников и последователей, приобретая различные коннотации. В таком случае идеи следует рассматривать в качестве составных частей различных дискурсов, которые на деле зависят не от чего иного, как от смыслов, задаваемых одним из них или же (как это зачастую бывает) несколькими (El-Den, 2019; Moravcsik, 2018; Ratner-Rosenhagen, 2019; Petralia, 2020; Ravochkin, 2019a; Teraji, 2018; Waddock, 2018). Однако в данной статье наша задача заключается не в анализе дискурсов и придаваемых идеям смыслов, но сосредоточивается на объяснении порождения и последующей динамике идей.

Необходимо сказать, что идеи не могут возникнуть в вакууме или же фантастическим образом появиться в голове благодаря озарению ушедшего и не имевшего опыта изучения предметной области автора, т. е., по сути, возникнуть из ниоткуда. Напомним, что американский мыслитель Р. Коллинз (и мы полностью соглашаемся с его исследовательской линией) в своем фундаментальном труде отразил сетевую сущность философии и соответствующей ей

интеллектуальной динамики. В самом деле, такие институциональные особенности, объективированные через различную степень открытости объединения (группы, кружки, школы), наиболее адекватно и полно, по нашему мнению, отражают развитие философских идей во времени и пространстве (Collins, 2002).

Главным образом ценность сетей, которые образуют интеллектуалы, заключается в плюрализме мнений, который, в зависимости, конечно же, от реального следования данному принципу, качественным образом определяет стиль мышления и жизнеспособность каждого отдельного объединения. Коммуникация между участниками, отстаивание своих представлений, обмен аргументами и контраргументами, активное участие в обсуждаемых вопросах и проблемах, учет интересов, нормы этики взаимодействий между индивидами внутри сети и между конкурирующими фракциями — все это, можно сказать, является неотъемлемым для любой сети. Вклад участников сети в ее функционирование, можно интерпретировать в качестве огромного количества разного рода колебаний, которые вносятся каждым членом и сосуществуют с другими, но в итоге внесут неодинаковый эффект и, вполне возможно, даже не оставят заметного отпечатка в истории идей (Bondarenko, 2020; Collins, 2002; Markey-Towler, 2018; Waddock, 2018).

В свою очередь, любая сеть представляет собой подвижное и развивающееся энергичное образование, поскольку со временем одни поколения интеллектуалов заменяют собой по разным причинам выбывающих из нее членов. Однако некоторым сетям, как, например, первым античным школам, вследствие неумения заложить преемственность и проигрыша в конкуренции с другими интеллектуалами удастся просуществовать считанные поколения, тогда как некоторым исследовательским направлениям удастся успешно отвечать на возникающие перед ними вызовы по сохранению и умножению последователей. К слову, именно ученики обеспечивают жизнеспособность любой сети, пусть даже не выходя на первый план в интеллектуальном мире, довольствуясь ролью третьестепенных философов (Collins, 2002; Shevchuk, 2017; Teraji, 2018; Vossen, 2019).

Постановка проблемы

Проблематика данной статьи определена сложившимися противоречиями между возрастающими требованиями и ожиданиями современного общества по поводу практического применения идей как продуктов интеллектуальной деятельности и реальными результатами имплементации передовых ментальных конструктов социальной направленности. Можно сказать, что оформление данной проблемы происходит на фоне недостаточной проработанности таких научных направлений, как история идей, интеллектуальная история, философия интеллекта, а также проведением демаркационных линий между целым рядом иных частных областей, актуализирующих результаты intersubъективных взаимодействий мыслителей.

Выбор кейса для аналитического рассмотрения определяется неоспоримым наличием эвристических возможностей весьма дискуссионных и нетривиальных идей, а также общим стремлением автора продемонстрировать богатую динамику смыслов, заложенных в сами интеллектуальные конструкты и дополнить имеющуюся в отечественном социально-гуманитарном научном дискурсе выкладку, зачастую недооценивающую роль идей.

Методология исследования

Обобщив высказанные выше соображения по поводу обоснования актуальности темы и постановки проблемы исследования, считаем, что ведущим теоретико-методологическим средством для данной статьи является социологический реализм американского мыслителя Рэндалла Коллинза. Данная концепция не просто удачно схватывает понятие сети интеллектуалов, но и эффективно позволяет описывать процессы генезиса идей и их реализации в социуме. Коллинзовский подход позволяет увидеть, как посредством цепочек личных контактов и взаимодействия (будь то создание фракций или же критическое отношение к оппонентам) интеллектуалов осуществляется идейная динамика, достаточно эффективно описывает процессы производства и применения идей в социуме.

Итак, реализм Коллинза играет определяющую методологическую роль, однако любое философское исследование невозможно провести без помощи общенаучных методов и процедур, к которым также обращается автор. Принимая во внимание специфику выбранной нами области, анализ идей подразумевает применение методов аналитической реконструкции, обзоров, критических оценок и компаративистики.

Результаты исследования

В данной статье речь ведется об одном из таких мыслителей, в сеть которого входили преимущественно его университетские ученики, а свое признание он получит только после смерти. Речь пойдет об английском философе Майкле Оукшотте, чья теория возникла благодаря аргументированному несогласию со взглядами его более известных современников — представителей Кембриджской школы политической мысли. Обоснованность настоящей работы обуславливается еще и распространенной среди начинающих исследователей идей путаницей, касающейся логики изучения идей. Во многом это объяснимо массивом интеллектуальных продуктов или же зачастую банальной невозможностью в установлении причинно-следственных связей между происходящими в истории идей событиями А и В.

Начнем с небольшой ремарки по поводу того, что настоящее исследование представляет собой своего рода продолжение опубликованной в прошлом году

работы, раскрывающей особенности политической мысли кембриджских философов, руководствовавшихся инструментарием такого влиятельного направления, которым является аналитическая философия (Равочкин, 2020). Любопытно, что невзирая на строгость аналитической методологии, ее представителям не удалось сформировать и обеспечить единство во взглядах на правила анализа, что, разумеется, аналогичным образом перенеслось и на так называемую полифонию изучения политического. Нетрудно догадаться, что фактическое отсутствие жестких правил при руководстве некоторым теоретико-методологическим каркасом в последующем будет только отрицание предыдущего. К этому варианту и прибегли кембриджцы, напроочь раскритиковав все предыдущие способы изучения политического в аналитическом дискурсе при одновременной ориентации на создание практико-ориентированной социальной философии. Представители Кембриджской школы — Дж. Данн, Кв. Скиннер и Дж. Покок — сосредоточились на изучении демократий и истории западной политической мысли и соответствующих текстов, как, впрочем, и конкретных аргументов, высказываний и отдельных понятий лингвистическими методами, на основании чего, двигаясь от эпохи к эпохе, они хотели понять природу конкретных социальных изменений. По большому счету они очертили себе поле осмысления метаморфоз классического либерализма (Равочкин, 2020).

В свою очередь, полемизируя с кембриджцами, М. Оукшотт занимался истолкованием либертарианства, предлагая определять его как наивысшую степень проявления классического либерализма. Один из мыслителей либертарианского толка Д. Боуз утверждает, что позиция Оукшотта представляет собой теорию, «последовательно применяющую идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, более жестко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности в большей степени, чем любые другие классические либералы» (Боуз, 2004, с. 28–29). В еще одной из своих более ранних работ мы также отмечали, что основные принципы либертарианства выглядят как возведенные до максимума положения либерализма: индивидуализм, свободные рынки, верховенство права, спонтанность социального порядка, ограниченная роль правительства, гарантия обеспечения прав личности (Равочкин, 2018).

По нашему мнению, уникальность теории Оукшотта можно усмотреть в ярко выраженном консервативном начале, поскольку в рассматриваемой концепции проявляется открытая приверженность традиционным ценностям, обеспечению текущего политико-правового порядка в долгосрочной перспективе, исключительной роли государства при решении возникающих конфликтов интересов. Да и в целом он выступает противником перемен, боясь утраты текущих благ и ввиду сомнительности инноваций, и производной от них необходимости адаптироваться к неизвестности (Оукшотт, 2002). В то же время он разделяет и взгляды классиков либерализма (Т. Гоббс, Дж. Локк) и вплоть до уже собственно либертарианства. Применительно к крайней форме развития

либерализма этот британский мыслитель сводит политическую роль либертарианцев к сохранению созданного, что возможно за счет отказа от стремлений гонки за утопическими свободами, которые невозможно приобрести известными методами их обеспечения (Чамаева, 2005).

Примечательно то, что у Оукшотта политическая реальность, причем в любом историческом контексте, предстает перед нами как своеобразный «мир бесед», где различные дискурсы, так или иначе имеющие отношение к сфере власти, встречаются и признают друг друга (Оукшотт, 2009). Это позволяет обеспечить бесконфликтное существование возможным альтернативным вариантам развития дискурсов, а возникающие различия между ними ни в коем случае не приводят к деструктивным последствиям, а лишь предоставляют право для их совместного равнозначного сосуществования. Заслуживает внимание отношение этого аналитического философа к пониманию специфики политической науки. Следует отметить известную близость его позиции взглядам представителей цивилизационного подхода, в частности, — А. Тойнби и О. Шпенглера. На наш взгляд, идеям М. Оукшотта свойственно определенное сходство с диалоговой концепцией Э. Левинаса, за счет того что консервативное отношение начинается с «осознания собственного места в данном банальном мире» (Оукшотт, 2002, с. 30). Основное внимание здесь необходимо сосредоточить на принципиальном характере имеющихся у каждого субъекта, вступающего в отношения по поводу власти, прав на собственное место в мире. Данное право неотчуждаемо и сохраняется в процессе диалога между различными образованиями политико-правовой сферы, основываясь на принципах равенства, независимости и их взаимного обогащения. Как пишет отечественный исследователь оукшоттовского интеллектуального наследия Н. А. Чамаева, истинно консервативное понимание политического будет таковым в случаях приверженности следующим ценностям:

«← свобода как готовность к творчеству и относительная непредсказуемость будущего, признание многообразия форм самовыражения и равных прав каждого на самовыражение;

– сбалансированность прав и обязанностей, ответственность как принцип любой социально значимой деятельности, гибкая мораль, обладающая потенциалом к смягчению локальных конфликтов;

– правовое регулирование как основа политического взаимодействия, легитимность как признание обоснованности и уместности тех или иных реалий;

– традиция как инвариант изменения, память и история как способ существования опыта и прецедентная основа будущих решений, образование как обретение способности участвовать в беседе человечества;

– мир и безопасность как минимальные гарантии выживания человечества» (Чамаева, 2005, с. 99–100).

Исходя из представленных свойств, консерватизм М. Оукшотта предполагает, что политико-правовые институты представляют собой систему, обладающую самостоятельной упорядоченностью и непрерывным развитием.

Институты не выглядят как конгломерат самостоятельно существующих и функционирующих частей, но скорее рассматриваются как целостный живой организм, для которого важную роль играет непрерывность становления, развития, а также укорененность в определенном контексте. Получается, что изучение таких политико-правовых образований будет обладать смыслом тогда и только тогда, когда исследователь погружается в этот контекст, где и существуют языковые формы, а одновременно с ними реализуются связанные с властью процессы и отношения. Кроме этого, контекст дает возможность вывести идеологию, которая, согласно позиции Оукшотта, выступает в виде определенной традиции, хранящей в себе «память о многообразии способов действия, возможных альтернативах поведения» (2005, с. 100). По его мнению, идеология становится инструментом рационализации (Запускалов, 2014, с. 79) и предстает в виде целой традиции за счет всего множества содержащихся в ней абстрактных универсальных принципов.

Заключение

В данной статье был проанализирован лишь один из бесчисленного множества кейсов, которые призваны проиллюстрировать собой развитие философских идей. Вдобавок к этому рассмотренный пример полемики во многом показателен, что, даже будучи выпускником Кембриджского университета, Оукшотт обрел свой интеллектуальный путь. Если задуматься, сколько еще подобных и нераскрытых поворотов, помимо хрестоматийного примера спора учителя и ученика в лице Платона и Аристотеля, имеется в истории развития философских идей, когда, по сути, критика оппонентов изначально, хоть и с условностями, но определена принадлежностью к единой сети.

В заключение также следует сказать, что относительная безызвестность текстов Оукшотта в русскоязычном пространстве вовсе не позволяет считать его третьестепенным философом. Да, его ученики не получили такой известности, как кембриджцы, однако интерес к текстам этого мыслителя не только дает основания полагать злободневным учение, но и эффективно оценить запущенную им более чем полвека назад функциональную цепь, что делает правомерным следующий тезис: дошедшие до нас философские идеи не только когда-то существовали и есть сейчас, но и с очень большой долей вероятности продолжают свое бытийствование, встраиваясь в тот или иной социально-исторический контекст.

Литература

1. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2004. 392 с.
2. Запускалов А. М. Консерватизм Майкла Оукшотта в современных зарубежных исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 78–81.
3. Оукшотт М. Современные представления о политическом господстве // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 73–81.
4. Оукшотт М. Что значит быть консерватором // Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-пресс, 2002. 288 с.
5. Равочкин Н. Н. Либертарианство: рассмотрение с позиции аналитической политической философии // Дискурс. 2018. № 6. С. 3–10.
6. Равочкин Н. Н. Политическая философия Кембриджской школы и аналитическая философия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 293–304.
7. Чамаева Н. А. Консерватизм в политической философии Майкла Оукшотта // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 5. С. 97–101.
8. Bondarenko D. M., Kowalewski S. A., Small D. B. The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives. Switzerland: Springer International Publishing, 2020. 661 p. DOI: 10.1007/978-3-030-51437-2
9. Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2002. 1098 p.
10. El-Den J., Sriratanaviriyakul N. The Role of Opinions and Ideas as Types of Tacit Knowledge // Procedia Computer Science. 2019. № 161. P. 23–31. DOI: 10.1016/j.procs.2019.11.095
11. Markey-Towler B. The competition and evolution of ideas in the public sphere: a new foundation for institutional theory // Journal of Institutional Economics. 2018. № 15 (1). P. 1–22. DOI: 10.1017/S1744137418000061
12. Moore B. N., Bruder K. Philosophy: The Power of Ideas. New York: McGraw-Hill Education, 2019. 510 p.
13. Moravcsik A. Preferences, Power and Institutions in 21st century Europe // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. № 7. P. 1648–1674. DOI: 10.1111/jcms.12804
14. Mouzakis A. Modernity and the idea of progress // Frontiers of Sociology. 2017. Vol. 2. Article 3. P. 1–11. DOI: 10.3389/fsoc.2017.00003
15. Ratner-Rosenhagen J. The Ideas That Made America: A Brief History. New York: Oxford University Press, 2019. 152 p.
16. Petralia D. Free circulation of ideas as a means of communication in a political democracy // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2020. Vol. 2. № 2. P. 2890–2893. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.03.435

17. Ravochkin N. N. Political Ideas Discourse In Network Society: Socio-Philosophical Analysis // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. LXXVI. P. 2657–2663. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.357
18. Ravochkin N. N. Role of philosophical ideas for political and legal institutions // Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment». 2019. Vol. 331. P. 596–600. DOI: 10.2991/ismge-19.2019.113
19. Shevchuk I. I. About the ration of category of social dynamics // Caspian region: politics, economics, culture. 2017. № 2 (51). P. 177–186.
20. Teraji S. The Cognitive Basis of Institutions: A Synthesis of Behavioral and Institutional Economics. Cambridge, Massachusetts: Academic Press, 2018. 360 p.
21. Vossen E., Gestel van N. Translating macro-ideas into micro-level practices: The role of social interactions // Scandinavian Journal of Management. 2019. Vol. 35. № 1. P.26–35. DOI: 10.1016/j.scaman.2018.12.001
22. Waddock S. Narrative, Memes, and the Prospect of Large Systems Change // Humanistic Management Journal. 2018. № 3 (1). P. 17–45. DOI: 10.1007/s41463-018-0039-9

References

1. Bondarenko, D. M., Kowalewski, S. A., & Small, D. B. (2020) *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Switzerland: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51437-2>
2. Bouz, D. (2004). *Libertarianstvo. Istoriia, printsipy, politika* [Libertarianism. History, principles, politics]. Chelyabinsk: Socium. [in Russian].
3. Collins, R. (2002). *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
4. El-Den, J., & Sriratanaviriyakul, N. (2019). The Role of Opinions and Ideas as Types of Tacit Knowledge. *Procedia Computer Science*, 161, 23–31. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.11.095>
5. Chamaeva, N. A. (2005). Konservatizm v politicheskoi filosofii Majkla Oukshotta [Conservatism in the political philosophy of Michael Oakshott]. *Moscow University Bulletin. 12: Political Science*, 5, 97–101. [in Russian].
6. Markey-Towler, B. (2018). The competition and evolution of ideas in the public sphere: a new foundation for institutional theory. *Journal of Institutional Economics*, 15 (1), 1–22. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000061>
7. Moore, B. N., & Bruder, K. (2019). *Philosophy: The Power of Ideas*. New York: McGraw-Hill Education.
8. Moravcsik, A. (2018). Preferences, Power and Institutions in 21st century Europe. *Journal of Common Market Studies*, 56, 7, 1648–1674. <https://doi.org/10.1111/jcms.12804>
9. Mouzakitis, A. (2017) Modernity and the idea of progress. *Frontiers of Sociology*, 2, article 3, 1–11. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2017.00003>
10. Oukshott, M. (2009). Sovremennye predstavleniia o politicheskom gosподstve [Modern views of political domination]. *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science*, 1, 73–81. [in Russian].

11. Oukshott, M. (2002). Chto znachit byt' konservatorom [What it means to be a conservative]. In *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in politics and other articles]. M.: Idea-press. 288. [in Russian].
12. Petralia, D. (2020). Free circulation of ideas as a means of communication in a political democracy. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2 (2), 2890–2893. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.03.435>
13. Ravochkin, N. N. (2018). Libertarianstvo: rassmotrenie s pozitsii analiticheskoi politicheskoi filosofii [Libertarianism: Considered from the Position of Analytical Political Philosophy]. *Discourse*, 6, 3–10. [in Russian].
14. Ravochkin, N. N. (2020). Politicheskaya filosofiya Kembridzhskoy shkoly i analiticheskaya filosofiya [Cambridge School Political Philosophy and Analytical Philosophy]. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 2 (52), 293–304. [in Russian].
15. Ratner-Rosenhagen, J. (2019). *The Ideas That Made America: A Brief History*. New York: Oxford University Press. 152.
16. Ravochkin, N. N. (2019a). Political Ideas Discourse In Network Society: Socio-Philosophical Analysis. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, LXXVI, 2657–2663. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.357>
17. Ravochkin, N. N. (2019b). Role of philosophical ideas for political and legal institutions. In *Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment»*, 331, 596–600. <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.113>
18. Shevchuk, I. I. (2017). About the ration of category of social dynamics. *Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (51), 177–186.
19. Teraji, S. (2018). *The Cognitive Basis of Institutions: A Synthesis of Behavioral and Institutional Economics*. Cambridge, Massachusetts: Academic Press.
20. Vossen E., & Gestel, van N. (2019). Translating macro-ideas into micro-level practices: The role of social interactions. *Scandinavian Journal of Management*, 35, 1, 26–35. <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2018.12.001>
21. Waddock, S. (2018). Narrative, Memes, and the Prospect of Large Systems Change. *Humanistic Management Journal*, 3 (1), 17–45. <https://doi.org/10.1007/s41463-018-0039-9>
22. Zapuskalov, A. M. (2014). Konservativizm Maikla Oukshotta v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh [Michael Oakeshott's Conservatism in Contemporary Foreign Studies]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 6-2 (44), 78–81. [in Russian].

УДК 1(470)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.05

Философия имени как тайна творчества, по А. Ф. Лосеву: от «умного числа» к символу

И. В. Горина

Кандидат философских наук, заведующая библиотекой.

Библиотека № 212 им. Т. Г. Шевченко.

Ул. Генерала Ермолова, д. 6, Москва, Россия, 121170.

E-mail: gorina.sb@yandex.ru

С. Ю. Коваленко

Физик, член РФО.

Российское философское общество (РФО).

Ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 115172.

E-mail: slavsha@hotmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблематика философии имени как тайны личности в контексте религиозно-сакральных знаний и философского дискурса А. Ф. Лосева. Актуализируется понятие имени как постоянной величины, «умного числа», восходящего к направлению адамизма в поэзии русского акмеиста Н. С. Гумилева и богословским спорам по имяславияю. На основании аналитического обзора дается определение мифопоэзиса как эйдетического выражения идеи сакральности слова и магии числа, которые становятся основополагающими для философии имени А. Ф. Лосева. Именно в его миропонимании имя обретает символическое значение эйдетического, меонического и гилетического числа как мифологического основания космоса.

Ключевые слова: имя, число, логос, эйдос, миф, символ

Для цитирования: Горина И. В., Коваленко С. Ю. Философия имени как тайна творчества, по А. Ф. Лосеву: от «умного числа» к символу // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 59–66. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.05

UDC 1(470)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.05

The Philosophy of the Name as the Secret of Creativity, by A. F. Losev: From a «Smart Number» to a Symbol

Irina V. Gorina

Candidate of Philosophical Sciences, Head of Library.

Library № 212 named after T. G. Shevchenko.

General Ermolov str., 6, Moscow, Russia, 121170.

E-mail: gorina.sb@yandex.ru

Svyatoslav Y. Kovalenko

Physicist, member of the RFS.

Russian Philosophical Society (RFS).

12 bld. 1 Goncharnaya str., Moscow, Russia, 115172.

E-mail: slavsha@hotmail.com

Abstract. The article analyzes the problems of the philosophy of the name as a mystery of the individual in the context of religious and sacred knowledge and philosophical discourse of A. F. Losev. The concept of a name as a constant value, a «smart number», which goes back to the direction of Adamism in the poetry of the Russian acmeist N. S. Gumilev and the theological disputes on «nameslav», is actualized. Based on the analytical review, the definition of mythopoesis is given as an eidetic expression of the idea of the sacredness of the word and the magic of number, which becomes fundamental for the philosophy named after A. F. Losev. It is in his worldview that the name acquires the symbolic meaning of the eidetic, meonic and hyletic number as the mythological foundation of the cosmos.

Keywords: name, number, logo, eidos, myth, symbol

For citation: Gorina I. V., & Kovalenko S. Yu. (2021). The philosophy of the name as the secret of creativity, by A. F. Losev: from a «smart number» to a symbol. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 59–66. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.05>

В эпоху информационного общества, оцифрованной реальности слово и число стремительно девальвируются, теряют свою смысловую весомость. Слова в потоке информации превращаются в функциональные знаки для общения и выполнения простейших прагматических действий, а число, выродившееся в цифровые технологии, расщепляет целостность формы, превращая вещи и явления мира в переменные значения определенного существования.

В современном русском языке значение слова «цифра» бытует в соотнесении с технологическими процессами инфосферы и производна от английского понятия digital. Digital переводится не как существительное, а как функциональное определение, прилагательное информационного программирования, технического инструмента в области развития рынка услуг, торговли и маркетинга. Digital-технологии (цифровые технологии), основанные на статистических расчетах,

схемах и прогнозах, фиксируют переменные значения и вносят постоянные изменения в прагматику повседневной жизни человека (Шушаков, URL). По сути, целевой установкой данных технологий является контроль за потребностями человека с предложением услуг для реализации его желаний.

В этом аспекте цифра становится недолговечным эфемерным образованием, производным от виртуально-возможной реальности, навязанной человеку. Но если обратиться к этимологии слова «цифра», в соотнесении с русским языкознанием и отечественной традицией мысли, то в данном перекрестье языка и мысли можно подобрать смысловой ключ к одному из интереснейших направлений эпохи Серебряного века.

Изначально происхождение слова «цифра» в русском языке связано с понятием «цифирь» как способом алфавитной записи чисел с использованием букв славянских азбук — кириллицы и глаголицы. Алфавитная запись чисел бытовала на Руси до реформы Петра Первого, когда арабская числовая система стала применяться в гражданском делопроизводстве и государственном управлении. А далее, вплоть до XX столетия, цифирь использовалась в церковнославянском языке и книгах. Смысловым содержанием цифири является базовая соотнесенность числа и буквы. Каждая буква славянской азбуки имела свое число, а число — буквенное обозначение и звуковое содержание (*Русская цифирь...*, URL). Человек, используя в практике жизни цифирь и азбуку, соприкасался не с функциональными инструментами конструирования своей реальности, а с самостоятельными знаками устойчивых величин числа и буквы.

Данная традиция знания цифири как способа работы с числом была широко известна в России, а в эпоху Серебряного века она была актуализирована интеллектуальным поиском «умного числа», передающего смыслы. Своеобразным эпитафием, поэтическим обоснованием этой идеи стали строки из стихотворения 1921 г. Николая Гумилева «Слово»:

...И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число... (Гумилев, 1990, с. 143)

Поэтический образ, который создает Николай Гумилев, выходит за рамки литературного творчества, становясь мифопоэзисом — эйдетическим выражением идеи сакральности слова и магии числа. В начале XX века русские интеллектуалы с большим интересом следили за богословскими спорами в области имяславия.

Сущностью направления имяславия был принцип единения с Господом через Иисусову молитву и опыт ее мистического переживания верующим. Имяславцы признавали в звучании имени Бога особую энергию богоприсутствия и откровения для человека. Их позиции противостояли имяборцы, которые полагали имяславие ересью и духовной прелестью. В итоге Священный синод поддержал позицию последних, но проблематика сакральности имени при этом не исчезла. Ее приверженцами были архиепископ Феофан (Быстров), священник Иоанн Кронштадский, отец Павел Флоренский, написавший книгу-исследование «Имена». В философской среде это духовное движение породило целое направление философии имени с исследованиями С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн и А. Ф. Лосева (Гурко, 2006).

Имя как особое слово хранило тайну личности и предполагало тайный сакральный смысл, восходящий к древним эзотерическим знаниям, которые бытовали, например, в семитской традиции египтян и иудеев. Египтяне полагали, что у каждого человека есть три имени: домашнее, социальное и вечное, которое знает лишь Бог. Знание вечного имени способно было, по их мнению, лишить человека воли и свободы, сделать его рабом знающего мага. У иудеев сакральность имени Бога измерялась сотней существительных, 99 из которых были известны, а сотое имя Бога, дающее всемогущество человеку, узнать было невозможно никому из смертных.

В литературном направлении Серебряного века — акмеизме — принципиальное значение имел легендарный опыт библейского Адама, которому Бог дал три поручения. Первое — возделывать Эдемский сад и заниматься земледелием; второе — повелевать животными и ухаживать за ними; третье — давать всем вещам имена, которые бы отражали их суть. Это третье поручение и занятие, как полагали акмеисты, и есть первооснова искусства поэзии, сакральный смысл имени, соединяющего звук, ритм и смысл существования всех предметов в бытии. Приверженцами и основоположниками данного направления в 1912 г. стали поэты-мыслители Серебряного века С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев и О. Э. Мандельштам (*Адамизм...*, URL).

Таким образом, проблематика имени как плоти слова объединяла наследие творцов Серебряного века, становясь связующим звеном между философией, литературой, богословием и историей. Имя стало в этот период восприниматься как своего рода духовный сферический эон, содержащий чистые изначальные энергии до-сущего в формах жизни, благодаря которым было возможно творение произведений искусства. Это эстетическая модель мышления в области философии имени была убедительно обоснована в работе А. Ф. Лосева «Философия имени» (Лосев, 1999).

В данном исследовании была представлена трактовка имени-слова с выведением типологии «умных чисел». Книга «Философия имени» была опубликована в 20-х годах и дала теоретическое обоснование эстетике поэтического мышления данной эпохи. В ней Лосев утверждает метод диалектики как единственно возможный и приближенный к жизни. Он полагал, что целевой установкой его диалектического метода является построение «логической конструкции

антиномико-синтетического строения вещей реального опыта» (Там же, с. 33). В его суждении прослеживается связь с принципом энантиодромии — сходящихся противоречий античного мыслителя Гераклита, согласно которому «природа стремится к противоположностям и создает созвучие из них, а не из одинакового» (*Гераклит...*, 1988, с. 25). Идея диалектического сопряжения антиномий восходит у Лосева к античному понятию «фюзис» как устойчивого самобытия сущего, исполненного потенций жизни. И любые фюзисные проявления материальной и духовной жизни подтверждали его диалектический метод познания, «способный охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности» (Там же, с. 34).

Сущность диалектики Лосева заключается в «смысловых движениях» мысли и ее «выражении» в ментальных моделях мифа и логоса. Сопряжение мифа и логоса происходит в слове, а более конкретно — в имени, которое имеет числовое измерение. В имени, по мысли А. Ф. Лосева, «сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» (Там же, с. 42). Имя удерживает в «движимом покое» бытие человека. Зная свое имя и имена вещей, находясь в их осмыслении и произнося, выражая через себя, человек становится осознанным существом, опознающим себя в мире. Он теряет свою анонимность, обретая свой топос — свое место под солнцем. Далее, в процессе становления человек овладевает внутренней речью, конструктами смысла и оказывается способным создавать свою сферу реальности — круг жизни. Он становится демиургом своей жизни и творит свой миф (Там же, с. 80). Внутренняя речь, смысловое движение интуитивного не зрения, а прозрения, дают мыслимость образа — эйдоса с постоянной величиной эйдетического числа (Там же, с. 54). Так действительность внешнего потока жизни входит в круг внутренне осознанной реальности.

Обоснование специфики эйдетического числа напрямую связано с особенностями «чистого мышления», которое «не выходит ни к какому иному вне себя, — все иное сосредоточивается в нем же самом, с которым оно одновременно и тождественно и различно... Ни в чем ином вне себя не нуждаясь, мышление возвращается на себя, как бы вращается в себе» (Там же, с. 86). Эйдетическое число характеризуется «подвижным покоем», при котором внешняя статика соотносится с внутренним смысловым, раздельным в себе движением. Созерцание мыслимого приводит сущность к выражению через число и «равнодушие к своей определенности» (Там же, с. 109).

Эйдетическое число как константа подвижного покоя не нуждается в определенности, будучи универсалией, началом, пределом и доминантой сущего. Эйдетическое число напрямую связано с логосом — методом обоснования эйдоса сущности в ее тождестве с иным — до-сущностным состоянием (Там же, с. 117).

При аналитике идей А. Ф. Лосева логично предположить, что до-сущностное состояние определяется меоническим числом, которое является противоположным полюсом эйдетического числа. Меон и эйдос антиномичны, но только в их диалектическом смысловом движении возможно познание сущности.

Меоническое число есть величина отрицательная, «сплошно текучая масса смысла», производная от непосредственных ощущений, то есть «слепая и неразличимая смысловая масса» (Там же, с. 80). Меон обладает полнотой ощущения как темного брожения смысла вещей в самих по себе: восприятие не может состояться без ощущения, а ощущение есть прежде всего нахождение себя (Лосев, с. 82). Чтобы найти себя, человеку необходимо осознать свое иное — отрицательное число, т. е. собственное «ничто» — смерть как исток всех потенций жизни. Лосев указывает, что иное — это меон, наполненный смысловыми потенциями в круге сознания, он дает человеку способность к созданию самостоятельных мыслеобразов, мифологических конструкций в науке, искусстве, философии, религии (Там же, с. 85). Это пересечение эйдоса и меона происходит в логосе как методе высветления темной чувственной природы в интуитивном прозрении.

Можно вспомнить смысловую метафору Гераклита о том, что ощущение (тягучая, темная масса неразличенного смысла), подобно подъярёмному скоту, «бичом пасется» (*Гераклит...*, 1988, с. 80), и нужен удар молнии мысли в эту темную материю до-сущего, которая вначале ослепляет человека, а затем просветляет, дает внутреннее прозрение на стыке света мысли (логоса) и тьмы несказанной сути вещи (меона). Свет и тьма делают эйдос зримым (Лосев, 1999, с. 139). Зримость эйдоса как мыслимого выражения фиксирует гилетическое число.

Гилетическое число определяет символ, «софийное тело» эйдоса (Там же, с. 130). Можно дать характеристику гилетического числа как эйдоса, возведенного в степень символа. Символ в трактовке А. Ф. Лосева характеризуется «воплощенностью эйдоса в инобытии, и притом не обязательно в реальном и фактическом инобытии», это «устойчиво-раздельное и четко очерченное гилетическое число» (Там же, с. 109). Именно наличие гилетического числа сущего дает выход на бесконечное множество контекстных содержаний, смысловых обоснований, метафорических значений его как символа. Все возможные смысловые потенции раскрывают «софийное тело» эйдоса, возведенное в степень символа. Здесь раскрывается связь числа и вещи в смысловых движениях творческих поисков художников, поэтов, архитекторов, мыслителей. Промысленный символически эйдос, в концепции Лосева, является мифом.

Фиксация и наличность вещи в бытии происходит в мифе и имени. Давая имена вещам и промысливая их эйдос, человек выражает через себя новое личностное измерение сущего. Миф связан с выражением и смысловым движением интеллигенций (потоков мысли). Человек, выражая себя в постижении мифа вещей окружающего мира, оказывается самостоятельным творцом своей реальности. В связи с этим эстетика мышления у А. Ф. Лосева оказывается тесно связана с демиургическими процессами сознания по созданию художественных форм.

Примером гилетического числа является миф города Санкт-Петербурга-Петрограда. Эйдетическое число как положительная величина и полнота изначального значения имперского, аристократического города относится к Санкт-Петербургу и его сокращенному варианту — Петербургу. Это город четких геометрических линий, архитектурных форм и утонченной эстетики привилегированных слоев общества. Меоническое число как отрицательное значение

проявляется в названии Петроград и сокращенном варианте — Питер. Данное название в культурно-историческом контексте его бытования несет в себе смысл социальных революций, пролетарского движения, стихийности народных масс. Разница имен единого мифа великого города наглядно продемонстрирована в романе Андрея Белого «Петербург». В нем автор через описание персонажей и характеристики города выводит идею «упорядоченного хаоса», раскрывая мистический софийный план бытия Санкт-Петербурга-Петрограда.

Подводя итог рассмотрения концепции А. Ф. Лосева, можно утверждать, что смысловые движения и потенциальные силы выражения человека в бытии могут быть зафиксированы в типологии «умных чисел»: эйдетическое число закрепляет вид и наличность сущего в сознании; меоническое число как отрицательная величина эйдоса дает возможность определить скрытое, апофатическое содержание сущего; а гелитическое число, объединяя эйдос и меон, возводит их в степень единого целого — символа. Данная глубинная связь числа и сущего восходит к миру древнерусской функциональной цифири как способа исчисления смысла по буквенным значениям. Цифирное исчисление можно соотнести с функциональным числом порядкового счета, которое Лосев связывал с формальным логосом Аристотеля как простейшим рациональным действием.

Типологию «умных чисел» А. Ф. Лосева можно обозначить как мифологосную. «Умное число» перестает быть абстракцией и отвлеченной диджитал-технологией через свою связь с конкретно-сущим эйдосом, промысленным в логосе и выраженном в мифе имени. В итоге мир, где каждая вещь имеет свое имя и происхождение, теряет хаотическую стихийность и случайность связей между анонимными, безымянными предметами. Мир становится космосом, обретая личное измерение судьбы каждой вещи в бытии.

Литература

1. Адамизм [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://humanities_dictionary.academic.ru/1043 (дата обращения: 23.06.2021).
2. Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с. (С. 176–257).
3. Гумилев Н. Шестое чувство: стихи, проза, письма о русской поэзии. Тверь: Моск. рабочий, Тверское отд-ние, 1990. 206 с.
4. Гурко Е. Н. Божественная ономотология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. Минск: Экономпресс, 2006. 448 с.
5. Имяславие [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8389/ИМЯСЛАВИЕ (дата обращения: 23.06.2021).
6. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / под ред. И. А. Василенко. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
7. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 31–203.
8. Постовалова В. И. Герменевтика «Философии имени» А. Ф. Лосева (философия языка и язык философии) // Критика и семиотика. 2009. Вып. 13. С. 41–68.

9. Русская цифирь — что это такое? [Электронный ресурс] // Сайт преподавателя Вячеслава Евгеньевича Пыркова. URL: <http://pyrkov-professor.ru/Portals/0/Predmetry/IOSMO/s1/573.pdf> (дата обращения: 23.06.2021).
10. Султанов А. Х. Слово и термин: пролегомены к философии имени: монография. М.: РУДН, 2007. 207 с.
11. Шушаков В. Что такое диджитал простыми словами? URL: <https://www.syl.ru/article/368829/что-такое-didjital-prostyimi-slovami> (дата обращения: 23.06.2021).

References

1. Adamizm [Adamism] (n.d.). In *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic]. https://humanities_dictionary.academic.ru (2021, June, 23). [in Russian].
2. Geraklit [Heraclitus] (1989). In *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of early Greek philosophers] (Part 1, pp. 176–257). Moscow: Nauka. [in Russian].
3. Gumilev, N. (1990). *Shestoe chuvstvo: stikhi, proza, pis'ma o russkoi poezii* [The Sixth Sense: Poems, Prose, Letters about Russian Poetry]. Tver: Mosk. rabochiy, Tverskoe otd-nie. [in Russian].
4. Gurko, E. N. (2006). *Bozhestvennaia onomatologiya: Imenovanie Boga v imiaslavii, simbolizme i dekonstruktsii* [Divine onomatology: Naming of God in Imenoslavvia, Symbolism and Deconstruction]. Minsk: Ekonompress. [in Russian].
5. Imiaslavie [Iislavie] (n.d.). In *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic]. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (2021, June, 23). [in Russian].
6. Losev, A. F. (2010). *Vvedenie v obshchuiu teoriiu iazykovykh modelei* [Introduction to the general theory of language models] (Vasilenko, I. A., Ed.; 3rd edition). Moscow: Editorial URSS. [in Russian].
7. Losev, A. F. (1999). *Filosofia imeni* [Philosophy of the name] (pp. 31–203). Moscow: EKSMO-Press. [in Russian].
8. Postovalova, V. I. (2009). Hermenevtika «Filosofii imeni» A. F. Loseva (filosofia iazyka i iazyk filosofii) [Hermeneutics “Philosophy of the name” by A. F. Losev (philosophy of language and language of philosophy)]. *Criticism and semiotics*, 13, 41–68. [in Russian].
9. Russkaia tsifir' — chto eto takoe? [Russian cifir — what is it?] (n.d.). In *Sait prepodavatel'ia Viacheslava Evgen'evicha Pyrkova* [The website of the teacher Vyacheslav Evgenievich Pyrkov]. <http://pyrkov-professor.ru/Portals/0/Predmetry/IOSMO/s1/573.pdf> (2021, June, 23). [in Russian].
10. Sultanov, A. Kh. (2007). *Slovo i termin: prolegomeny k filosofii imeni* [Word and term: Prolegomeni k filosophiya imeni imeni]: monograph. Moscow: RUDN. [in Russian].
11. Shushakov, V. (n.d.). *Chto takoe didzhital prostymi slovami?* [What is digital in simple words?]. Retrieved June, 23, 2021, from <https://www.syl.ru/article/368829/что-такое-didjital-prostyimi-slovami> [in Russian].

УДК 177.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.06

Игровое кодирование структуры миропонимания

Е. Н. Шульга

Доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки, ведущий научный сотрудник.

Институт философии РАН.

Ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240.

E-mail: elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Предметно-символическое восприятие действительности имеет глубоко укорененную в общественном сознании архаическую природу, восходящую к дописьменной культуре с ее мнемоническими знаками и символикой образов действия. Одной из форм такого действия как раз и является игра. Культура игры для некоторых архаических цивилизаций имела ритуальный смысл, связанный с магической и религиозной практикой. Особый род игр, восходящий к глубокой древности, во многих культурах состоял в проверке умения ответить на вопросы любого рода. В древнейших религиозных ритуалах вопросы, которые священнослужители по очереди задают друг другу во время жертвоприношения, хотя и похожи на обычные загадки, но касаются они знаний потусторонних: о священных предметах и тайных именах, о происхождении жизни и повторяемости явлений природы. Священная игра такого рода приводит к возникновению философии, поскольку находиться над обычным течением жизни означает выстраивать определенный миропорядок, отводя в его структуре место и для потустороннего, сакрального, и для обыденного, повседневного. Современный, интеллектуально развитый человек относится к игре не вполне серьезно, однако даже при обсуждении вполне серьезных вопросов, специфика игрового поведения оказывается вполне уместной. Детские игры подготавливают к любому роду человеческой деятельности и при этом они самим действием сохраняют воспоминание о прошлом опыте в том смысле, что этот опыт, по сути дела, делящаяся коммуникация, непрерывность которой воспроизводится в культуре игры, где подражание, захватывая игроков, определяет их способ мышления и действия. Таким образом, игровая культура человеческого общества основывается на структуре миропорядка, восходя при этом, с одной стороны, к древнейшим формам когнитивной деятельности человека (когнитивный онтогенез), а с другой стороны, подготавливая к любому роду человеческой деятельности, определяя способ мышления и действия в будущем (когнитивный филогенез).

Ключевые слова: философия, мышление, миропорядок, коммуникация, игра, интерпретация, когнитивная деятельность

Для цитирования: Шульга Е. Н. Игровое кодирование структуры миропонимания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 67–76. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.49.4.06

UDC 177.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.06

Encoding the Worldview Structure with Gaming

Elena N. Shulga

Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Chair of the History and Philosophy of Science, the leading scientist.

Institute of Philosophy RAS.

12 bld. 1 Goncharnaya str., Moscow, Russia, 109240.

E-mail: elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The perception of reality through things and symbols have an archaic nature origin deeply rooted in the public awareness which goes back to the preliterate culture with its mnemonic tokens and symbolic of *modus operandi*. One of the forms of such activity is exactly the game. Game culture for some archaic civilizations had a ritual meaning linking with the magic and religious practice. The special kind of games deriving from the deep antiquity in many cultures has been consisted of testing the skill of answering questions of any kind. In ancient religious rituals the questions which priests by turns asked one another during the sacrifice though are similar to the usual riddles but they concern an ultra-mundane knowledge: on sacral things and secret names, on the origin of life and the repeatability of nature phenomena. The sacral game of such a kind leads to the emergence of philosophy since to be over the run of life means to construct some worldview structure assigning in it the room both for the weird, sacral and for the ordinary, routine. Modern intellectually advanced men treat the game not completely serious but even during the discussing quite serious matters the specificity of game behavior becomes mostly relevant. Child games making ready for any kind of human activity and at the same time they by their activity itself preserve memories of the past experience in the sense that the experience is in essence the continuing communication. Its continuity is reproduced in the “game culture” where the mimesis seizes gamers determining their way of thinking and activity. Thus, the game culture of human society is based on the structure of worldview going back besides, from the one hand, to the ancient forms of cognitive human activity (cognitive ontogenesis), and, from the second hand, making ready for any kind of human activity, determining the way of thinking and acting in future (cognitive phylogenies).

Keywords: philosophy, thinking, worldview, communication, game, interpretation, cognitive activity

For citation: Shulga E. N. (2021). Encoding the Worldview Structure with Gaming. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 67–76. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.06>

Введение

Реконструкция миропонимания людей, живших в исторически отдаленную от нас эпоху, выяснение факторов, сопровождавших формирование когнитивных познавательных способностей человека — эти вопросы предполагают оценку уровня знания исходя из предметных сфер деятельности людей, проживающих на конкретной территории. Совокупность этих сведений дает представление об образе мира людей конкретной исторической эпохи, а также о формировании специфического типа мышления. На соотношение общечеловеческого и культурно-исторического свойства обращает внимание Клод Леви-Строс. Он пишет: «Все цивилизации, считающиеся (справедливо или ошибочно) высокоразвитыми — христианство, ислам, буддизм и, в несколько ином плане, цивилизация технического прогресса, ныне сближающая их, — по мере своего распространения вбирали в себя элементы “первобытного” образа жизни, “примитивного” мышления, “примитивного” поведения, которые всегда были объектом антропологических исследований. Незаметно для нас такие “примитивные” элементы видоизменяют эти цивилизации изнутри» (Леви-Строс, 1974, с. 31).

Перспективы изучения человеческого мышления и соответствующих ему способов познания связаны с поиском фундаментальных оснований для выявления такого рода соответствий. Поэтому указания исключительно на то, что постоянно изменяющиеся условия природной среды и необходимость приспособливаться к этим изменениям стимулировала развитие интеллекта, явно недостаточно. Сегодня актуален более широкий междисциплинарный подход к рассмотрению условий формирования интеллекта, затрагивающий вопросы изучения специфики проявления ментальности того или иного народа в условиях исторически сложившегося культурного многообразия. Вместе с тем не теряет своей остроты проблема становления сознания и поиск общих когнитивных оснований человеческого мышления, а также сопоставление различных способов проявления интеллекта, рассматриваемых в культурно-исторической и эпистемологической парадигме.

Практически всеми учеными признается тот факт, что появившаяся в процессе коллективного овладения навыками совместной практической деятельности способность к абстрагированию сформировалась под влиянием фактора коммуникации как такой деятельности, которая продолжает играть важную роль в жизни современного человека, создавая условия его социализации. На ранней стадии эволюции человечества способность к абстрагированию формируется посредством овладения навыками охоты и простейшей трудовой, практической деятельности. Эту идею высказывает А. Н. Леонтьев, настаивая именно на том, что «порождается мышление сначала в ранге действия, в ранге целенаправленного процесса и в недрах практического действия» (Леонтьев, 2000, с. 343).

Большое распространение в литературе получила концепция, согласно которой использование природных предметов в качестве орудий охоты, средств защиты и обработки охотничьих трофеев, наряду с применением простейших навыков практической деятельности, направляло коммуникативную

активность в сторону развития регулятивных форм общения как способов трансляции социального опыта. Наконец, активное освоение предметного мира вещей в процессе обучения (посредством языкового, речевого общения) стимулирует развитие важнейшей потребности человека — потребности в познании мира. Она раскрывается в процессе коммуникации благодаря речевому сообщению, созданному с помощью кода, общего для всех участников коммуникации: «В роли кода выступает язык как система, приводящая в соответствие чувственно данный предмету знак и некое подразумеваемое значение» (Яскевич, 2017, с. 17).

Оценивая предметы с точки зрения их практической пользы, человек определяет их эффективность и значимость. Тем самым он не только окружает себя жизненно необходимыми предметами, но и формирует систему ценностей, интегрируя в своем сознании когнитивный опыт переживания и отношения к окружающей его среде, к миру. Благодаря общению происходит обмен знаниями, переживаниями и эмоциями. В результате создается социокультурный контекст коммуникации, где представления о ценности (ценности эмоционального опыта восприятия мира, ценности получаемого в результате общения знания и т. д.) закладывают основу всей последующей коммуникативно-познавательной практики (Васюков и др., 2019, с. 61–63).

Игра как трансформация социального опыта

Исследователями подмечено, что первые навыки работы с предметами могли реализовываться в форме игры. Так, известный философ науки В. М. Найдыш пишет: «Предметная активность первобытного человека — это деятельность в ее становлении, поэтому субъект еще во многом вынужден осваивать предмет, “играя” с ним» (Найдыш, 2012, с. 52). Для первобытного человека игровой момент освоения предметов основан на их изменении путем проб и ошибок. Постепенно случайный поиск становится все более осозанным и целесообразным, придавая объектам смысловую ценность, а деятельности по их освоению — социальное значение. Нечто аналогичное происходит с современными детьми, которые познают мир, играя с предметами и выстраивая при этом собственный воображаемый мир. Современные дети быстрее осваивают предметы, осуществляя целенаправленные действия под руководством взрослых, подражая им и повторяя их действия. Игровой момент коммуникации, используемый в обучении детей раннего возраста, соответствует формированию характерного для этого возраста типа мышления, развитие которого происходит вместе с освоением языка и речи. Его можно назвать образно-смысловым типом мышления. При этом образный мир, создаваемый игрой, игровая коммуникация способствуют не только развитию воображения, фантазии, но и формированию логических связей, благодаря которым непосредственное наблюдение за процессом игры делает ее осмысленной и творческой. Наблюдение за ходом игры подразумевает полную эмоциональную вовлеченность в нее, а также сознательную оценку состояния дел на каждом

этапе развертывания игры, что обуславливает формирование таких качеств личности, как бесстрастность, рациональность и объективность мышления. Именно эти качества, заложенные еще в детстве благодаря развивающим играм, проявляются затем в способности взрослого человека к объективности и независимости (самостоятельности) суждения как свидетельства о высокоразвитом интеллекте.

Эта независимость не в последнюю очередь обусловлена тем, что человек склонен к отступлениям от правил игры, к их контекстуальной релятивизации. Если вслед за Витгенштейном, считать язык конгломератом языковых игр, о которых он говорит: «“Языковой игрой” я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» (Витгенштейн, 1994, с. 83), то следует признать, что языковые игры представляют собой фундаментальные связи языка и мира. И тогда, как пишет известный финский философ и логик Яакко Хинтикка, «из этого следует, что... правила и критерии теряют свою первичность и становятся, концептуально говоря, подчиненными языковым играм» (Хинтикка, 2013, с. 65).

Игровая культура: ритуал и смысл

Существуют игры-ритуалы, которые передаются от одного поколения к другому, транслируя и тем самым сохраняя культурное своеобразие народа, его обычаи. Смысл коллективного участия в игре (обряде), приуроченной к какому-то празднику или значимому событию, например совпадающий с днем летнего солнцестояния, закрепляет в миропонимании подрастающего человека коллективный образ мира, раскрывающий свой смысл через последовательность действий и реконструкцию образов, создаваемых игрой. Из наиболее известных игр и обрядов, распространенных среди славянских народов, следует упомянуть календарные обряды, которые падают на раннюю весну (сожжение чучела Масленицы) и на разгар лета — день Ивана Купалы (24 июня). Интересным примером игры-обряда может служить известная игра «А мы просо сеяли», где две шеренги девушек попеременно идут навстречу друг другу, а затем отступают. Исполняемые ими песни-веснянки, обращенные к Ладе и Лелю, представляют собой заклинания весны (моления о дожде, о первых всходах и первых колосьях). Другой, скрытый смысл этой игры связан уже не с аграрной магией, а с брачной символикой, что создает целостное представление о природных циклах — весенних полевых работах и о времени сватовства и весенних свадеб.

Изучая миропонимания различных народов, философы озабочены поиском эпистемологических оснований обнаруживаемого смыслового единства в содержательном многообразии национальных картин мира. Этот поиск направлен на то, чтобы объяснить, как хранятся, передаются и используются знания. Тем самым проблема репрезентации знаний оказывается актуальной для самых разных сфер научного познания. Рассуждая в этой парадигме и обнаруживая сходство в миропонимании славянских народов и античных греков, Б. А. Рыбаков пишет: «Все фрагменты и отголоски славянских обрядов сводятся в единый комплекс: у древних

славян, как и у античных греков, существовал обряд умилоствления божеств подземного мира, влияющего на плодородие путем принесения жертв, бросаемых в воду» (Рыбаков, 1987, с. 154). Причем жертвы подземному и подводному миру непосредственно связаны у славян с идеей плодородия, с ожиданием богатого урожая, и такие жертвы проводились в середине лета, например на Купалу, когда результат хозяйственной деятельности еще не был ясен.

Почему те или иные обычаи, восходящие к древности, удерживают свое место в современной культуре? Этот вопрос относится и к играм, которые можно истолковывать как проявление примитивного мышления и архаического мировосприятия. И это не случайно. Дело в том, что предметно-символическое восприятие действительности имеет глубоко укорененную в общественном сознании архаическую природу, восходящую к дописьменной культуре с ее мнемоническими знаками и символикой образов действия. Одной из форм такого рода действия как раз и является игра.

Культура игры для некоторых архаических цивилизаций имела не только спортивное значение, но и ритуальный смысл, связанный с магической и религиозной практикой, как, например, игра в мяч для ацтеков. Игра в мяч до победного конца была для ее участников и зрителей, по сути дела, коллективным способом смертной казни, и такой способ ритуального умерщвления жертв решал проблему насилия внутри сообщества, лишая наблюдателей за такой игрой всякой возможности мести, поскольку любой, кто захотел бы вступить за игрока и отомстить судьям, будет вынужден мстить всему коллективу. Оценивая эту ситуацию с позиции философской антропологии, сошлюсь на Рене Жирара, который пишет: «Кажется, что в этих формах единогодушного насилия временным (но реальным, а не только символическим) образом возникает сила Государства, еще несуществующего в обществах данного типа» (Жирар, 2010, с. 280). Таким образом, игра ацтеков — это не спортивное состязание в нашем его понимании, а кровавый обряд, который воспринимается наблюдателями (зрителями и болельщиками) через призму игры.

Особый род состязаний, восходящий к глубокой древности, во многих культурах состоял в проверке умения ответить на вопросы любого рода. Это мог быть спор, пари, судебное разбирательство, оглашение обета или загадывание загадок. В основе такого состязания (вопрошания) лежит игра, т. е. договоренность о том, «чтобы в границах места и времени, по определенным правилам, в определенной форме совершить нечто такое, что приносит разрешение некоего напряжения и находится при этом вне обычного течения жизни. Что должно быть совершено и что станет выигрышем — вопрос, который в игровой задаче вырисовывается как вторичный» (Хёйзинга, 2011, с. 155–156). Священная игра такого рода в какой-то степени опосредует возникновение философии, поскольку находиться над обычным, обыденным течением жизни означает выстраивать определенный миропорядок, отводя в его структуре место и для потустороннего (метафизического), сакрального, и для обыденного, повседневного.

В древнейших религиозных ритуалах вопросы, которые священнослужители по очереди или по вызову задают друг другу во время жертвоприношения, хотя и похожи на загадки, которые задают при обычной игре, но касаются они знаний сакральных: о священных предметах и тайных именах, о происхождении жизни и повторяемости явлений природы. Эти вопросы волновали человека еще в начале времен. Поэтому неслучайно и то, что аналогичными вопросами космогонического характера озадачен любой шестилетний ребенок: кто заставляет течь воду в реке, откуда берется ветер, что значит умереть, куда уходит спать солнце и т. д.

Безусловно, современный, интеллектуально развитый человек относится к игре не вполне серьезно, часто с определенной долей ребячества, однако при некоторых обстоятельствах, например при обсуждении вполне серьезных вопросов, непринужденность и веселость, свойственные игре, могут быть вполне уместны. Эффект непринужденности (например, при жеребьевке) способен снять напряжение аудитории и даже помогает избежать возможных конфликтов в общении. Во всех случаях непринужденность удастся не тем, кто смешивает жизненные сферы, демонстративно облегчая задачу взаимопонимания и используя заведомо сомнительные доводы, но тот, кто придает собственному игровому поведению интеллектуальную направленность.

Выдающийся этнограф и историк культуры Э. Б. Тэйлор пишет: «Когда мы рассматриваем игры детей и взрослых с точки зрения этнологических выводов, которые могут быть извлечены из них, нас в этих играх прежде всего поражает то обстоятельство, что многие из них лишь шуточное подражание серьезному жизненному делу. Подобно тому как современные дети играют в обед, верховую езду и хождение в церковь, так главной детской забавой у дикарей бывает подражание делам, которыми дети будут заниматься серьезно несколькими годами позднее. Таким образом, их игры служат для них настоящими уроками» (Тэйлор, 2019, с. 93). Игра — это эмоциональное переживание того занятия, подражанию которому она служит. Очевидным примером такого переживания является девичья игра с куклой в дочки-матери, а также характерная для мальчишеских игр стрельба по мишени из лука, смысл которой сопряжен с охотой или войной. Даже детские игры в прятки можно интерпретировать с позиции обучения навыку поиска и ориентации в пространстве, когда внимание к любым, даже самым незначительным деталям приближает игрока к победе, вызывая неподдельную радость самим фактом обнаружения спрятавшихся. Удовольствие, получаемое в процессе такой игры, стимулирует развитие памяти, добавляя этим усилиям нечто избыточное. Поэтому удовольствие, сопереживание и воспоминание об игре, в особенности если она была удачной, позволяет ребенку найти непосредственно в игре собственную духовную пищу. В еще большей степени это имеет отношение к чтению, поскольку текст как раз и есть та самая духовная пища, в которую вовлекается читатель. В определенном смысле он еще и интерпретатор, который пытается понять текст, а не только запомнить отдельные события или сюжет книги.

Заключение

Таким образом, детские игры подготавливают к любому роду человеческой деятельности и при этом они самим действием сохраняют воспоминание о прошлом опыте в том смысле, что этот опыт, по сути дела, являясь коммуникация, непрерывность которой воспроизводится в культуре игры, где подражание, захватывая игроков, определяет их способ мышления и действия. Поэтому игры-ритуалы, а также детские игры — это еще и способ сохранения культурной традиции. «Так же как игры наших детей сохраняют воспоминание о первобытных военных приемах, они воспроизводят иногда древние этапы истории культуры, относящиеся к детскому периоду в истории человечества» (Тэйлор, 2019, с. 94). Современные дети, забавляющиеся тем, что подражают выстрелам ружья, производя шум, когда играют в войну или издадут звуки, подражая тем или иным животным, одинаково прибегают к элементу подражательности, имевшее столь важное значение при образовании языка.

Философский взгляд на роль игры в становлении мышления убеждает в том, что игровая культура основывается на фундаментальных связях языка и мира, структуре миропорядка, восходя при этом, с одной стороны, к древнейшим формам когнитивной деятельности человека (когнитивный онтогенез), а с другой стороны, подготавливая к любому роду человеческой деятельности, захватывая игроков и определяя их способ мышления и действия в будущем (когнитивный филогенез).

Литература

1. Васюков В. Л., Киселева М. С., Шульга Е. Н. Теоретические модели коммуникации и исторические реконструкции. М.: Наука. 2019. 199 с. ISBN 978-5-02-040226-3
2. Витгенштейн Л. Философские работы / пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 520 с.
3. Жирар Р. Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского; предисл. А. Эткинда. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
4. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1974. 384 с. ISBN 5-250-01682-6
5. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 508 с.
6. Найдыш В. М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа-М, 2012. 576 с. ISBN 978-3-98281-345-2
7. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1987. 583 с.
8. Тэйлор Э. Б. Первобытная культура / пер. Д. А. Коропчевский, А. Ивин; под ред. В. К. Никольского. М.: Юрайт, 2019. 742 с. URL: <https://urait.ru/bcode/429314> (дата обращения: 11.08.2021).
9. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

10. Хинтиikka Я. О Витгенштейне. Людвиг Витгенштейн — из «лекций» и «заметок» / сост. и ред.: В. А. Суровцева. М.: Канон+; Реабилитация, 2013. 272 с.
11. Яскевич Я. С. Философские проблемы социальной коммуникации. Минск: Высшая школа, 2017. 289 с. ISBN 978-985-06-2892-3
12. Althoff G. *Rules and Rituals in Medieval Power Games: A German Perspective*. Leiden: BRILL, 2019. 294 p. ISBN 9789004408487, 9004408487
13. Arlandis S., Reyes-Torres A. Thresholds of Change in Children`s Literature: The Symbol of the Mirror. // *Journal of New Approaches in Educational Research*. 2018. Vol. 7. № 2. P. 125–130. DOI: <https://doi.org/10.7821/naer.2018.7.275> (Scopus)
14. Bender A. What Early Sapiens Cognition Can Teach Us: Untangling Cultural Influences on Human Cognition Across Time // *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11. № 99. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00099> (Scopus)
15. Eris vs. Aemulatio. Valuing Competition in Classical Antiquity / eds.: C. Damon and C. Pieper. Brill, 2019. 374 p. ISBN: 978-90-04-38396-8
16. Kramsch C. *Language as Symbolic Power (Key Topics in Applied Linguistics)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 380 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108869386>
17. Lewis Hall E., Hill P. Meaning-making, suffering, and religion: a worldview conception // *Mental Health, Religion & Culture*. 2019. Vol. 22. № 5. P. 467–479. DOI: [10.1080/13674676.2019.1625037](https://doi.org/10.1080/13674676.2019.1625037) (Scopus)
18. Lotem A., Halpern J., Edelman S., Kolodny O. The evolution of cognitive mechanisms in response to cultural innovations // *PNAS*. 2017. Vol. 114. № 30. P. 7915–7922. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1620742114>
19. *Ritual, Play, and Belief in Evolution and Early Human Societies* / eds.: C. Renfrew, I. Morley, M. Boyd. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 339 p. ISBN 9781108547512, 1108547516
20. Satne G. A Two-Step Theory of the Evolution of Human Thinking // *Journal of Social Ontology*. 2016. Vol. 2. № 1. P. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.1515/jso-2015-0053> (Scopus)

References

1. Althoff, G. (2019). *Rules and Rituals in Medieval Power Games: A German Perspective*. Leiden: Brill. [in Russian]. ISBN 9789004408487, 9004408487
2. Arlandis, S., & Reyes-Torres A. (2018). Thresholds of Change in Children`s Literature: The Symbol of the Mirror. *Journal of New Approaches in Educational Research*, 7, 2, 125–130. <https://doi.org/10.7821/naer.2018.7.275> (Scopus)
3. Bender, A. (2020). What Early Sapiens Cognition Can Teach Us: Untangling Cultural Influences on Human Cognition Across Time. *Front. Psychol*, 11, 99. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00099> (Scopus).
4. Eris vs., Aemulatio. (2019). *Valuing Competition in Classical Antiquity* (Damon, C., & Pieper, C., Eds.). Brill. ISBN: 978-90-04-38396-8
5. Girard, R. (2010). *Kozel otpushcheniia [The Scapegoat]* (Dashevsky, G., Tr. from FR; Etkind, A., Pref.). SPb.: Ivan Limbakh Publ. [in Russian].

6. Huizinga, J. (2011). *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [*Homo Ludens. Those who play*]. (Sylvestrov, D. V., Comp., preface and tr. from the Netherlands; Kharitonovich, D. E., Comment., index). SPb.: Ivan Lymbach Publ. [in Russian].
7. Hintikka, J. (2013). O Vitgenshteine. Ludvig Vitgenshtein — iz «lektсии» i «zametok» [About Wittgenstein. Ludwig Wittgenstein — from ‘lectures’ and ‘notes’] (Surov-tsev, V. A., Comp. and ed.). Moscow: Canon+; Reabilitatsiya Publ. [in Russian].
8. Jaskevich, J. S. (2017). *Filosofskie problemy sotsial`noi kommunikatsii* [Philosophical problems of social communications]. Minsk: Vysheishaia shkola. [in Russian]. ISBN 978-985-06-2892-3
9. Levi-Strauss, C. (1974). *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind] (Ostrovsky, A. B., Tr., int. and notes). Moscow: Respublika. [in Russian]. ISBN 5-250-01682-6
10. Leontiev, A. N. (2000). *Lektсии po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl. [in Russian].
11. Naydysh, V. M. (2012). *Nauka drevneishikh tsivilizatsii. Filosofskii analiz* [Science of the ancient civilizations. A Philosophical analysis]. Moscow: Al`fa-M. [in Russian]. ISBN 978-3-98281-345-2
12. Rybakov, B. A. (1987). *Iazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of the Ancient Russia]. Moscow: Nauka. [in Russian].
13. Kramsch, C. (2020). *Language as Symbolic Power (Key Topics in Applied Linguistics)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108869386>
14. Lewis, Hall E., & Hill, P. (2019). Meaning-making, suffering, and religion: a worldview conception. *Mental Health, Religion & Culture*, 22, 5, 467–479. <https://doi.org/10.1080/13674676.2019.1625037> (Scopus).
15. Lotem, A., Halpern, J. Y, Edelman, S., & Kolodny, O. (2017). The evolution of cognitive mechanisms in response to cultural innovations. *PNAS*, 114, 30, 7915–7922. <https://doi.org/10.1073/pnas.1620742114>
16. Renfrew, C., Morley, I., & Boyd, M. (Eds.). (2018). *Ritual, Play, and Belief in Evolution and Early Human Societies*. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 9781108547512, 1108547516
17. Satne, G. (2016). A Two-Step Theory of the Evolution of Human Thinking. *Journal of Social Ontology*, 2, 1, 105–116. <https://doi.org/10.1515/jso-2015-0053> (Scopus).
18. Taylor, E. B. (2019). *Pervobytnaia kul`tura* [Primitive Culture] (Koropchevski, D. A., & Ivin, A., Tr.; Nikolsky, V. K. (Ed.). Moscow: Yurait. [in Russian]. <https://urait.ru/bcode/429314>
19. Vasyukov, V. L., Kiseleva, M. S., Shulga, E. N. (2019). *Teoreticheskie modeli kommunikatsii i istoricheskie rekonstruktsii* [Theoretical models of communications and historical reconstructions]. Moscow: Nauka. [in Russian]. ISBN 978-5-02-040226-3
20. Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works] (Kozlova, M. S., & Aseev, Yu. A., Tr.; Part I). Moscow: Gnosis. [in Russian].

УДК 165.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.07

Семиотика¹ рекламы Р. Барта

С. В. Черненькая

Кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук. Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: chernenkayasv@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-7103-3059

Аннотация. В статье рассмотрен подход французского семиотика Р. Барта к исследованию рекламного сообщения. По Барту, текстовый анализ позволяет привести в движение структуру сообщения и выявить те формы, через которые проявляется и меняется смысл текста. Отмечая, что обыденное представление о рекламе не схватывает все многообразие смыслов, содержащихся в рекламном сообщении, он выделяет некоторые практики его чтения и интерпретации.

Сравнивая рекламу с культурным жестом, Барт подчеркивает поливалентность означающего в рекламном сообщении. Вместе с тем он приводит типологию образов (сюжетов) рекламного сообщения. Применение структурного анализа позволит французскому семиотику на примере рекламного сообщения рассмотреть соотношение визуального и вербального кода, раскрыть механизмы идеологического воздействия в визуальных образах, выделить означающие механизмы работы идеологии.

В современной культуре массового тиражирования визуальных образов инструменты бартовского анализа рекламы не потеряли своей актуальности. В целом практики чтения и интерпретации визуального образа, выделенные Р. Бартом, могут стать материалом для разработки новых коммуникативных моделей, или, как писал сам Р. Барт, «точками продуктивности», позволяющими продвигать вперед современные исследования.

Ключевые слова: семиотика, реклама, текстовый анализ, коннотативный смысл

Для цитирования: Черненькая С. В. Семиотика рекламы Р. Барта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 77–85. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.07

---

¹ Различие между терминами «семиотика», введенным Ч. Пирсом, и «семиология», введенным Ф. де Соссюром, как синонимичными терминами имеет значение главным образом в дискуссиях специалистов о двух традициях — семиотики Пирса и семиологии Соссюра. Р. Барт во всех своих работах, опираясь на концепцию Соссюра, использовал только термин «семиология». Но, поскольку в дальнейшем в научных исследованиях утвердился термин «семиотика», считаем возможным использовать его, характеризуя позицию Р. Барта.

UDC 165.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.07

The Semiotics of Advertising by R. Barthes

Svetlana V. Chernenkaya

PhD (Philosophy), docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences.
Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: chernenkayasv@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-7103-3059

Abstract. The article considers the approach of the French semiotic R. Barthes to the study of an advertising message. According to Barthes, text analysis makes it possible to bring the structure of the message into motion and identify those forms through which the meaning of the text manifests and changes. Noting that the ordinary idea of advertising does not grasp all the many meanings contained in an advertising message, he highlights some practices of reading and interpreting it.

Comparing advertising with a cultural gesture, Barthes emphasizes the polyvalence of the signifier in the advertising message. At the same time, he gives a typology of the images (plots) of the advertising message. The use of structural analysis will allow the French semiotics to consider the correlation of the visual and verbal code on the example of an advertising message, to reveal the mechanisms of ideological influence in visual images, to identify the signifying mechanisms of ideology.

In the modern culture of mass replication of visual images, the tools of the Barthes analysis of advertising have not lost their relevance. In general, the practices of reading and interpreting the visual image, highlighted by R. Barthes, can become material for the development of new communicative models, or, as R. Barthes himself wrote, “productivity points” that allow us to advance modern research.

Keywords: semiotics, advertising, text analysis, connotative meaning

For citation: Chernenkaya S. V. (2021). The semiotics of advertising by R. Barthes. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 77–85. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.07>

Введение

К середине XX века структурно-семиотический подход получит признание как метод анализа различных, не только лингвистических феноменов (Барт, 1989 а, b, c; Барт, 2008; Лотман, 1992). В то же время его экстраполяция на другие знаковые системы осуществлялась весьма осторожно (Телия, 1986; Шульга и Букреева, 2014; Черненкокая, 2008; Васюков и др., 2019). Раскрывая методологические возможности сосюрровской семиологии, Р. Барт применит структурный анализ в исследованиях массовой культуры: моды, кино, рекламы и т. д. Р. Барта сложно вписать в какую-то определенную дисциплинарную нишу: литературу, философию, семиотику, теорию коммуникации, или теорию рекламы. Его отличала свобода перемещения из одной области научных исследований в другую, способность преодолевать

сложившиеся конвенции дисциплинарных норм. Возможно, эта особенность научных исследований французского семиотика, а также его интерес и внимание к методологии анализа визуальных объектов обусловит востребованность идей Барта в современной гуманитаристике.

Основная цель статьи: рассмотреть особенности семиотического подхода к рекламному сообщению Ролана Барта и выделить актуальность идей Р. Барта в современной гуманитаристике, в частности в теории рекламы.

Постановка проблемы

Р. Барт в своих исследованиях рекламы демонстрирует «культурную» избыточность рекламного сообщения, не сводимого только к коммерческим целям. Придав визуальному образу статус текста, он на примере рекламы выделяет некоторые практики его чтения и интерпретации. Обыденное представление о рекламе не схватывает все многообразие смыслов, содержащихся в рекламном сообщении. Выделение структуры рекламного сообщения, анализ меняющихся отношений между элементами рекламного сообщения позволяют понять, какие функции, помимо и наряду с чисто коммерческой, может выполнять и выполняет реклама в обществе. Барт обращает внимание на смысловую насыщенность рекламного сообщения и формулирует ряд исследовательских вопросов. Как организовано рекламное сообщение? Благодаря чему реклама выполняет коммуникативную функцию? Каков характер связи между означаемыми и означающими в рекламе? Как возможен семиотический анализ рекламы и других продуктов массовой культуры?

Методология исследования

Текстовый анализ работ Р. Барта, посвященных исследованию языка массовой культуры.

Результаты исследования

В постструктурализме текст рассматривается как социальное действие, соответственно, анализ текста выступает анализом социальных явлений, а социальная практика определяется как конструирование знаков. Р. Барт разделяет понятия «литературное произведение» и «текст», понимая под текстом семиотическую практику людей в целом. Текст, пишет он, — это не продукт, а сигнификативная практика, «не закрытая совокупность знаков, смысл которых надо разгадать, а набор различных следов. Инстанция текста — не значение, а сигнификант в семиотическом и психоаналитическом значении этого

понятия; текст переходит границу литературного произведения; существует, например, текст жизни, в который я пытаюсь войти благодаря тому, что я пишу о Японии» (Барт, 1975).

Если в концепции Ф. де Соссюра знак рассматривался как единство понятия и акустического образа, то Барт исследует также круг вопросов, связанных с изображением. Каким образом смысл соединяется с изображением? Как структурируются, соотносятся смыслы при восприятии образа? Как соотносятся текст и изображение? Р. Барт раскрывает вопросы, связанные с семиотикой визуального образа, прежде всего на примере рекламного изображения. Анализу рекламного сообщения посвящены его работы «Рекламное сообщение» (1963), «Семантика вещи» (1966), «Риторика образа» (1964), «Общество, воображение, реклама» (1968) и другие.

Надо отметить, что его анализ рекламы, в частности рекламы фирмы «Пандзани», на примере которой он рассматривает структуру рекламного сообщения, считается классическим. На рекламном плакате этой фирмы из раскрытой сетки для продуктов выглядывают две пачки макарон, помидоры, пармезан, лук, перцы, шампиньон, банка с соусом. Какие сообщения содержит данная реклама? Во-первых, языковое сообщение, представленное непосредственно подписью под изображением и надписью на этикетках. Оно носит двойственный характер — одновременно денотативный и коннотативный. Отношение между словом и образом не является строго семиотической проблемой, но для Барта вопрос о характере отношений между вербальным и визуальным окажется одним из основных. Исследуя значения, возникающие на пересечении визуального и вербального сообщений, он отметит, что в визуальных текстах языковое сообщение сопутствует изображению, тем не менее визуальный образ в статичных изображениях (фотография, реклама и т. д.) сохраняет некоторую автономию в производстве значения. На практике, отмечал Р. Барт, мы сначала читаем изображение, а не сформировавший его текст. Роль языкового сообщения сводится к тому, чтобы заставить нас выбрать одно из возможных означаемых, закрепив заранее заданный смысл. Раскрывая идеологическую составляющую рекламного сообщения, он отмечает, что именно вербальное сообщение, фокусирующее наше внимание на определенных означаемых, выполняет основную идеологическую функцию.

Само рекламное изображение представляет ряд сообщений. Во-первых, сетка с провизией вызывает представление о походе на рынок, соответственно, о домашнем способе приготовления из свежих продуктов в противовес питанию на скорую руку из концентратов. Второй знак столь же очевиден — цветовая гамма на плакате — желто-зелено-красная, выдержанная в цветах итальянского флага, выражает, как пишет Барт, «итальянскость». Здесь означаемым служат помидоры, перец, трехцветная раскраска рекламного изображения, а означаемым — Италия, «итальянскость». Можно выделить еще как минимум два сообщения, отмечает Барт. Продукты, изображенные на рекламном плакате, подсказывают мысль о высоком качестве обслуживания фирмы «Пандзани»,

предлагающей натуральные продукты, необходимые для приготовления любимых блюд. Что касается четвертого сообщения, замечает Барт, то сама композиция рекламы, изображающей продукты, отсылает к эстетическому означаемому: перед нами — натюрморт. В рассмотренной рекламе Барт выделяет языковое сообщение, иконическое, в основе которого лежит некий код, и иконическое сообщение без кода. В структуре рекламного сообщения языковое сообщение выполняет функции связывания и закрепления смысла по отношению к обоим иконическим сообщениям, берет их «в тиски», как говорит Р. Барт, ограничивая множество смыслов, возникающих при восприятии рекламного изображения. При этом кодированное иконическое сообщение развивается на основе сообщения без кода (позже У. Эко оспорит утверждение Р. Барта о существовании иконического сообщения без кода (Эко, 2006)). Таким образом, рекламное изображение в его коннотативном измерении есть подвижная структура, состоящая из ряда смыслов и опирающаяся на денотативное сообщение — иконическое сообщение без кода. Число возможных прочтений рекламного изображения индивидуально варьируется, тем не менее вариативность прочтений далеко не произвольна. Она ограничена, помимо языкового сообщения, культурным уровнем реципиента, его социальной и национальной принадлежностью, а также повседневными практиками.

Очевидно, что в процессе чтения рекламных изображений потребитель воспринимает иконические сообщения одновременно, и такой синкретизм, подчеркивает Барт, отличает процессы массовой коммуникации. В исследовательских целях подобное разграничение сообщений оправданно, поскольку позволяет описать структуру изображения, выделить отношения между данными сообщениями и объяснить роль, которую они играют в обществе. Сам Р. Барт отмечал, что его интересует, как и почему реклама, создаваемая в коммерческих целях, осуществляет знаковую операцию, несводимую только к своему происхождению и назначению.

Р. Барт часто сравнивает в своих работах рекламу с культурным жестом. Реклама интенциональна, она создается так, чтобы на нее обратили внимание; в ней, писал Барт, есть агрессия, «щелчок пружины». Означающее в рекламном сообщении всегда поливалентно (одно означающее может выражать несколько означаемых, при этом одно означаемое может выражаться несколькими означающими). Вместе с тем смысл, как писал Р. Барт, — это подконтрольная свобода, для которой ограничение столь же конститутивно, как и выбор (Барт, 1989, с. 162). Образы, предлагаемые рекламой, типичны. Это, во-первых, антропологические образы, которые Барт называет сюжетами: семья, труд, праздник, разделение по полам и возрастам и т. д. Такие образы помещают потребителя рекламы в некую социологическую рамку, позволяя ему ориентировать в упорядоченном, кодифицированном социальном пространстве. Так, образ супружеской пары в рекламе позволяет говорить о любом товаре: от супа в пакетиках до автомобиля.

Второй тип рекламных образов включает в себя определенные атрибуты, которыми традиционно наделяются данные сюжеты. Их Барт называет окном

в мир. Это не просто элементы реализма, а элементы, позволяющие узнавать в рекламном образе конкретные ситуации (тема труда может быть представлена служащими в офисе, рабочими на заводе и т. д.). Так, на рекламе консервов «Арси» (пример Р. Барта) изображены какие-то мелкие плоды, рассыпанные вокруг садовой лестницы. Подпись («А что если и вам пройти по собственному саду?») блокирует возможное нежелательное означаемое (скудость, бедный урожай) и подсказывает другую интерпретацию (натуральность плодов, выращенных на собственной земле, высокое качество консервов «Арси» только из натуральных продуктов), направляя определенным образом наше восприятие и поведение.

И, наконец, третий тип образов — культурные символы, посредством которых реклама обращается к нашему прошлому, к нашим знаниям по истории, литературе и т. д. С помощью таких образов на службу рекламе ставятся главные национальные мифы, превращая ее, по словам Барта, в лубочную картинку. Так, для французов — это образ Наполеона, средневекового рыцаря и т. д. Востребованность прошлого в рекламе Барт объясняет спецификой языка рекламной коммуникации. Во-первых, семантическая насыщенность исторических образов позволяет избежать пояснительного текста в рекламе и обойтись одним именем, или словом. Такие знаки имеют устоявшиеся значения, вызывающие у большинства привычные ассоциации. Во-вторых, статус исторического прошлого придает убедительность рекламному сообщению. Реклама выбирает из исторического прошлого наиболее значимые моменты, адаптирует их к современности, используя эффект близости многих повседневных ценностей.

Для Барта семиотика была средством критики идеологических систем (Черненко, 2017). Как утверждал французский мыслитель, идеологическая критика может быть только семиологической. Применение структурного анализа к раскрытию механизмов идеологического воздействия в визуальных образах (кино, фотографии, рекламы) — одна из особенностей его семиотики. Начиная с «Мифологий», он выявлял идеологические иллюзии общества потребления, транслирующего свои властные интенции через посредство «мягких» семантических механизмов. Реклама как семантическая система является предельно откровенной, честной, по словам Р. Барта, знаковой системой, поскольку вторичное означаемое (рекламируемый товар) «выставлено напоказ» (Барт, 1989). Тем не менее реклама всегда оказывает неявное воздействие на потребителя с помощью коннотативных смыслов. Один из примеров Барта, демонстрирующий такое воздействие, — семантический анализ рекламы мороженого «Жерве», точнее, фразы, используемой в рекламе: «Съешь мороженое “Жерве” — растаешь от удовольствия». Любая рекламная фраза содержит в себе два сообщения, одновременное включение которых создает специфику языка рекламы. Первое сообщение образует фраза, читаемая в ее буквальном смысле, а второе сообщение подчеркивает высшее качество рекламируемого товара. В данном случае реклама не просто предлагает определенное

мороженое, а говорит о том, что поглощение «Жерве» влечет за собой растворение всего нашего существа от удовольствия. Как отмечает Барт, реклама — это всегда рассказ о товаре, который позволяет впустить грезу в мир потребителя рекламы, через символическое совместить мир реального с воображаемым. Одно сообщение в рекламной фразе служит для натурализации второго. Вместо жесткого, произвольного требования «Покупайте!» реклама создает образ общества, в котором потребление мороженого «Жерве» так же естественно, как и получение удовольствия от хороших продуктов. Коммерческий мотив, отмечает Р. Барт, не маскируется, а, напротив, усиливается, дублируется более широким образным представлением, закрепленным в культуре, что во все времена удовольствие уподоблялось растворению всего нашего существа, и стремление к удовольствию естественно и необходимо для человека. Касаясь товара языком рекламы, писал Р. Барт, люди придают ему осмысленность и тем самым превращают простое пользование им в духовный опыт (Барт, 2008). Таким образом, реклама конструирует определенные формы и образы реальности, формирует желания и направляет поведение своего потребителя.

Заключение

На наш взгляд, инструменты бартовского анализа рекламы не потеряли своей актуальности в эпоху новых коммуникативных технологий. В современной культуре массового тиражирования визуальных образов, предполагающего буквализм смыслового содержания, утрачиваются навыки чтения и интерпретации визуального образа. По Барту, текстовый анализ позволяет не реконструировать структуру сообщения, а, следуя его логике, читать сообщение как бы в замедленной съемке (Карлуччо, 2018).

Подход французского семиотика к изучению визуальных образов массовой культуры, демонстрация механизма работы идеологии на материале рекламных и других сообщений, анализ особенностей коннотативных смыслов, безусловно, заслуживают внимание современных исследователей. Рекламные практики, выделенные Р. Бартом, могут стать материалом для разработки новых коммуникативных моделей.

Литература

1. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989а. 616 с. С. 297–318.
2. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989б. 616 с. С. 392–400.
3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989с. 616 с. С. 384–391.
4. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 469 с.

5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
6. Васюков В. Л., Киселева М. С., Шульга Е. Н. Теоретические модели коммуникации и исторические реконструкции. М.: Наука. 2019. 199 с. ISBN 978-5-02-040226-3
7. Карлуччо Д. Текст как стоп-кадр: Ролан Барт и чтение в современную эпоху // Что нам делать с Роланом Бартом?: мат-лы Междунар. конф., Санкт-Петербург, декабрь 2015 г. / ред.: В. Зенкин, С. Фокин. М.: НЛЮ, 2018. С. 100–113.
8. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 472 с.
9. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 267 с.
10. Черненкокая С. В. Семиотические исследования Густава Шпета // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма: колл. монография / науч. ред.: Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 446–453.
11. Черненкокая С. В. Философия языка: учеб.-метод. пособие. М.: МГПУ, 2017. 120 с.
12. Шульга Н. Н., Букреева А. Н. Воплощение воображаемых образов в художественном творчестве // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / Ин-т философии РАН. М., 2013. С. 166–184.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с ит. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

References

1. Bart, R. (1989a). Ritorika obraza [The rhetoric of the image]. In *Izbranny`e raboty` : semiotika, poe`tika* [Selected works: Semiotics. Poetics] (pp. 297–318). Moscow: Progress. [in Russian].
2. Bart, R. (1989b). Effekt real`nosti [Reality Effect]. In *Izbranny`e raboty` : semiotika, poe`tika* [Selected works: Semiotics. Poetics] (pp. 392–400). [in Russian].
3. Bart, R. (1989c). Smert` avtora [Death of the author]. In *Izbranny`e raboty` : semiotika, poe`tika* [Selected works: Semiotics. Poetics] (pp. 384–391). [in Russian].
4. Bart, R. (1975). Osnovy semiologii [Fundamentals of semiology]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: “for” and “against”]. Moscow: Progress. [in Russian].
5. Bart, R. (2008). *Mifologii* [Mythology] (Zenkina, S., Tr. from fr., introductory article and comment.). Moscow: Akademicheskii Proekt. [in Russian].
6. Chernenkaya, S. V. (2010). Semioticheskie issledovaniia Gustava Shpeta [Semiotic studies by Gustav Shpet]. In T. G. Shchedrina (Sc. Ed.). *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma* [Gustav Shpet and his Philosophical Legacy: at the Origins of Semiotics and Structuralism]: Collective monograph (pp. 446–453). Moscow: ROSSPEN. [in Russian].
7. Chernenkaya, S. V. (2017). *Filosofia iazyka* [Philosophy of language]: Guide. Moscow: MCU. [in Russian].

8. Eko, U. (2006). *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* [*Missing structure. Introduction to Semiology*] (Reznik, V. G., & Pogonyajlo, A. G., Tr. from It.) Saint Petersburg: Simpozium. [in Russian].
9. Karluchcho, D. (2018). Tekst kak stop-kadr: Rolan Bart i chtenie v sovremennuiu epokhu [Text as a freeze frame: Roland Barthes and reading in the modern era]. In Zenkin, V., & Fokin, S. (Eds.). *Chto nam delat' s Rolanom Bartom?: Materials of the International Conference, St. Petersburg, 2015, December* (pp. 100–113). Moscow: NLO. [in Russian].
10. Lotman, Yu. M. (1992). Tekst kak semioticheskaia problema [Text as a semiotic problem]. In *Izbrannye stat'i* [*Selected articles*] (v 3 vol., Vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture]). Tallinn: Aleksandra. [in Russian].
11. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [*Connotative aspect of the semantics of nominative units*]. Moscow: Nauka. [in Russian].
12. Shulga, N. N., & Bukreeva, A. N. (2013). Voploshchenie voobrazhaemykh obrazov v khudozhestvennom tvorchestve [The embodiment of imaginary images in artistic creativity]. *Problema voobrazheniia v evoliutsionnoi epistemologii* [*The problem of imagination in evolutionary epistemology*] (pp. 166–184). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. [in Russian].
13. Vasyukov V. L., Kiseleva M. S., & Shulga E. N. (2019). *Teoreticheskie modeli kommunikatsii i istoricheskie rekonstruktsii* [*Theoretical models of communication and historical reconstructions*]. Moscow: Nauka. ISBN 978-5-02-040226-3

УДК 122;16

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.08

Онтологический поворот в исследовании интуиции

А. В. Маслова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук.

Московский государственный лингвистический университет

Ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Москва, Россия, 119034.

E-mail: an_maslova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена интуиции как эпистемологического и когнитивного механизма продуцирования нового знания. Интуиция выступает в качестве связующего звена между внерациональными способностями и рациональной актуализацией знания, полученного интуитивным путем. Рассматривается история развития термина «интуиция» в контексте эпистемологического дискурса, начиная с Древнего Китая, Древней Греции и до сегодняшнего дня в контексте философии сознания.

Мы выделяем несколько уровней влияния интуиции: эпистемологический, экзистенциальный и социальный. Первый и второй могут быть соотнесены с оккультными и мистическими аспектами знания, социальный же выводит интуицию за рамки субъекта. Для целостного охвата проблемы природы интуиции автор обращается к такому перспективному направлению в эпистемологии как биосемиотика, которая рассматривает знаковую систему не только в рамках человеческой жизни, но и за ее пределами. С биосемиотикой коррелирует тенденция к построению нового взгляда на онтологию в современной антропологии, порывающей с антропоцентризмом.

Концептуальный анализ феномена интуиции позволит прояснить ее функции в области науки и философии, а также вывести ее на фундаментальный уровень. Таким образом, интуиция становится междисциплинарным феноменом, охватывающим собой все области философии, начиная с эпистемологии и заканчивая социальной философией и антропологией. Полиморфичность интуиции будет представлена в каждом разделе настоящей работы. На этом обширном материале будет показано, как эволюционировало и менялось представление об интуитивном знании, его источниках и воздействия интуиции на жизнь человека и общества.

Ключевые слова: интуиция, эпистемология, культура, новое знание, мышление, информация, онтология

Для цитирования: Маслова А. В. Онтологический поворот в исследовании интуиции // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 86–95. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.08

UDC 122;16

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.08

The Ontological Turn in the Study of Intuition

Anastasia V. Maslova

PhD (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy.

Moscow State Linguistic University.

38 bld. 1 Ostozhenka, Moscow, Russia, 119034.

E-mail: anmaslova@inbox.ru

Abstract. The article analyses the phenomenon of intuition as an epistemological and cognitive mechanism of the production of new knowledge. Intuition is a link between extra-rational capacities and the rational actualisation of knowledge. Examines the history of the term intuition in the context of epistemological discourse, from Ancient China, Ancient Greece to the present day in the context of the philosophy of consciousness.

We distinguish several levels of influence of intuition: epistemological, existential and social

First and second levels may be relate with occult or mystic aspect of knowledge, but social level derives intuition beyond of subject. For the whole review of the problem of nature of intuition the autor refers to the most perspective trend of epistemology the biosemiotics,

For a holistic coverage of the nature of intuition, the author turns to a promising trend in epistemology, biosemiotics, which looks at the sign system not only within human life, but goes far beyond it. Correlated with biosemiotics is the tendency to construct a new view of ontology in modern anthropology that breaks with anthropocentrism.

A conceptual analysis of the phenomenon of intuition will clarify its functions in the field of science and philosophy, as well as bring it into the fundamental level of philosophical issue. Intuition thus becomes an interdisciplinary phenomenon, encompassing all areas of philosophy, from epistemology to social philosophy to cultural studies. The polymorphism of intuition will be presented in each section of this paper.

This extensive material will show how the concept of intuitive knowledge, its sources and the impact of intuition on human life and society has evolved and changed.

Keywords: intuition, epistemology, culture, new knowledge, thinking, information, ontology

For citation: Maslova A. V. (2021). The ontological turn in the study of intuition. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 86–95. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.39.3.08>

Введение

Человека пронизывают множество информационных потоков, влияющих на его жизненные процессы, как рациональные, так и на уровне бессознательного. Эти потоки буквально конституируют человека в его сложноорганизованной связи со всеми живыми и неживыми сущностями. «Его ergon составляет часть совокупного проекта (bios), в значительной мере неопределенного, и человек сам должен в известной степени

определяться путем размышления и принятия решения» (Субири, 2003, с. 189). Понимание сущности вещей происходит не только посредством *logos*, но и в дополнение к нему приходит на помощь интуиция, *daimonion*. Разбору этого даймония и будет посвящена данная статья. История возникновения интуитивного знания будет рассматриваться на базе древнекитайской логики (Крушинский, 2013), истории тарологии (Декстер и Даммит, 2017), древнегреческого наследия и современной теории сознания.

Интуиция и мышление культуры

Симпатическая связь составляет ядро интуитивных актов, в частности процесса понимания. Само слово «симпатия» берет свое начало из греческого *συμπάθεια* — *сочувствие, сострадание*, из *συμ-* (вариант *συν-*) — *с, вместе* + *παθέω* — *страдаю*, от *πάσχω* — *испытывать, страдать*. Испытывать вместе одно и то же ощущение, быть в синтанном соотношении с другим и при этом не утрачивать собственной целостности. Все это характеристика того, что мы понимаем под эмпатией, в основе которой лежит описанная симпатическая связь. Дж. Фрезер в своей книге «Золотая ветвь» пишет, что симпатическая связь между предметами, животными и человеком лежит в основе магии. Он выделяет два типа магии: гомеопатическая и контагиозная. Первая основана на принципе «подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину». Второй тип магии базируется на представлении о том, что «вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта» (Фрезер, 1980, с. 20). Интересно, что гравитация, обоснование которой хотел дать И. Ньютон, отчасти отражает принцип второго типа магии — принцип дальнего действия, однако не мгновенный, однако оттого не менее притягательный.

Магическое мышление представляет собой один из внерациональных способов постижения и восприятия реальности. Природа сознания человека до сих пор не изучена до конца; и вряд ли мы можем даже дать какое-либо исчерпывающее определение этому феномену, поэтому остается для науки темным пятном факт о способностях, пока не поддающихся научному обоснованию. Поэтому магическое мышление остается в области эквивокальной значимости ее результатов.

Выход из синкретичного понимания мира, от архаического миропонимания произошел примерно в момент осевого времени, когда возникла рациональная рефлексия над самой верой, природой и положением человека в ней. Примерно в VI в. до н. э. возникает уникальная ситуация, при которой происходит поворот от образно-символического к дискурсивному мышлению. Однако это не значит, что такой процесс произошел почти мгновенно *ex nihilo*, ему предшествовала долгая предистория, уходящая корнями в архаическое мышление, где интуиция играла жизненно важную миссию. Метаморфозы интуиции

спровоцировали переход одного способа мышления к другому, который мы называем рациональным.

Как мы указали ранее, синкретизм подразумевает внерациональное постижение сущностей вещей, без ее осознания, мгновенное принятие на веру работы магии. Рассмотрим, как проявляется интуиция в Древнем Китае, так как китайская цивилизация входит в ландшафт осевого времени и представляет собой уникальное самобытное культурное целое.

При Чжоуской династии (1045 до н. э. – 221 н. э.) возникает знаменитая гадательная практика «И-цзин» («Книга перемен»), олицетворяющая собой особый способ построения гексаграмм и их интерпретацию, связанную с идеей постоянства мировых процессов как на Небе, так и на Земле. Обратимся к исследованию логики Древнего Китая в работах А. А. Крушинского, где обосновывается необходимость расширения понимания логики исходя из культурного контекста ее применения. Так, в Древнем Китае был развит метод рассуждения по образцу — это китайская версия дедукции (Крушинский, 2016, с. 116). Отсюда делается вывод, что логика построения, конституирования гексаграмм является ядерной интуицией китайской культуры, ее стержнем и способом мышления. Известно, что логика является правильным мышлением, но эта правильность распространяется на ареал ее применения как интуитивно понятных законов. В Китае применяется игровой метод в построении умозаключений, направленных в первую очередь не на теорию (θεωρία), а на прогнозирование, для стратегического анализа будущего. Интуиция в данном случае имплицитно содержится в конституирующем принципе итерации образца. «Возникновение подобной разновидности логического вывода мотивировано самой природой китайского традиционного сознания, сердцевина которого — “эстафетное” понимание традиции как непрерывного воспроизведения потомками некоторого исходного канонического примера, возводимого к родоначальнику, что только и может гарантировать нерушимость исторического преемства» (2016, с. 118).

Удивительно, что логика Китая происходит из гадательной практики «И-цзин», которая сама по себе является чисто интуитивным прозрением будущего. Немаловажным здесь является феномен интерпретации, выпавшей гексаграммы, который во многом становится камнем преткновения в процессе попытки понять западноевропейскому ученому с аристотелевским складом мышления чисто китайскую логику мышления. Более того, в самом Китае имеются расхождения в интерпретациях гексаграмм, что указывает на глубокий символизм и контекстуальность самой гадательной практики.

Итак, интуиция в Древнем Китае представляет собой сердцевину логики и является обуславливающим фактором стратегического мышления, направленного на прогнозирование, а не на теорию в античном смысле. Устремленность в будущее и организация настоящего в соответствии с будущим успехом является ключевым критерием выживания в Китае. Тем не менее о самой интуиции развернуто не говорится, мы можем только эксплицировать

ее из вышеописанной гадательной практики, в которой интуиция имплицитно содержится как принцип мышления.

Относительно западноевропейской культуры мы можем сказать, что классические законы логики обуславливают наше мышление и для нас они являются интуициями, через призму которых мы воспринимаем действительность. Таким образом, в основе мышления каждой культуры лежит особого рода интуиция, как называет ее А. В. Смирнов, «коллективное когнитивное бессознательное» (Смирнов, 2017, с. 867–878).

Когнитивные основы интуиции

Проникновение в ткань времени заставляет сознание человека создавать новые методики видения будущего, новые способы его дивинации. В Китае — практика «И-цзин», в культуре майя — священный календарь, в Древней Руси и Скандинавии — руны, в Европе — карты Таро, все они являются проводниками в область незримого будущего. Декарт, а позже Спиноза утверждали, что интуиция является высшей способностью души, которая способна реализовать сущность человека. «Третий род познания (интуитивный. — А. М.) ведет от адекватной идеи каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей, и чем больше мы познаем по этому способу, тем больше мы познаем Бога. Поэтому высшая добродетель души, т. е. способность или природа ее, иными словами, высшее ее стремление, состоит в познании вещей по третьему роду познания...» (Спиноза, 1997, с. 579–580). Интуитивный способ познания лежит в основе предвидения, где рациональный ум останавливает свое действие за неимением фактов будущего.

В Средние века происходит возрождение герметического наследия Гермеса Трисмегиста, к которому восходит гадательная практика Таро (по некоторым свидетельствам). Когда мы говорим о гадании, то сразу возникает вопрос о том, что представляет собой будущее, по сути, что такое время, которое мы хотим угадать в символе. Дивинация является древнейшим способом отгадывания неявного присутствия будущего в настоящем, улавливая следы будущего в прошлом. Подобно тому, как электрон оставляет свой след, по которому только и можно судить о его существовании, так будущее является в отпечатках настоящего, которые пытается разгадать любая гадательная практика.

Здесь мы обратимся к пониманию времени и его структуры, вскрыть которую необходимо в акте дивинации. Нетривиальный вопрос «Может ли следствие предшествовать своей причине?», который задал М. Даммит в своей статье «Причинение прошлого» (Карпенко, 2017, с. 179), задевает главный нерв гадательных практик. Парадокс данного вопроса состоит в том, что если мы ответим на него положительно, то окажется, что будущие события могут изменять прошлое, которое в нашей классической реальности неизменно. Следовательно, мы находимся сразу в двух временных перспективах:

в прошлом и будущем. Причем прошлое как настоящее является как бы будущим в классическом понимании (согласно которому будущее зависит от прошлого). Здесь на первый план выступает идея Аристотеля о динамике и возможности, которая присутствует в настоящем, но еще не обрела свою актуальность в мире фактов. Когда мы узнаем какие-то факты о будущем, или, точнее, угадываем будущее, интерпретируя его следы в настоящем, то мы одновременно и конструируем будущее своей мысленной активностью. Создавая образы, мы создаем возможность бытия, что проявляется в феномене контрфактуального мышления, удивительной способности человека расшатывать классический строгий детерминизм. Справедливо в этом смысле, что «реальность рождается из замкнутости на себя человеческого сознания, т. е. — из логики, пока все возможное не реализуется» (Карпенко, 2016, с. 5). Процесс реализации фактов в мире происходит на границе эпифеноменальной природы сознания, которое оперирует реально существующими языковыми категориями и той онтологической альтернативой, которая произрастает из небытия, из того, чему еще не найден смысл. Поскольку смыслом является «...“свечение” смыслового содержания сквозь полностью соответствующую ему образно-материальную форму» (Иванов, 1994, с. 111).

С проблемой будущего связан вопрос о свободе воли человека и насколько мы не встроены в телеологическую связь вещей. Здесь интерес представляет эпистемический критерий, согласно которому «наука не доказывает, что у людей нет свободы воли, пока она не доказывает почему несвободны все их конкретные действия» (Левин, 2018, с. 156). Если человек обладает свободой воли, то предвидеть будущее становится крайне проблематичным, так как будущее строится из прошлого, а фактор свободы разрушает канат, натянутый между этими двумя крайними точками времени (Васильев и др., 2017, с. 58–77).

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что мы неверно истолковываем структуру самой реальности, как если бы она была действительно каузально выверена. Онтология должна строиться на других принципах, которые создает современная антропология (Дескола, 2012; Вивейруш де Кастру, 2017; Кон, 2018; Шалагинов, 2019, с. 268–278). Интересно, что интуиция в данном случае играет ключевую роль в построении картины мира, которую, например, Вивейруш де Кастру называет мультинатурализмом, в отличие от мультикультурализма. Дело в том, что мультикультурализм в контексте человеческих сообществ оказался нереализуемым проектом утопической мысли (Миронов, 2017, с. 16–28). Сегодня в гуманитарной мысли происходит в целом переход на новые парадигмы изучения человека. Если время в контексте антропоморфизма измеряется когнитивным аппаратом человека, то мы сильно сужаем онтологические рамки самой реальности. На наш взгляд, новые исследования в области антропологии и онтологический поворот позволит расширить эпистемологию в целом, в частности позволит по-новому посмотреть на интуицию.

В философии сознания есть такое направление, как квантовая теория сознания, согласно которой сознание является интерфейсом между мирами (согласно

многомировой интерпретации Хью Эверетта) (Менский, 2015, с. 45–57). Можно предположить, что интуиция выполняет роль медиума между различными онтологическими мирами в смысле переключения семантических пространств, переход из одного в другое. В контексте эволюционной эпистемологии известно, что жизнь является познанием и все живые существа не просто существуют в бессмысленном горизонте, но познают и пребывают в знаковой реальности. «Живые мысли “строят догадки” и таким образом создают будущее, в соответствии с которым они себя формируют» (Кон, 2018, с. 145). Такая расширенная эпистемология за пределами человека позволит включить интуицию в более широкий семиотический контекст. Тем более что «мы одновременно и творящие, и творимые, так как мы создаем наше окружение, наш экологический дом и в то же время постоянно создаваемы им, испытываем на себе его воздействие, которое нас преобразует» (Князева, 2018, с. 96). Поэтому будущее становится сложным переплетением человеческого и нечеловеческого, что можно назвать заколдовыванием мира. Если М. Вебер констатировал факт расколдования, то сегодня нам необходимо его снова заколдовать (Кон, 2018, с. 144), чтобы вновь обрести целостность и собственную самость.

Обратимся к наследию Ч. С. Пирса, его расширенному пониманию знака и семиотической системы как таковой. Согласно Пирсу, семиотические связи присутствуют во всех сферах реальности (Пирс, 2000, с. 76). Следовательно, когнитивные способности вплетены в сложную многоуровневую знаковую систему отношений между человеческими и нечеловеческими существами, что означает сосуществование многих онтологических перспектив. Интересно, что когда Э. Сепир указал на наличие именно разных миров в контексте разных языков, его заявление было воспринято исключительно в эпистемологическом ключе. Однако сегодня можно сказать, что миры действительно представлены разными онтологическими перспективами, со своим уникальным хронотопом. Сознание человека вплетено не в различные эпистемологии, а онтологии, где интуиция становится проводником в иную реальность.

Ярким примером такой вовлеченности является творческий акт, когда «подлинная новизна подлинно возникает во времени, в гуще вещей, на пересечении человеческого и нечеловеческого, в открытом поиске путем проб и ошибок» (Пикеринг, 2017, с. 157). Таким образом, преодолевается дуализм человеческого и нечеловеческого, которые во многом мешают преодолеть границы рациональной установки, сформировавшей наше мышление. Проблема антрополога, который пытается выйти на путь максимальной объективации заключается в преодолении рефлекса накладывать свою мерку бытию иного. Более того, необходимо преодолеть иллюзию, что бытие существует как статичная универсальность. Справедливо в этом случае, что «существует столько валидных способов наблюдения и описания живых систем, помещенных в среду, сколько существует самих этих систем, познающих мир, другие системы и самих себя» (Мирошниченко, 2020, с. 131). В границах человеческого разделение миров происходит по принципу принадлежности к различным культурным

смысловым реальностям. Семиотическая связь человека с самим собой, с другими, с артефактами и природой строится из начальных установок мышления, обусловленных логикой языка и базовыми интуициями культуры.

Что касается самопознания, то здесь интуиция выступает как апофатика ожидаемого, неожиданное отрицание собственного ожидания: «восприятие человеком самого себя происходит в момент нереализации ожиданий, ошибки, столкновения с реальностью» (Кускова, 2016, с. 159). Таким образом работает первичная интуиция, по Бергсону, вначале мы отделяем существенное от ненужного, происходит селекция информации. Более того, так работает наш мозг, он избирателен относительно поступающих в него множественных сигналов. Происходит членение мира, которое во многом ограничивает наше мышление, что обусловлено естественным механизмом адаптации и выживания. Невозможно воспринимать все привходящие в мозг потоки различной информации, иначе бы он не справился со своими тривиальными, но жизненно необходимыми задачами. Однако человек стремится выйти за пределы установленных природой границ существования, он стремится быть как творец, но не как креатура. Тем не менее этот порыв не дает оснований считать, что другие живые организмы не являются одновременно и творимыми, и творящими. Конвергентный информационный процесс происходит на всех уровнях живых организмов, необходимо уловить резонанс этих смысловых пространств друг с другом.

Литература

1. Васильев В. В., Волков Д. Б., Синеокая Ю. В. Свобода воли: новые повороты старых дискуссий // *Философский журнал*. 2017. Т. 10. №1. С. 58–77. DOI: 10.21146/2072-0726-2017-10-1-58-77
2. Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 404 с.
3. Декстер Ч., Даммит М. История оккультного таро. М.: Касталия, 2017. 372 с.
4. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012, 584 с.
5. Иванов А. В. Сознание и мышление. М.: Изд-во МГЛУ, 1994. 130 с.
6. Карпенко А. С. Логика, детерминизм и феномен прошлого // *Вопросы философии*. 201. № 9. С. 178–182.
7. Карпенко А. С. Сверхреализм. Ч. I: От мыслимого к возможному // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 2. С. 5. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-2-5-23
8. Князева Е. Н. Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 86–98. DOI: 10.31857/S004287440001897-1
9. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
10. Крушинский А. А. Логика Древнего Китая // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 111–127. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-111-127
11. Кускова С. М. Атомистический подход и континуальное в семиотике и феноменологии Ч. С. Пирса // *Вопросы философии*. 2016. № 6. С. 153–164.

12. Левин С. М. Свобода воли, наука и причины поведения // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 153–164. DOI: 10.5840/eps201855235
13. Менский М. Б. Интуиция и квантовый подход к теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 48–57.
14. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Мультикультурализм: толерантность или признание // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16–28.
15. Мирошниченко М. Д. От глаза лягушки к человеческому сознанию: трансформации неокибернетического проекта в теории аутопоэзиса // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 126–143. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-126-143
16. Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 153–172.
17. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
18. Смирнов А. В. Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 867–878.
19. Спиноза Б. Избранные произведения. Серия: Выдающиеся мыслители. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 606 с.
20. Субири Х. Сократ и греческая мудрость // История философии. 2003. № 10. С. 178–198.
21. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
22. Шалагинов Д. Апокалиптические метафизики и радикальный антропоморфизм // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 268–278.

References

1. Vasil'ev, V. V., Volkov, D. B., & Sineokaya, Yu. V. (2017). Svoboda voli: novye povoroty starykh diskussii [Freedom of will: new turns of old discussions]. *Filosofskii zhurnal [Philosophical Journal]*, 10, 1, 58–77. [in Russian]. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-1-58-77>
2. Vivejrush de Kastru, E. (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii [Cannibal metaphysicians. Frontiers of poststructural anthropology]*. Moscow: Ad Marginem Press. [in Russian].
3. Dekster, C. H., & Dammit, M. (2017). *Istoriia okkul'tnogo taro [The history of the occult tarot]*. Moscow: Kastalia. [in Russian].
4. Deskola, F. (2012). *Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian].
5. Ivanov, A. V. (1994). *Soznanie i myshlenie [Consciousness and thinking]*. Moscow: Izd-vo MGLU. [in Russian].
6. Karpenko, A. S. (2017). Logika, determinizm i fenomen proshlogo [Logic, determinism and the phenomenon of the past]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 9, 178–182. [in Russian].
7. Karpenko, A. S. (2016). Sverkhrealizm. Ch. I: Ot myslimogo k vozmozhnomu [Overrealism. Ch. I: From the conceivable to the possible]. *Filosofskii zhurnal [Philosophical Journal]*, 9, 2, 5. [in Russian]. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-2-5-23>

8. Knyazeva, E. N. (2018). Biosemiotika: istoki mezhdistsiplinarnogo napravleniia [Biosemiotics: the origins of the interdisciplinary direction]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 11, 86–98. [in Russian]. <https://doi.org/10.31857/S004287440001897-1>
9. Kon, E. (2018). *Kak mysliat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How Forests Think: towards Anthropology on the other side of Man]. Moscow: Ad Marginem Press. [in Russian].
10. Krushinskij, A. A. (2016). Logika Drevnego Kitaia [Logic of Ancient China]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal], 9, 4, 111–127. [in Russian]. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-4-111-127>
11. Kuskova, S. M. (2016). Atomisticheskii podkhod i kontinual'noe v semiotike i fenomenologii Ch. S. Pirs [Atomistic approach and continuum in semiotics and phenomenology of Ch. S. Pirs]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 6, 153–164. [in Russian].
12. Levin, S. M. (2018). Svoboda voli, nauka i prichiny povedeniia [Freedom of will, science and the causes of behavior]. *Epistemologiya i filozofia nauki* [Epistemology and philosophy of science], 55, 2. 153–164. [in Russian]. <https://doi.org/10.5840/eps201855235>
13. Menskij, M. B. (2015). Intuitsiia i kvantovyi podkhod k teorii soznaniia [Intuition and quantum approach to the theory of consciousness]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4, 48–57. [in Russian].
14. Mironov, V. V., & Mironova, D. V. G. (2017). Mul'tikul'turalizm: tolerantnost' ili priznanie [Multiculturalism: tolerance or recognition]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 6, 16–28. [in Russian].
15. Mirosnichenko, M. D. (2020). Ot glaza liagushki k chelovecheskomu soznaniuu: transformatsii neokiberneticheskogo proekta v teorii autopoezisa [From the frog's eye to human consciousness: transformations of the neocybernetic project in the theory of autopoiesis]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal], 13, 2, 126–143. [in Russian]. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-2-126-143>
16. Pikinging, E. (2017). Novye ontologii [New ontologies]. *Logos*, 27, 3. 153–172. [in Russian].
17. Pirs, Ch. S. (2000). *Nachala pragmatizma* [The Beginnings of pragmatism]. Saint Petersburg: Laboratory of Metaphysical Research of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University; Aletejya. [in Russia].
18. Smirnov, A. V. (2017). Kollektivnoe kognitivnoe bessoznatel'noe i ego funktsii v logike, iazyke i kul'ture [Collective cognitive unconscious and its functions in logic, language and culture]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 87, 10, 867–878. [in Russian].
19. Spinoza, B. (1998). *Izbrannye proizvedeniia. Seriya: Vydaishchiesia mysliteli* [Selected works. Series: Outstanding Thinkers]. Rostov-na-Donu: Feniks. [in Russian].
20. Subiri, H. (2003). Sokrat i grecheskaia mudrost' [Socrates and Greek wisdom]. *Istoriia filozofii* [History of Philosophy], 10, 178–198. [in Russian].
21. Frezer, Dzh. Dzh. (1980). Zolotaia vetv' [The Golden Branch]. Moscow: Politizdat. [in Russian].
22. Shalaginov, D. (2019). Apokalipticheskie metafiziki i radikal'nyi antropomorfizm [Apocalyptic metaphysics and radical anthropomorphism]. *Logos*, 29, 3, 268–278. [in Russian].

УДК 30.83

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.09

Цели и ценности современного высшего образования: философско-социологический подход

В. М. Ананишнев

Доктор социологических наук, профессор.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: ananishnevvm@mgpu.ru

Е. С. Вакарев

Кандидат психологических наук, доцент.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: vakareves@mgpu.ru

С. М. Осмоловская

Кандидат социологических наук, доцент.

Московский городской педагогический университет

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: sakovichsm@mgpu.ru

А. В. Ткаченко

Кандидат исторических наук, доцент.

Московский городской педагогический университет

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: tkachenkoav@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние высшего образования. Российские и зарубежные социологи, политологи, экономисты, аналитики изучают новые модели системы образования, основанные на применении современных информационно-коммуникационных технологий в связи с расширением информационного поля и доступа к новым ресурсам. В связи с этим проанализирована необходимость совершенствования профессиональной компетентности. На основе проведенного социологического исследования представлены цели и ценности участников образовательного процесса. Выявлены следующие составляющие: быстро меняющаяся образовательная среда, актуальные научно-технические разработки, обмен научного

контента; а также личностные и профессиональные проблемы, требующие пристального исследовательского изучения и решения.

Ключевые слова: образование, ценности, технологизация, информатизация, дистанционное обучение

Для цитирования: Ананишнев В. М. Цели и ценности современного высшего образования: философско-социологический подход // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 96–107. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.09

UDC 30.83

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.09

Goals and Values of Modern Higher Education: a Philosophical and Sociological Approach

Vladimir M. Ananishnev

Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: AnanishnevVM@mgpu.ru

Evgenii S. Vakarev

PhD (Psychology), Associate professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: VakarevES@mgpu.ru

Svetlana M. Osmolovskaya

PhD (Sociology), Associate professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: SakovichSM@mgpu.ru

Aleksandr V. Tkachenko

PhD (History), Associate professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

Abstract. The article considers the current state of higher education. Russian and foreign sociologists, political scientists, economists, analysts are studying new models of the education system based on the use of modern information and communication technologies in connection with the expansion of the information field, access to new resources. The necessity of improving professional competence is analyzed. Based on the conducted sociological research, the goals and values of modern education are presented. The components are identified — a rapidly changing educational environment, current scientific and technical developments, the exchange of scientific content; as well as personal and professional problems that require close research study and solution.

Keywords: education, values, technologization, informatization, distance learning

For citation: Ananishnev V. M. (2021). Goals and values of modern higher education: a philosophical and sociological approach. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 96–107. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.40.4.09>

Образование как социальное явление и процесс, как социальная система, как социальный институт, являясь элементом общества, испытывает на себе влияние практически всех изменений, происходящих в нем. Переходный характер процессов, происходящих в нашей стране, экономические, политические, социальные реформы, связанные с демократизацией общества, его движением к доминированию рыночных отношений, не могли не повлиять на социальный институт образования.

Рассматривая современное состояние высшего образования в России, методологически правильно было бы проанализировать его зависимость от общественных преобразований в стране. Такой подход подразумевает выявление места образования в системе социальных отношений и процессов, социальных институтов и структур, его социальной роли в жизни трансформирующегося общества (Репина и Реутова, 2015, с. 22).

Социологический подход к образованию не сводится лишь к его «общественным» характеристикам и не означает рассмотрения его как социального феномена. Он означает также изучение образования как одного из наиболее значимых элементов образа жизни людей, тесно связанного с другими элементами повседневного (регулярного) способа деятельности. Поэтому социологию интересует влияние на образование труда, быта, свободного времени, условий жизни, ценностных ориентаций, различных форм и видов деятельности (Сакович, 2017).

Специфика социологического подхода к образованию состоит в том, чтобы анализировать степень удовлетворенности им различных социальных общностей, как непосредственно включенных в его систему, так и косвенно связанных с ней. Это предполагает выявление социального самочувствия различных групп в сфере образования, факторов социального комфорта и дискомфорта (что особенно актуально для общества, совершающего переход к рыночным отношениям), готовности людей продолжать образовательную деятельность в течение всей их жизни либо достаточно долгого времени (Ananishnev et al., 2020, с. 56).

Социологию волнуют вопросы непрерывного образования, причем как с точки зрения личной заинтересованности людей в его развитии, так и с позиций общественного признания значимости этой проблемы. Это должно выражаться в существовании особого направления социальной политики, поощряющей и финансирующей создание различных структур дополнительного образования и его центров за пределами институционализированных учреждений и учебных заведений для удовлетворения самых разнообразных образовательных потребностей не только молодежи, но и взрослого населения (Блинов и др., 2019, с. 4).

Таким образом, использование социологического подхода позволяет сочетать в изучении образования общественную и личностную объективную и субъективную стороны. Будучи разновидностями социологического подхода, институциональный, системный и деятельностный подходы дают возможность исследовать образование и на социальном, и на общественном, и на личностном уровнях.

Вместе с тем эти подходы выступают не только как конкретные проявления социологического изучения образования. Они тесно связаны с его педагогическими, философскими, экономическими, психологическими характеристиками. К указанным выше подходам следует добавить деятельностный, социокультурный, аксиологический, коммуникативный, которые так же, как и они, тесно связаны с подходами к образованию в рамках педагогической, философской, экономической, социологической наук. Подход к образованию, связанный с характеристикой его в качестве определенного вида деятельности, может быть определен как деятельностный. Субъектом такой деятельности выступает социальный институт, социальная организация (образовательное учреждение), социальная общность либо личность (Вакарев, 2016, с. 138). В рамках деятельностного подхода образование рассматривается не просто как вид деятельности, но как элемент образа жизни, тесно связанный с другими его элементами и показывающий место образования среди них. Деятельностный подход предполагает изучение образовательных потребностей, ценностных ориентаций, интересов, диспозиций, установок, мотивов, реализующихся через образование.

Образование как вид деятельности, способствующий осуществлению личностной самореализации, тесно связано с процессами социализации индивидуализации личности. Усвоение и присвоение совокупности общественных отношений (социализация) возможно только в индивидуальной форме и проявляется в первую очередь посредством деятельности человека. Образование как раз и оказывается одним из видов деятельности, который выявляет степень присвоения личностью общественных отношений, реализации ее сущностных сил (Ryabov et al., 2019, с. 2343).

Подход, который играет важную роль в осмыслении образования, помогая понять, как оно превращается в один из основных видов деятельности человека — социокультурный подход. Выступая как универсальная технология жизнедеятельности человека, а значит, и его образования, культура сама базируется на нем. Образование выполняет роль опоры, транслятора, передаточного звена культуры, оно охватывает всю деятельность человека по освоению культуры.

Выполняя важные социокультурные функции, образование способствует активному включению индивидов в социальную среду, выступает средством воссоздания целостности общества и личности. Доминанта образовательной деятельности в образе жизни человека нередко обусловлена высоким удельным весом подлинно культурного значения этого вида деятельности, его наполненностью неким культурным инвариантом, который всегда создает вокруг себя определенную ауру.

С деятельностным и социокультурным подходами тесно связан и коммуникативный подход. Дело в том, что образование целесообразно рассматривать в качестве коммуникации как вида социального взаимодействия субъект-субъектного типа. Учитывая, что коммуникативные системы очень быстро претерпевают изменения, а многие из них, тесно связанные с использованием технических средств, активно внедряются в образовательный процесс, можно понять, насколько важен коммуникативный подход к образованию в современных условиях. Существенное значение имеет и понимание того обстоятельства, что одним из способов изучения образования как коммуникативной системы является анализ технологий знакового общения. Вся коммуникативная деятельность опосредствована знаками, поэтому разработка проблем образования предполагает обращение к анализу знаковых процессов, знаковых и символических структур и систем. Последние возникают реализуя коммуникативно-познавательные цели субъекта образования в ситуациях коммуникативного взаимодействия.

Превращение образования в индивидуально и социально значимый вид деятельности, социальный институт, социальную систему (подсистему общества) может происходить только в том случае, если на уровнях индивида, социальной общности, общества будут осознаны ценности образования, если они преломятся через потребности и интересы различных субъектов образования. Изучение этого процесса ценностного преломления образования, включения его ценностей в ткань повседневного (регулярного) социального и личного бытия и составляет существо аксиологического подхода к образованию.

Этот подход помогает осмыслить противоречия, возникающие между ценностями-целями и ценностями-интересами образования. Если первые требуют для своей реализации инструментальных действий и, более того, сами могут иметь инструментальный характер, то вторые, основывающиеся на интересе, скорее гедонистичны. Когда человек стремится к образованию ради удовольствия, наслаждения, которое он получает в этом процессе, когда им движет только интерес к знанию, жажда познания, искреннее любопытство открывателя нового, тогда ценность этого вида деятельности особенно важна.

Общеуниверситетская кафедра философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ в марте – апреле 2021 г. провела опрос преподавателей и студентов с целью выявить мнение его преподавателей и студентов о том, как в нем организован образовательный процесс. Перед социологами были поставлены следующие задачи исследования: установить, какое место занимает университетское образование в системе ценностей обучающихся и обучающихся; узнать о целях, настроении и мотивации участников образовательного процесса; понять жизненные приоритеты педагогических работников и учащихся; выявить проблемы, с которыми сталкиваются в процессе обучения преподаватели и студенты; описать трудности, возникшие у педагогов и обучающихся при переводе части учебных занятий в дистанционный режим; определить

возможные пути решения учебных проблем; обнаружить изменения, которые произошли в личностном и профессиональном развитии преподавателей и студентов за время их пребывания в университете; определить эффективность организации учебного процесса в вузе.

Для реализации этих задач был разработан инструментарий социологического исследования. Опрос проводился в Интернете в режиме онлайн. Всего были опрошены 90 преподавателей и 168 студентов, обучающихся на всех курсах по разным направлениям. Большая часть опрошенных — студенты 1–3-го курсов бакалавриата. Вопросы, заданные им, касались их отношения к учебе, высшему образованию, знаниям, которые даются вузом, дистанционному обучению и применению в нем цифровых технологий, жизненным ценностям и перспективам, зависящим от полученных в стенах вуза профессиональных навыков.

В ходе социологического исследования, прежде всего, выяснилось, что мотивацией работы в университете для большинства педагогов являются профессиональные ориентиры, а морально-психологические стимулы работы в вузе преобладают над материальными. Благоприятный климат в коллективе, отношения с руководством и творческий характер работы выступают базовыми факторами привлекательности работы в университете. Подавляющее большинство преподавателей отмечают, что важными в их работе является возможность развития профессионально-творческих способностей и постоянное самосовершенствование.

Преподаватели университета, помимо базовых практических ценностей, большое значение придают моральным и этическим сторонам преподавательской деятельности. Педагоги в большинстве убеждены, что порядочность, интеллектуальный потенциал, творческая ориентация в деятельности, целеустремленность являются теми качествами, за которые людей ценят и уважают.

По мнению преподавателей, вынужденная в период пандемии COVID-19 работа в дистанционном формате существенно оптимизировала некоторые аспекты их труда. Многие считают, что появилось больше возможностей для индивидуального подхода в обучении, отмечается повышение гибкости в организации учебного процесса.

Наиболее существенными для преподавателей причинами, затрудняющими процесс их адаптации к дистанционному формату, являются отсутствие возможности непосредственного взаимодействия со студентами, а также ограниченные возможности технических условий для работы онлайн. У большей части педагогов за время работы в дистанционном формате возрос интерес к общению со студентами, а взаимодействие стало более доверительным и дружелюбным. Однако распространенным является мнение преподавателей о том, что взаимоотношения стали более формальными и официальными, чем ранее, хотя студенты и стараются соблюдать новые требования, связанные с онлайн-форматом.

Отмечен общий положительный эмоциональный фон и настроение, которые связаны с работой в университете, что проявляется в интересе к профессиональной деятельности и взаимодействию с коллегами и студентами.

В ходе исследования также выяснилось, что студенты учатся, чтобы получить знания и умения. Но не просто знания и умения, а такие, которые нужны для приобретения профессии (специальности), которая, в свою очередь, позволила бы в перспективе найти хорошую работу. А хорошая работа — такая, которая позволяет самореализоваться, получать стабильный доход и иметь финансовую независимость от родственников. Неслучайно самыми важными качествами человека учащиеся признают ум и трудолюбие и готовы получать при необходимости дополнительное образование (рис. 1).

8. Оцените, насколько выражены мотивы Вашего обучения в университете по пятибалльной шкале, где 1 – мотив совершенно не является актуальным, 5 – мотив является приоритетным

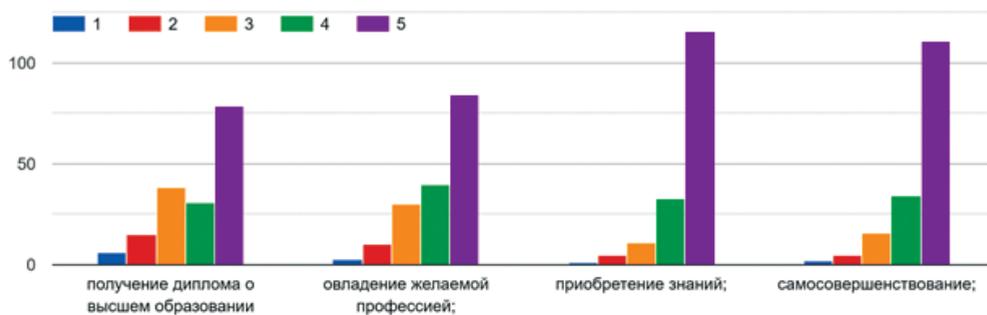

Рис. 1. Мотивация обучения студентов университета

Современные студенты не стремятся во всем соответствовать образу успешного (делового) человека или популярной звезды. Карьера или высокий социальный статус не являются для них высшей целью. Гораздо важнее, с их точки зрения, получить пусть не очень высокооплачиваемую, но дающую возможность безбедно существовать работу. Больше всего они боятся заболеть и остаться без средств к существованию. Поэтому получение диплома и высшее образование как таковое для студентов гораздо менее значимы, чем получение востребованной на рынке труда профессии.

Несмотря на распространенное мнение о том, что учебные программы российских вузов страдают от нехватки практико-ориентированных дисциплин, студенты считают, что теоретические знания и практические навыки должны даваться им в равных долях. Студенты выступают за увеличение количества занятий, дающих практические навыки, но без ущерба для теории.

Молодежь хочет большего и регулярного взаимодействия с преподавателями. Поэтому самой большой помехой на пути адаптации учащихся к дистанционному формату обучения стало отсутствие прямого контакта с педагогами. Очевидно, электронная связь не может заменить студентам живой беседы в стенах университета. Более того, за последний год возросла тяга учащихся к общению с преподавателями, так как этого общения стало не хватать.

Дистанционный формат не повлиял на желание студентов учиться. Они легко включились в работу в системе Teams, потому что зачастую знакомы с информационными технологиями лучше, чем сами преподаватели.

Среди плюсов дистанционного обучения чаще всего отмечается отсутствие необходимости тратить время на дорогу в вуз и обратно домой и вообще экономия времени, которое в том числе можно потратить на подготовку к занятиям, подработку или домашние дела. Кроме того, к преимуществам дистанционного формата относятся: возможность обучаться в комфортной обстановке; удобство ответов на семинарах, когда никто никого не перебивает; шанс освоить новые компьютерные программы; отсутствие опозданий на первые занятия в утренние часы; возможность жить в любом городе и не снимать жилье в том населенном пункте, где находится учебное заведение; возможность повторно прослушать лекцию преподавателя, даже если она была пропущена.

Многие студенты вообще не видят минусов в дистанционном обучении. Однако это не значит, что их нет. Так, часто отмечаются: большая нагрузка на глаза; утомляемость и боли в спине от частого сидения (лежания) за компьютером или ноутбуком; развитие малоподвижного образа жизни; лень, расслабленность и неорганизованность как следствие ослабления контроля со стороны преподавателей за деятельностью учащихся.

Большинство студентов испытывают интерес к учебе и эмоциональное воодушевление во время занятий. Однако есть и такие, которые испытывают чувство неудовлетворенности, апатии и разочарования. Учитывая то, что студенты приходят в вуз ради получения профессии, надо полагать, что некоторые из них сомневаются в том, что полученная специальность поможет им найти хорошую работу. Впрочем, более 10 % опрошенных и вовсе не имеют ясной цели и, очевидно, до конца не определились, чем они будут в дальнейшем заниматься.

Почти все студенты отметили положительные изменения в развитии своей личности за время обучения в вузе, а именно: расширился их кругозор, появилась внутренняя дисциплинированность, изменились взгляды на жизнь и отношение к людям, появилось желание развиваться, повысилось чувство ответственности и начали совершенствоваться коммуникативные навыки. За время пандемии коронавируса эта положительная тенденция усилилась, так как более 80 % учащихся научились лучше распределять время, освоили новые информационные технологии, стали больше читать, особенно в электронном варианте, научились работать с большим количеством информации и задумались над тем, что действительно им нужно от жизни. Они поняли, что высшее образование ценно, если оно соответствует цели — получению востребованной на рынке труда профессии, которая открывает для выпускника вуза множество возможностей.

Сравнивая мнения преподавателей и студентов по вопросу изменений в развитии личности, которые произошли в процессе работы или обучения в университете за время пандемии, представляется возможным судить о некоторых сходствах. Так, большинство педагогов и студентов сходятся во мнении,

что вынужденные условия самоизоляции стимулировали профессионально-личностное развитие, респонденты приобрели новые навыки в работе с информационно-коммуникативными системами и технологиями, стали более уверенно чувствовать себя в работе с большими объемами информации. Однако педагоги чаще отмечали эффект прироста информационно-коммуникативной компетентности по сравнению со студентами, что, вероятно, связано с более уверенной ролевой позицией пользователя компьютерными технологиями у студентов, чем у преподавателей. Также общий для студентов и преподавателей положительный эффект деятельности за время пандемии отмечен в отношении самоменеджмента: респонденты обеих групп отметили, что повысился уровень личностной организованности, научились лучше распределять временные ресурсы, планировать свою деятельность.

Обнаружены сходства в самооценке интереса и мотивации к деятельности у преподавателей и студентов. Так, одинаковая доля респондентов в обеих группах отмечает, что за время учебы/работы в дистанционном формате интерес к деятельности вырос, возникло желание больше осваивать новый материал, получать новые знания и навыки, необходимые для успешного овладения будущей профессией студентами и для профессионально-педагогического самосовершенствования преподавателей. Мнения относительно того, что существенных изменений в мотивации не произошло, а интерес к деятельности остался прежним, чаще придерживаются студенты. Преподаватели ощутили положительную динамику мотивации к работе за время пандемии существенно больше. При этом внимание привлекает тот факт, что негативное влияние на интерес и мотивацию к своей основной деятельности студенты ощутили в значительно большей степени по сравнению с педагогами. Можно предположить, что такая разница связана с тем, что снижение интереса к учебе больше характерна для первокурсников, ожидания которых были изначально связаны с очным форматом учебной деятельности. Большинство же преподавателей, получив дополнительный ресурс времени за счет удаленной работы, смогли использовать его для освоения большего материала не только своей учебной работы, но и научной деятельности.

Данные исследования свидетельствуют о том, что наибольшей ценностью для студентов является семья. Это отметили 63,3 % опрошенных. На втором месте стоит здоровье (54,8 %), третье место занимают самореализация и творчество (46,7 %), на четвертом месте — материальное благополучие (44,9 %). Затем идут свобода, любовь, друзья, карьера, признание и социальный статус. На последнем месте — образование как таковое, без привязки его к трудоустройству (10,2 %) (рис. 2).

Оценивая факторы успешной жизни человека, студенты и преподаватели едины во мнении о том, что успех в жизни в первую очередь зависит от трудолюбия и ответственного отношения к труду, а также примерно одинаково высоко педагоги и обучающиеся оценивают значимость когнитивных способностей и таланта. Принципиальным отличием в оценке потенциальных

15. Что для вас в жизни является наиболее значимым? (не более 3-х ответов):

167   ответов

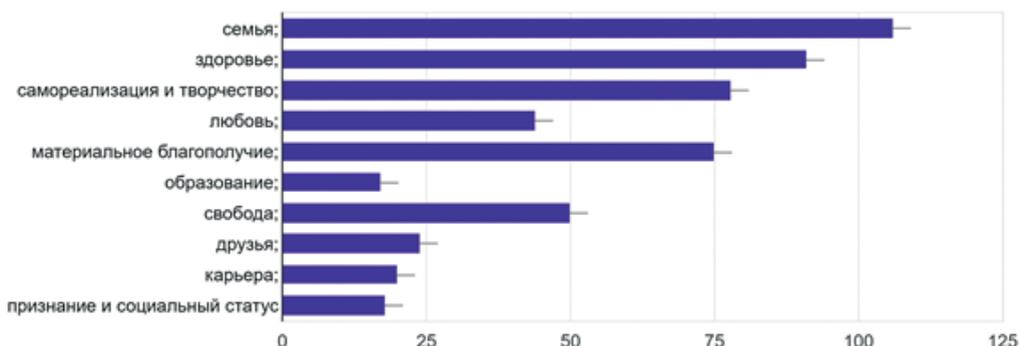

Рис. 2. Жизненные ценности студентов

факторов успеха в жизни являются мнения относительно умения приспосабливаться в жизни. Более половины студентов рассматривают это качество как одно из важных для достижения успеха в жизни, в то время как среди преподавателей это качество практически никто не отметил. Такое различие, как предполагается, связано с разной интерпретацией понятия «приспосабливаться» в контексте ситуации достижения успеха. Для преподавателей это слово скорее окрашивается негативным эмоциональным фоном коннотации и приобретает новое значение — «приспособленчество», в то время как достижение успеха в жизни является возможным для человека исключительно через упорный труд, ответственность и отстаивание своей профессиональной и личностной позиции. Для студентов же понятие «приспособление к жизни» можно скорее рассматривать как социально значимое качество, как адаптивность, гибкость, возможность изменяться под условиями, которые предъявляет современная VUCA-среда. То есть студенты склонны, вероятно, оценивать способность приспосабливаться как один из ведущих компонентов социального интеллекта и социальной компетентности.

Таким образом, ценность высшего образования понимается как преподавателями, так и учащимися. Но представление о цели участия человека в учебном процессе у этих двух социальных групп различается. Педагогам важно передать знания и получить удовлетворение от самой возможности трансляции молодому поколению большого количества накопленной годами информации. Студенты в ходе обучения хотят получить именно те умения и знания, которые позволят им со временем удачно трудоустроиться и стать если не успешными людьми, то, по крайней мере, приспособленными к современным условиям жизнедеятельности. Но о том, что это за знания и умения, молодежь имеет смутное представление.

Полученные по итогам исследования результаты дают возможность на практике вносить изменения в планирование организационно-методической работы

вуза и оптимизировать учебный процесс, ориентируясь не только на нормативные требования и стандарты, но и на ценностные позиции участников образовательного процесса.

Литература

1. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Базовые ценности профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 1. С. 4–15.
2. Вакарев Е. С. Образ будущей профессии у студентов-психологов // Гуманитарные науки. 2016. № 2 (34). С. 138–146.
3. Репина Л. В., Реутова Е. Г. Тенденции развития образования в XXI веке в условиях современной глобализации // Педагогическое мастерство: мат-лы VII Междунар. науч. конф., г. Москва, ноябрь 2015 г. М.: Буки-Веди, 2015. С. 22–24.
4. Сакович С. М. Унификация мониторинговых показателей научной деятельности вуза с международными стандартами: тезисы общекаф. науч.-практ. конф. М., 2017. 37 с.
5. Ananishnev V. M., Ryabov V. V., Tkachenko A. V., Osmolovskaya S. M., Fursov V. V., Berestova L. I. Monitoring a university's educational and scientific activities: unifying the monitoring processes with European international standards // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 11. № 4. P. 56–69.
6. Castels M. Information Epoch. M.: Higher School of Economics, 2000. 607 p.
7. Klapper J. T. The effects of mass communication. N. Y.: The free press Glencoe, 1960. 302 p.
8. Lippman W. Public Opinion. N. Y: The Free Press, 1922. 422 p.
9. Loueri Sh. The Structure and Function of Communication in Society. Mass Communications (2nd ed.). Urbana, IL: University of Illinois Press. Chicago, 1971. P. 117–129.
10. Ryabov V. V., Ananishnev V. M., Ivanov A. V., Tkachenko A. V., Merku-shin V. I., Akhtyan A. G. Modern study of student's social adaptation phenomenon in large university educational complexes // EurAsian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 2343–2348.

References

1. Blinov, V. I., Esenina, E. Yu., & Sergeev, I. S. (2019). Bazovye tsennosti professional'nogo obrazovaniia [Basic values of vocational education]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Professional education and labor market], 1, 4–15. [in Russian].
2. Vakarev, E. S. (2016). Obraz budushchei professii u studentov-psikhologov [The image of the future profession among psychology students]. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences], 2 (34), 138–146. [in Russian].
3. Repina, L. V., & Reutova, E. G. (2015). Tendentsii razvitiia obrazovaniia v XXI veke v usloviakh sovremennoi globalizatsii [Trends in the development of education in the XXI century in the context of modern globalization]. *Pedagogicheskoe masterstvo* [Pedagogical skills]: Materials of the VII International Scientific Conference, Moscow, November 2015 (pp. 22–24). Moscow: Buki-Vedi. [in Russian].

4. Sakovich, S. M. (2017). *Unifikatsiia monitoringovykh pokazatelei nauchnoi deiatel'nosti vuza s mezhdunarodnymi standartami* [Unification of monitoring indicators of scientific activity of the university with international standards]: Abstracts of the Gen. Fed. Scient. and Pract. Conf. Moscow. [in Russian].
5. Ananishnev, V. M., Ryabov, V. V., Tkachenko, A. V., Osmolovskaya, S. M., Fursov, V. V., & Berestova, L. I. (2020). Monitoring a university's educational and scientific activities: unifying the monitoring processes with European international standards. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 11, 4, 56–69.
6. Castels, M. (2000). *Information Epoch*. Moscow: Higher School of Economics, 607.
7. Klapper, J. T. (1960). *The effects of mass communication*. N. Y.: The free press Glencoe.
8. Lippman, W. (1922). *Public Opinion*. N. Y.: The Free Press. 422.
9. Loueri Sh. (1971). *The Structure and Function of Communication in Society*. Mass Communications (2nd ed.; pp. 117–129). Urbana, IL: University of Illinois Press. Chicago.
10. Ryabov, V. V., Ananishnev, V. M., Ivanov, A. V., Tkachenko, A. V., Merku-shin V. I., & Akhtyan, A. G. (2019). Modern study of student's social adaptation phenomenon in large university educational complexes. *EurAsian Journal of BioSciences*, 13, 2, 2343–2348.

Общая иерархия права в исторической ретроспективе (социально-философский анализ)

А. В. Кучин

Аспирант кафедры философии и социальных наук.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: kuchinalexandr21@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье дается анализ образованию и развитию общей иерархии права в контексте социальной философии, при ее влиянии на общественные отношения. Также рассматриваются исторические этапы изменения иерархии права: развитие, гармония, а также угрозы деградации. При исследовании данных изменений, рассматривается влияние на правовую иерархию обстоятельств оппонирования и взаимодействия доктрин естественного и позитивного права, отразившихся на общественных отношениях. В результате анализа автор приходит к выводу о зависимости действия и применения правовых доктрин от степени правового приоритета общества либо индивида.

Ключевые слова: общая иерархия права, правовая доктрина, естественное право, позитивное право

Для цитирования: Кучин А. В. Общая иерархия права в исторической ретроспективе (социально-философский анализ) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 108–114. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.10

UDC 101.1: 316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.10

The General Hierarchy of Law in Historical Retrospect (Socio-Philosophical Analysis)

Alexandr V. Kuchin

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: kuchinalexandr21@gmail.com

Abstract. This article analyzes the formation and development of the general hierarchy of law in the context of social philosophy, with its impact on social relations. The historical stages of changing the hierarchy of law are also considered: development, harmony, as well as threats of degradation. In the study of these changes, the influence on the legal hierarchy of the circumstances of opposition and interaction of the doctrines of natural and positive law, which affected public relations, is considered. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the degree of legal priority of a society or an individual depends on the action and application of legal doctrines.

Keywords: general hierarchy of law, legal doctrine, natural law, positive law

For citation: Kuchin A. V. (2021). General hierarchy of law in historical retrospect (socio-philosophical analysis). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 108–114. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.40.4.10>

В широком толковании естественное право можно определить как правовую доктрину, утверждающую, что у любого индивида есть неотделимые права, присущие ему как представителю человеческого рода. В то же время позитивное право основывается на том, что все права человека определяет государство, оно же регламентирует и правоотношения. Такая дихотомия, а в ретроспективе и противопоставление обозначенных правовых доктрин, детерминирует неравнозначность естественного и позитивного права. При этом если в позитивном праве достижима определенная конкретика в части его трактовки, то единого общепризнанного толкования естественного права не существует. Данное обстоятельство, безусловно, является одним из самых слабых мест доктрины естественного права. Да и сам перечень определяемых естественных прав на протяжении всей истории их существования сильно варьировался. Так, например, в эпоху Античности защищать свой родной полис считалось почетным правом, сегодня же защита Отечества рассматривается как обязанность гражданина. Кроме того, по историческим меркам в последнее время круг гражданских прав в очередной раз значительно расширился.

В античном мире споры софистов сводились к тому, что одни полагали допустимым для правителей вольно устанавливать права граждан, другие в этом видели ущемление естественных прав человека. Тем самым подтверждалось наличие естественных и позитивных прав, хоть и при отсутствии

таковых терминов. В целом большинство софистов одинаково негативно относились к обоим правовым идеям, считая одну из них слишком произвольной, а другую — чересчур беззащитной. При этом важно отметить, что еще до Сократа оформилась мысль о том, что законы призваны охранять личную свободу человека. Сократ же утверждал, что существуют законы превыше тех, которые установлены правителями (так называемые божественные законы), и людям необходимо ориентироваться в первую очередь именно на них (Ксенофонт, 1993, с. 240). Платон развил эту мысль в своем диалоге «Государство», утверждая, что существуют идеальные права и права развращенные. Тем самым Платон указывает, что у человека есть не только права, определенные законами государства (пусть и ориентированными на законы свыше), но и идеальные права (Платон, 1975, с. 324). Аристотель продолжает развитие платоновской мысли, однако рассматривает идеальные права как естественные, а установленные государством — как положительные (Аристотель, 1981, с. 230). Античность — единственное время, когда обе правовые доктрины, хотя зачастую и вступали в противоречия, существовали в относительной гармонии.

Отдельно необходимо отметить, что именно христианскими богословами активно использовалось понятие «личность», внося, возможно, самые большие в истории развития права изменения, в том числе аксиологического характера. Великие каппадокийцы дали употребляемое до настоящего времени определение понятию «личность»: они рассматривали этот термин как производное от понятия «ипостась». Позже Фома Аквинский определил личность как «индивидуальную субстанцию в ее разумной природе» (Фома Аквинский, 2002, с. 373). При этом человеческая справедливость, определяющая естественное право, в своем развитии никогда не сможет достичь совершенства, кроме того, как все смертное непременно начнет деградировать. С точки зрения средневековых европейских мыслителей, только Христос может сообразовать путь человеческой справедливости в соответствии с волей Бога. (Фома Аквинский, 2006, с. 412). Таким образом, образуется представление, что возможно не самостоятельное развитие человечества и не автоматический переход к Царству Христову всего человечества, но лишь при участии Христа спасение в жизни вечной последовавших за Ним. Так, право становится сотериологической необходимостью при развитии взаимоотношений между личностями. Однако сам вопрос приоритета правовых доктрин решился не сразу.

Уже Византия в правовых реформах Юстиниана и Запад в трудах Фомы Аквинского, исходя из несовершенства языческого права, по-разному приходят к тому, что позитивное право, безусловно, необходимо сообразовывать с Заповедями Творца. Естественное право же в Византии отделено от положительного, но не противоречит ему, поскольку имеет одинаковый ориентир. Так, разделяясь институционально, Церковь дает толкование естественного права, а император устанавливает положительное, не вмешиваясь в дела друг друга, поскольку имеет одинаковый ориентир, образуя тем самым симфонию властей. На Западе же по-иному формировалось отношение к естественному

праву. Фома Аквинский видит основу естественного права в человеке как венце творения, который добровольно впал в грех (Там же, с. 49). Естественное право, дарованное Творцом, служит основным правовым ориентиром, с которым людям необходимо соотносить права и свободы. Таким образом, Бог становится первоисточником естественного права.

Однако возникает необходимость в определении перечня неотъемлемых прав, присущих личности. Кроме того, права выступают как принципы, присущие только человеку и определяющие человека. Правовые нормы должны, в свою очередь, соотноситься с правами личности, а правоприменение — с правовыми нормами, образуя иерархию права и формируя правовую культуру и реализацию права, включенных в данный контекст. Образовывается право Божественное и право человеческое — не совершенное в силу греховности, однако необходимое, естественные права в котором являются фундаментом, а ориентиром к Божественному праву, в котором выступает совесть. Отсюда право не исполнять заведомо несправедливые законы, противные и Божественному и естественным правам. Римская церковь получает право оценки и запрета светских законов, а правители получают обязанность соотношения указов и повелений с требованиями Церкви (что не могло не зародить противостояние между светской и церковной властью, в дальнейшем оказав влияние на возникновение континентального романо-германского права). Подобные отношения в конечном счете привели к ослаблению обоих институтов. При этом, вероятно, такие отношения послужили и возникновению особого духа западноевропейского соперничества, покушающегося на авторитеты и ищущего истины в самих результатах спора. Данные отношения отразились и на диалектичности европейской философии, а впоследствии, в период «развитого» протестантизма, послужив возникновению капитализма, привели к особому «благоволению перед богатством», с обоснованием экономической конкуренции.

Особое место заняла Англия, где суды могли признать указы короля не соответствующими духу Евангелия и отменить их. При этом такого рода решение, опираясь на первоисточник права, обладало силой прецедента. Когда же король подчинил себе Церковь, англиканство не смогло избежать королевского влияния, в этой связи образовывался правовой парадокс: при дальнейшей утрате законодательных полномочий король получал влияние на нормы права через судебные прецеденты, опираясь на авторитет Евангелия. Так образовалось квазиестественное право, на которое светский монарх получал реальное влияние. Отметим, что нам не известно иного подобного примера образования квазиестественного права в истории, поскольку обожествляемый правитель (в Риме или Египте) не являлся Богом-Творцом. Здесь же речь идет именно о возможности правовой спекуляции на неизменных (без участия пророков и жрецов) законах Творца.

Таким образом, в эпоху Средневековья, именно теория Божественного происхождения права впервые формирует целостную правовую иерархию,

от источника права (Бога), до правоприменения (государства). Однако и в англо-саксонском, и в континентальном праве по-разному закладываются порочные возможности для спекуляций в угоду личным (не только политическим) интересам. Зачастую на практике, прикрываясь высокими религиозными целями, издавались несправедливые законы и происходило их порочное исполнение, что со временем привело в том числе к религиозной и правовой реакции. Попытки найти иной правовой фундамент привели к тому, что обретенные в христианстве права личности как главный правовой принцип заняли сакральное первое место в правовой иерархии, фактически встав на место первоисточника, которым раньше выступал Бог, и позднее привели к тому, что европейская философская мысль развивалась преимущественно как антитеза христианской (Гогиберидзе, 2003, с. 13). В эпоху Возрождения Граций утверждает, что новым законодателем должны стать права личности (Гроций, 1994, с. 35). Протестантское же движение дало толчок к развитию неотчуждаемых естественных прав личности в индивидуалистическом направлении. Данная тенденция в правовом понимании укреплялась в западном обществе, становясь противовесом абсолютизму. А укрепление личностных прав как главного принципа в естественном праве способствовало расширению перечня самих естественных прав. Важным катализатором процесса расширения и утверждения естественных прав человека стала Великая французская революция. Так, впервые естественные права (право на жизнь, свободу частной собственности, равенство всех перед законом) как главные принципы появились на законодательном уровне. Однако, со временем правовое доминирование принципов естественного права привело к обогащению определенных социальных групп, которые, воспользовавшись несовершенством правовой системы, открыто нарушали иерархию права.

Критику абсолютной доминанты принципов естественного права можно проследить уже в работах Канта и Гегеля. Кант начинает усматривать естественное право как право разума, относя его к всеобщей воле, которая выше интересов отдельных субъектов (Асмус, 2005, с. 83). Гегель же считал, что государство призвано реализовывать законы сущего, к коим в конечном счете устремляется и разум. Таким образом, в рамках государства субъекту возможно обладать наибольшей свободой, при этом ему вменено подчинение законам государства, поскольку оно осуществляет вечной объективной идеи, а не только продукт общественного договора (Новгородцев, 2000, с. 164).

Философия левых гегельянцев повлияла на взгляды Маркса, который дает свое видение роли и функционированию правовой системы. «Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловно святого» (Энгельс, 1961, с. 275). Так, естественные права, выступающие как главные принципы права, отбрасываются и их место занимают правовые нормы, т. е. подчиненная им сфера в правовой иерархии. Происходит процесс, схожий с переходом первоисточника права от Божественного к правам личности как главным принципам права. Переход к доминированию позитивного права явно обозначился в XX веке, прежде всего в тоталитарных государствах

(фашистская Германия, СССР 20–50-х гг. и др.). Такого рода правовую трансформацию возможно рассматривать не как простое нарушение иерархии права, а как деградацию правовой системы (установление тоталитарных режимов, разделение вины и наказания, передача правосудия несудебным органам, классовая и национальная дискредитация). При тоталитаризме принцип равенства становится не правовой нормой, а доминирующим регулятором прав. В структуре права были выделены определенные системные качества и установлены на первое место. Они заменили в ценностном плане главные принципы права личности. Так называемая социально-правовая революция поставила на первое место принцип равенства, одновременно заменив естественное право правом позитивным, оправдывая все правовые перекосы интересами нации или класса.

Итак, в исторической ретроспективе возможно усмотреть образование и деградацию иерархии права, которое формировалось исходя из индивидуальных и общественных представлений о праве и его источниках. Особое место в этом процессе занимает Англия, оставшаяся в рамках декларируемой иерархии права, но при этом фактически отдавшая толкование сакрального первоисточника права королю как главе Англиканской церкви, что привело к образованию квази-естественного права. В континентальной Европе и Византии христианскими богословами и философами впервые была выработана иерархия права со строгой и гармоничной имплементацией. Также в данный период вопрос приоритета естественного или позитивного права впервые нашел разъяснение и общее применение, утверждаясь в рамках иерархии права. Следуя идее, что вначале Бог сотворил одного человека, а не общество, приоритет остается за естественным правом. Поскольку Христос заповедал любить ближнего как самого себя, позитивное право неотделимо и следует за естественным. Однако в дальнейшем иерархия права претерпела десакрализацию, а впоследствии деидеализацию, приведя к широким порочным последствиям не только для права, но и для общества в целом. Все это очевидно указывает на неустойчивость иерархии права при нарушении гармонии между элементами системы.

Также допустимо сделать вывод, что представление о естественном праве и его образовании ориентировано на примат индивида перед обществом, в то время как позитивное право, наоборот, ориентировано на примат общества перед индивидом.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / вступ. статья и прим. И. Д. Рожанский. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 536 с.
3. Жильсон Э. Избранное: Т. 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. СПб.: Университетская книга, 1999. 496 с.
4. Гогиберидзе Г. М. Диалог культур. М.: Наука, 2003. 184 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира / пер. с лат. А. Л. Саккетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. М.: Ладомир, 1994. 880 с.

6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука; ИФ РАН, 1993. 592 с.
7. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 248 с.
8. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1975. 654 с.
9. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. Киев: Ника-Центр, Эльга; М.: Элькор-МК, 2002. 560 с.
10. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–I. Вопросы 1–48. Киев: Ника-Центр, Эльга; М.: Элькор-МК, 2006. 576 с.
11. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1961. 840 с.

References

1. Aristotle. (1981). *Sochineniia*: v 4 t. [*Works in 4 volumes*] (Vol. 3; Rozhansky, I. D., Introductory article and note). Moscow: Mysl. [in Russian].
2. Asmus, V. F. (2005). *Immanuil Kant* [*Immanuel Kant*]. Moscow: Higher school. [in Russian].
3. Gilson, E. (1999). *Izbrannoe: T. I. Tomizm. Vvedenie v filosofiю sv. Fomy Akvinskogo* [*Selected works: T. I. Thomism. An introduction to the philosophy of St. Thomas Aquinas*]. Saint Petersburg: University book. [in Russian].
4. Gogiberidze, G. M. (2003). *Dialog kul'tur* [*Dialogue of cultures*]. Moscow: Nauka. [in Russian].
5. Hugo Grotius. (1994). *O prave voyny i mira* [*On the law of war and peace*] (Sacchetti, A. L., Tr. from Latin; Kry'lov, S. B., Ed.). Moscow: Lodomir. [in Russian].
6. Xenophon. (1993). *Vospominaniia o Sokrate* [*Memories of Socrates*]. Moscow: Nauka; IP RAS. [in Russian].
7. Novgorodtsev, P. I. (2000). *Kant i Gegel` v ikh ucheniakh o prave i gosudarstve* [*Kant and Hegel in their teachings about law and state*]. SPb: Aleteya. [in Russian].
8. Platon. (1975). Gosudarstvo [State]. In *Sobranie sochinenii* [*Collected works*] (in 3 volumes). Moscow: My`sl. [in Russian].
9. Thomas Aquinas. (2002). *Summa teologii* [*The Sum of theology*]. Ch. I. Voprosy 1–43 [Part I. Questions 1–43]. Kiev: Nika-Center, Elga; Moscow: Elkor-MK. [in Russian].
10. Thomas Aquinas. (2006). *Summa teologii* [*The Sum of theology*]. Ch. II–I. Voprosy 1–48 [Part II–I. Questions 1–48]. Kiev: Nika-Center, Elga; Moscow: Elkor-MK. [in Russian].
11. Engels, F. (1961). Liudvig Feierbakh i konets klassicheskoi nemetskoï filosofii [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy] In Marx K., Engels F. *Essays*. Vol. 21. Moscow: Gos. izd-vo Politicheskoy Lit-ry. [in Russian].

ПАМЯТИ ЭДУАРДА АЛЕКСАНДРОВИЧА БАГРАМОВА

28 июня 2021 г. не стало **Эдуарда Александровича Баграмова**, доктора философских наук, профессора, видного советского и российского философа, специалиста в области этнополитологии и проблем нации, заслуженного деятеля науки РСФСР (1990), члена Американской ассоциации содействия науке (1974).

Эдуард Александрович родился 16 декабря 1930 г. В 1953 г. он окончил историко-международный факультет МГИМО, затем аспирантуру Института философии АН СССР. С 1956 г. Эдуард Александрович был консультантом, затем заведующим международным отделом и членом редакционной коллегии журнала «Политическое самообразование». С 1966 по 1971 г. — консультантом отдела ЦК КПСС. В 1971–1979 гг. — заместителем главного редактора журнала «Коммунист». С 1974 по 1982 г. он занимал должность профессора кафедры философии АН СССР, ИПК при АОН. С 1979 по 1991 г. Э. А. Баграмов работал в должности старшего научного сотрудника, заведующего сектором, затем заведующего отделом межнациональных отношений Института марксизма-ленинизма. В 1991 г. Э. А. Баграмов становится директором Центра исследования национальных отношений Российского независимого института социальных и национальных проблем, а в 1993 г. — начальником департамента Государственного комитета РФ по делам федерации и национальностей. С 1995 по 1999 г. Эдуард Александрович был консультантом департамента стратегии интеграционного развития Межгосударственного экономического комитета СНГ. С 1992 г. Э. А. Баграмов являлся главным редактором журнала «Евразия. Народы. Культуры. Религии».

В МГПУ Эдуард Александрович работал с 1999 по 2018 г. в должности профессора кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, совмещающая преподавательскую деятельность с должностью заместителя директора Института социально-политических исследований РАН.

Область его научных интересов — природа и динамика национальных и интернациональных отношений, а также пути преодоления напряженности в межнациональных отношениях, идеология национализма в современном мире, национальная идея в России и проблемы федерализма. Э. А. Баграмов был и остается высочайшим авторитетом среди специалистов. Светлая память о Баграмове Эдуарде Александровиче останется в сердцах его учеников и коллег.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы (ТРЕБОВАНИЯ РАЗРАБОТАНЫ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ Р 7.0.7–2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ»):

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, но без учета списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;

- шрифт — 14, Times New Roman;

- интервал — полуторный;

- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);

- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [Фамилия автора, год издания, с. 17]; [Фамилия автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только фамилия автора (авторов), без инициалов);

- рисунки, схемы, таблицы и графики должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения; нумеруются в порядке упоминания их в тексте.

- отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм;

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) (www.teacode.com/online/udc/);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание — по центру, кегль шрифта — 14, буквы — заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится; имя, отчество и фамилия (полностью) авторов, научная степень, звание, должность (выравнивание — по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID) (www.orcid.org) авторов указывается

после имен авторов, научной степени, звания, должности на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание — по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом).

- заголовки должны быть оформлены следующим образом:
  - первый уровень: прямой, жирный шрифт, первая заглавная буква, текст ниже — без пробела;
  - второй уровень: курсив, первая заглавная буква, текст ниже — без пробела;
  - третий уровень: прямой, первая заглавная буква, текст ниже — без пробела;
- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегль шрифта — 14, выравнивание — по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;
- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, оформляется в соответствии со стилем APA (7th edition) (apastyle.apa.org).

ВАЖНО:

Данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии(й) авторов; в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык (Ф. И. О. авторов и названия статьи); названием журнала, зарегистрированном в ISSN-реестре (portal.issn.org) на английском языке (если таковое имеется). По каждому русскоязычному источнику (не имеющему наименования на английском языке) предоставляется транслитерация наименования источника (см. образец). На сайте www.translit.ru нужно бесплатно воспользоваться программой транслитерации с кириллицы на латиницу. Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

В список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science)), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи *подстрочными ссылками* (в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

СТРУКТУРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ

Материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % — для эмпирических.

Тип статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ

Имя, отчество и фамилия автора

Научная степень, звание, должность

Место работы

Почтовый адрес

Электронный адрес, ORCID

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Type of article

TITLE OF ARTICLE

First, middle, last name

Scientific degree, academic title, position

Place of work

Postal address

E-mail, ORCID

Abstract

Keywords

Acknowledgments

ТЕКСТ СТАТЬИ

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ / МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Список источников

References

Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов

Information about the absence or presence of a conflict of interest

---

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Список источников не менее 20 только научно-исследовательских работ (научные статьи, монографии, книги), в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science)), с указанием DOI или URL для всех источников. Все упомянутые в тексте авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы. Ссылки на свои работы допускаются (не более двух).

В статье приводится два списка литературы.

Первый список составляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка».

Второй список (References) — список источников на английском языке — в соответствии со стилем APA (7th edition) (apastyle.apa.org).

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТСУТСТВИИ ИЛИ НАЛИЧИИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

В конце статьи приводится информация об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализация такого конфликта в случае его наличия.

Пример:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.philosophy.mgpi.ru.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (ChernenkayaSV@mgpi.ru).

Телефон редакции: +7 (499) 181-52-35, доб. 135.

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ

Серия «Философия»

MCU Journal

of Philosophical Sciences

2021, № 4 (40)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82101 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

А. В. Лященко

Корректоры:

К. М. Музамилова, С. И. Шостко

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Телефон: +7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 24.11.2021

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 7,5 печ. л. Тираж 1000 экз.